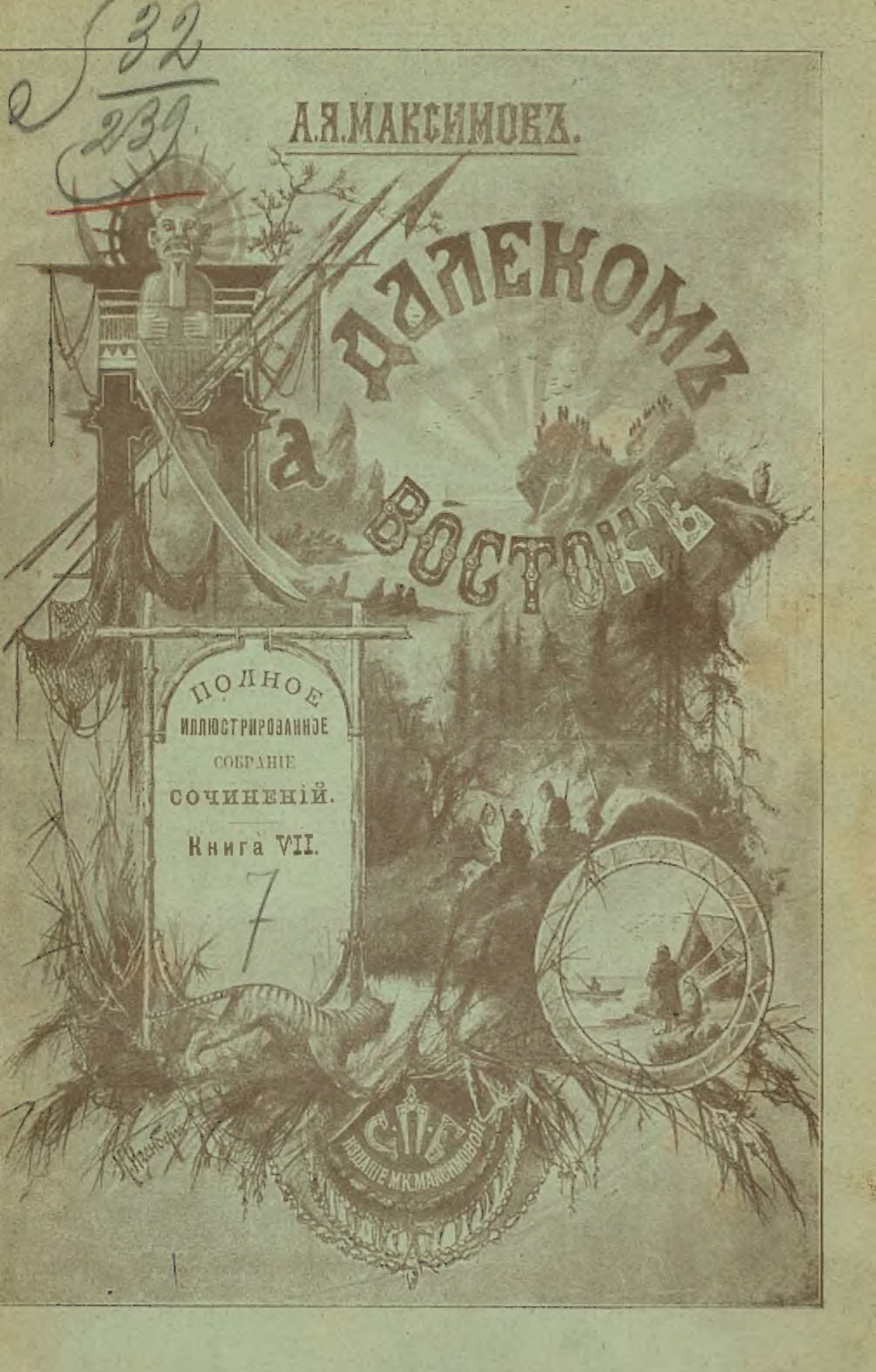
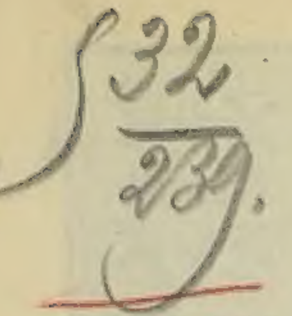

А. Я. МАКСИМОВЪ.
На далекомъ востокѣ
Полное иллюстрированное собраніе сочиненій.
Книга VII.
С.П.Б.
Изданіе М.К. Максимовой

Рисунки дозв. Ценз. Спб. 23 Ноября 1899 г. Тип. К. Л. Пентковскаго, Казанч. 6.

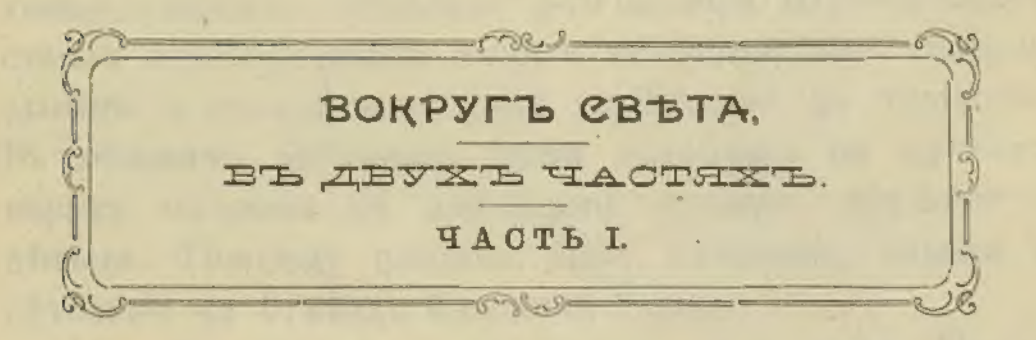

А. Я. Максимовъ.

НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ВОКРУГЪ СВѢТА,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ I.

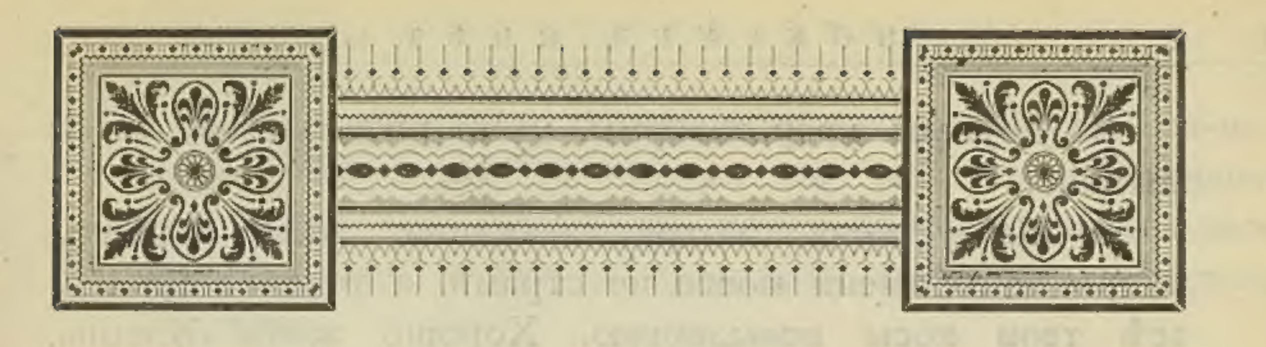
Изданіе М. К. МАКСИМОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія К. Л. Пентковскаго, Казначейская, 6—71.

1900.

Рисунки Дозволены Цензурою. Спб. 12 ноября 1900 г.

ГЛАВА I.

Переборка команды на корветъ.—Посѣщеніе корвета Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Послѣдніе дни въ Кронштадтѣ.

Необыкновенная дѣятельность кипѣла въ казармахъ команды корвета „Аскольдъ“ 4-го октября. Шумъ и гвалтъ стояли невообразимый; пыль и табачный дымъ спирали дыханіе и дѣлали атмосферу удушливою до тошноты. Въ облакахъ табачнаго дыма виднѣлись на пустыхъ нарахъ матросы съ земляками, женами, друзьями и дѣтьми. Повсюду слышно было цѣлованіе, вздохи и сѣтованіе на отъѣздъ близкихъ сердцу.

На одной изъ наръ сидѣли мужъ и жена. Мужъ, сильно подвыпившій, крѣпко обнималъ и ласково утѣшалъ ее. Жена хныкала и жаловалась.

— Ваня, голубчикъ, на кого ты меня покидаешь! Хоть и жили мы какъ собака съ кошкой, а все-жъ таки тошно разставаться.

— Эхъ, не плачь, Аксинья, душечка, може-еще свидимся? А что ѣду—на то царская воля: ей не поперечь. Ну, а коли много билъ тебя, за то прости, Аксинья, душечка; за эфто самое четыре года бить тебя не стану, утѣшалъ матросикъ свою дражайшую половину. Послѣдняя утѣшалась этимъ и переставала хныкать.

Въ другомъ углу казармы, мужъ читалъ своей женѣ натацію.

— Ты у меня смотри, Акулина, живи хорошо, матросскаго имени моего не страми, а то какъ пріѣду, всѣ твои косы повыдергаю. Хорошо жить будешь, ей-ей гостинцевъ заморскихъ навезу.

— Я, Яковъ Матвеичъ, говоритъ Акулина, буду жить какъ Богъ велѣлъ, и порочить имя твое не стану.

— То-то, отвѣтилъ Яковъ Матвеичъ, ты у меня смотри, и это „смотри" сопровождалось такимъ ужаснымъ жестомъ, что Акулина со страхомъ попятилась назадъ.

— Не бойся, Акулинушка, не бойся, успокоивалъ опять ее Яковъ Матвеичъ, побью тогда только, когда баловать станешь, а не станешь, такъ и на што бить-то? И долго еще бы бесѣдовали матросы съ родными и знакомыми, если бы не боцманскій молодецкій крикъ вывелъ кого изъ пріятнаго, а кого и изъ непріятнаго положенія.

— Маршъ всѣ во фронтъ!

Вышли; возы съ матросскимъ скарбомъ были уже готовы и отправлены впередъ. Черезъ полчаса команда была въ полномъ составѣ и двинулась при звукахъ музыки сопровождаемая множествомъ земляковъ, родныхъ и просто глазѣющаго люда. На прощанье земляки и родные кричали „ура" и угощали по дорогѣ уѣзжающихъ водкою и пивомъ, слѣдствіемъ чего было то, что на корветъ пришло полькоманды; остальная же половина, собиралась въ продолженіе двухъ часовъ въ видѣ процессіи разнокалиберныхъ троекъ, въ которыхъ роль коренника обыкновенно игралъ сильно подвыпившій матросъ корвета,—а пристяжными были или добрые земляки, напоившіе друга до отвала, или же жена и братья.

Смѣшно было смотрѣть на подвыпившаго матроса, который, подходя къ корвету, бодрился, вырываясь отъ вожаковъ и, во что бы то ни стало, желалъ

выказать твердость своихъ ногъ; но сдѣлавши три-четыре шага, ноги, не смотря на всѣ усилія матроса найти для нихъ надежную точку опоры, отказывались ему служить, и онъ съ громкимъ кряхтеньемъ падалъ въ грязь.

— Земляки, бормоталъ онъ, ей-ей оступился, а то бы всенепремѣннѣйше прошелъ бы. Экая проклятая дорога. Да подымите же, голубчики. И подбѣгали къ нему, напоившіе его земляки, и снова брали подъ руки; онъ же, не надѣясь болѣе на твердость ногъ, позволяетъ волочить себя по грязной землѣ...

Много прошло времени пока не собралась вся команда и не убралась въ своемъ новомъ жилищѣ; долго еще царствовалъ на корветѣ невообразимый безпорядокъ, пока все вступило въ свою обычную морскую колею. Къ вечеру только дисциплина взяла свое, и на корветѣ воцарилась тишина, строго требуемая на всѣхъ военныхъ судахъ не только въ обыкновенное время, но даже и во время работъ.

9-го октября утромъ, на корветъ дано было знать, что въ этотъ день прибудетъ въ Кронштадтъ генералъ-адмиралъ и, по всей вѣроятности, зайдетъ проститься съ офицерами и командою. — На корветѣ пошла уборка и приготовленіе къ смотру; не смотря на то, что работы на немъ были еще не окончены, онъ къ 10-ти часамъ принялъ такой прекрасный видъ, что всѣ ожидали смотра съ удовольствіемъ.

Къ 11-ти часамъ подошла къ Кронштадту съ великимъ княземъ паровая яхта „Стрѣльна". Его Высочество пересѣлъ на паровой катеръ и, въ сопровожденіи главнаго командира кронштадтскаго порта, вице-адмирала П. В. Казакевича, генералъ-адъютантовъ Г. И. Бутакова и А. А. Попова, отправился смотрѣть Кронштадтъ и его учрежденія. Въ 2 часа великій князь началъ смотръ судамъ стоявшимъ въ гавани; наконецъ очередь дошла и до нашего корвета; на немъ давно все было прибрано, и офицеры въ полной формѣ, а команда въ

новыхъ фланелевыхъ рубашкахъ, стояли во фронтѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая посѣщенія генералъ-адмирала.

Въ $2^1/_2$ часа паровой катеръ подошелъ къ борту и его высочество вошелъ на корветъ, поздоровался съ командиромъ, привѣтливо разспрашивалъ его о времени выхода въ море, о его прежней службѣ и вообще интересовался всѣмъ что касалось корвета. За тѣмъ поздоровавшись съ офицерами и командою, пошелъ осматривать устройство, вооруженіе и внутреннее расположеніе корвета. Больше часа осматривалъ онъ корветъ во всѣхъ его частяхъ, разспрашивалъ командира обо всемъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и, въ концѣ концовъ, остался всѣмъ видѣннымъ чрезвычайно доволенъ. Въ четвертомъ часу его высочество вышелъ на верхнюю палубу и, обойдя ее въ послѣдній разъ, подошелъ къ командиру, обнялъ его и, поцѣловавъ, по русскому обычаю три раза, сказалъ:

— Прощай, отправляйся съ Богомъ!

Затѣмъ подошелъ къ офицерамъ:

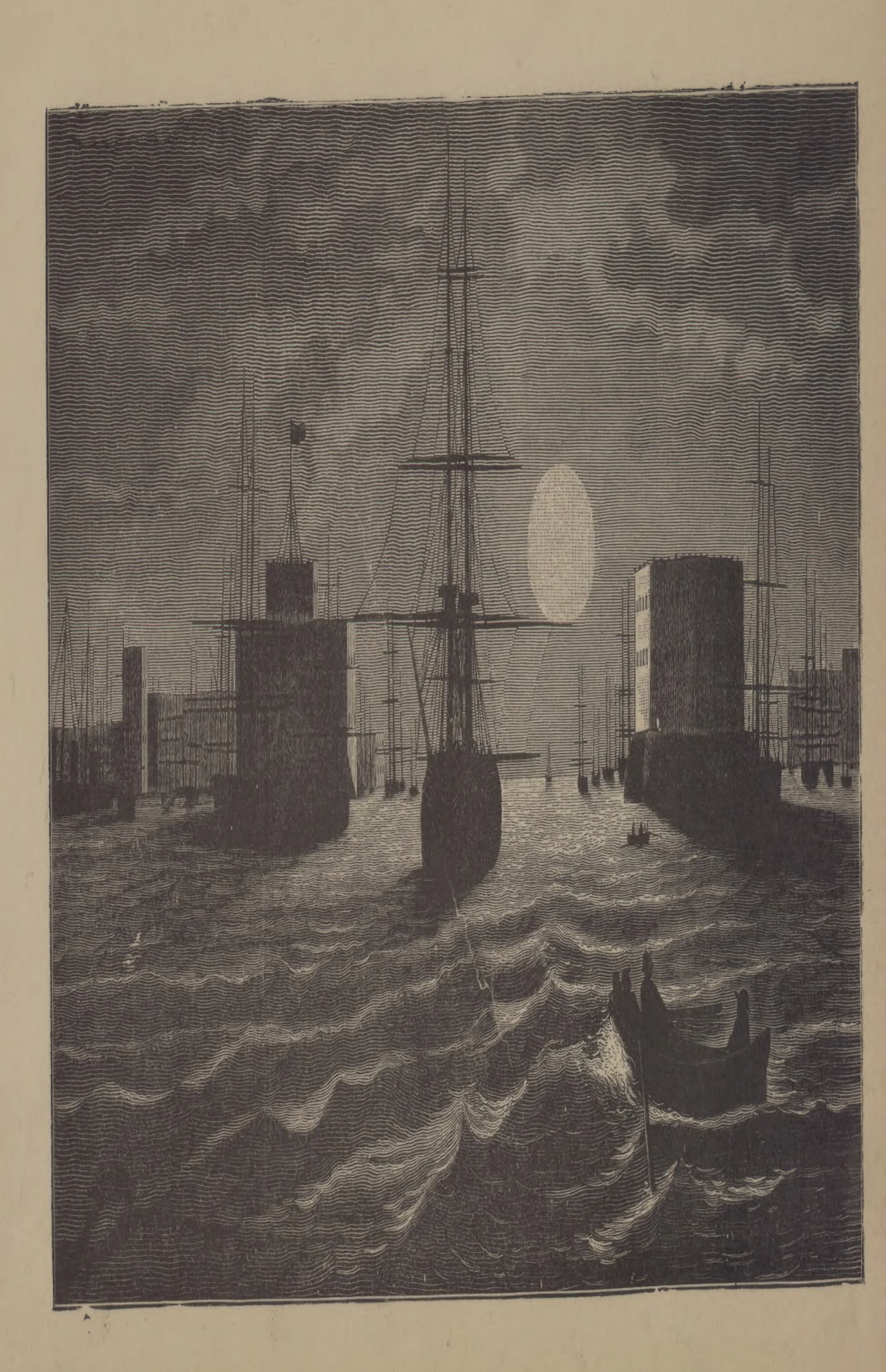
— Прощайте, господа, желаю вамъ счастливаго и благополучнаго плаванія. Жду отъ васъ, что вы поддержите вдали отъ родныхъ береговъ честь русскаго флага.

Послѣ этого обратился къ командѣ и громкимъ голосомъ привѣтствовалъ:

— Прощайте, молодцы! надѣюсь слышать объ васъ одно только хорошее. Будьте бравыми и поддержите славу русскихъ моряковъ.

— Счастливо оставаться! рады стараться! Ура!!! раздался единодушный, радостный и восторженный крикъ, эхо котораго далеко разнеслось по заливу кронштадтской гавани.

Всѣ были довольны этимъ смотромъ, который сошелъ такъ счастливо и удачно. Долго послѣ него шли веселые разговоры и разспросы о томъ, что говорилъ великій князь, что особенно хвалилъ и чѣмъ интересовался.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ передѣлокъ, указанныхъ великимъ княземъ, корветъ „Аскольдъ" долженъ былъ, противъ воли и желанія командира, да и всѣхъ идущихъ въ плаваніе, пробыть въ Кронштадтѣ до 24-го октября. Къ нашему несчастію, уже стояло холодное и бурное время; нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ, и многіе начали отчаяваться въ благополучномъ плаваніи въ позднее осеннее время.

Всѣмъ хотѣлось какъ можно скорѣе оставить негостепріимныя воды Рижскаго залива, Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и скорѣе, какъ можно скорѣе, войдти въ болѣе теплыя и благопріятныя мѣста, гдѣ не пришлось бы кутаться, не пришлось бы смотрѣть на захолодѣвшихъ матросиковъ, съ необыкновеннымъ усиліемъ тянувшихъ замороженную снасть.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали боцманскаго свистка и приглашенія „пожаловать наверхъ сниматься съ якоря". Но между тѣмъ, какъ подумаешь, бывало, что подходитъ время скорой разлуки съ родными и милыми сердцу невольная слеза скатывалась съ рѣсницъ. Грустно становилось на душѣ при мысли, что можетъ быть смотришь на все въ послѣдній разъ, можетъ даже и не придется умереть на родной сторонѣ, пожать въ послѣдній разъ руку всѣмъ близкимъ сердцу? Эти грустныя мысли наводили тоску и уныніе; онѣ пропадали тотчасъ же, какъ только вспоминалось о тѣхъ земляхъ, народахъ, городахъ, о той вѣчно-зеленѣющей природѣ съ ея дивною гармоніею цвѣтовъ, звуковъ и о жизни тѣхъ величественныхъ, достойныхъ одного Бога явленіяхъ, которыя увидимъ. Все грустное пропадало и въ будущемъ видѣлось одно только радужное, хотя съ небольшими темными полосами. На сердцѣ становилось опять легко, часъ грустной разлуки забывался, и являлось одно только пылкое желаніе поскорѣй выйдти изъ холодныхъ водъ Финскаго залива, обойти весь свѣтъ, все увидѣть, все испытать!...

ГЛАВА II.

Молебенъ.—Прощальный обѣдъ.—Снимка съ якоря.—Первый день плаванія.—Первое несчастіе.—Штормъ въ Балтійскомъ морѣ.—Приходъ въ Киль.—Его достопримѣчательности и окрестности.—Поѣздка въ Гамбургъ.

Въ 8 часовъ утра, 28-го октября, отслуженъ былъ на корветѣ напутственный молебенъ. Горячо молились мы, горячо просили у Бога благополучнаго плаванія. Молебенъ, можно сказать, былъ торжественный: то была искренняя молитва странниковъ, пускавшихся въ далекое и опасное плаваніе. Всѣ сердца наши бились однимъ желаніемъ увидѣть еще разъ родину, родныхъ и дорогихъ сердцу. На глазахъ многихъ блестѣли слезы; многихъ эта, можетъ быть, послѣдняя на родинѣ, молитва привела въ сильное волненіе. Умильно молились и матросы и горячо преклонили колѣно, со слезами на глазахъ, при возгласѣ священника: „о плавающихъ и путешествующихъ, Господу помолимся".

По окончаніи молебна, на корветѣ быстро начали прибираться къ принятію провожающихъ, знакомыхъ и родныхъ.

Въ 11 часовъ подошелъ къ Аскольду военный пароходъ „Петербургъ" съ музыкою и гостями, которые сейчасъ же перешли на корветъ, осмотрѣли его и, были приглашены на прощальный обѣдъ. Обѣдъ былъ шумный, много тостовъ было провозглашено о благополучномъ плаваніи, много добрыхъ пожеланій и напутствій. Послѣ обѣда командиръ отдалъ приказаніе сниматься съ якоря, и черезъ двѣ минуты раздался давно желанный боцманскій свистокъ, сопрождаемый громкимъ крикомъ: „Пошелъ всѣ наверхъ: съ якоря сниматься".

Шумно, какъ-то лихорадочно, бросились матросики

наверхъ, быстро вооружали шпили [1]) и, дружно налегшись здоровыми плечами въ вымбовки [2]), начали подтягивать канатъ. Провожавшіе въ то-же время опять пересѣли на пароходъ „Петербургъ", который при звукахъ музыки пошелъ вслѣдъ за корветомъ, уже снявшимся съ якоря...

Трогательно было разставаніе съ родными и знакомыми: много было пролито слезъ, много сердецъ сжималось отъ невыразимаго горя!

Матросы разбѣжались по вантамъ [3]) и усѣяли ихъ какъ мухи вплоть до марсовъ [4]). Гости, провожая, кричали „ура": мы громко, одушевленно имъ отвѣчали, махая фуражками и платками. Пройдя форты, „Петербургъ" повернулъ назадъ, раздались послѣдніе взаимные крики „ура", началось опять маханіе фуражками и платками. Мы вперили глаза въ удалявшійся пароходъ, который содержалъ въ себѣ все наше родное и въ послѣдній разъ сердце сжалось отъ невольной тоски, слезы блестѣли на рѣсницахъ и всѣ, молча, начали расходиться по каютамъ, шепча про себя: „прощай родина! прощайте дорогіе сердцу! Богъ знаетъ, увидимся ли?"

Въ этомъ вопросѣ заключалось все: желаніе, сомнѣніе и мольба.

— Начать салютъ! раздалась громкая команда вахтеннаго начальника, прервавшая нить нашихъ дорогихъ, но грустныхъ мыслей. Громко и мѣрно начали раздаваться прощальные выстрѣлы, посылая послѣдній привѣтъ родной землѣ и всѣмъ дорогимъ сердцу. Получивъ съ крѣпости отвѣтъ на привѣтствіе, мы дали полный ходъ и быстро

[1]) Шпиль есть ничто иное, какъ воротъ, съ помощью котораго вытаскиваютъ якорь изъ воды.

[2]) Въ верхней части шпиля находятся большія квадратныя отверстія, въ которыя вставляются толстые деревянные рычаги, называемые вымбовками.

[3]) Вантами называются лѣстницы, по которымъ матросы взбѣгаютъ на мачту.

[4]) Марсами называются площадки, находящіяся на верху мачты.

начали удаляться; съ сожалѣніемъ всѣ смотрѣли на постепенно скрывающійся Кронштадтъ.

Первый день плаванія по Финскому заливу, былъ несчастливъ. Погода была прескверная: ночью постоянно налетали шквалъ за шкваломъ, все противные, то съ дождемъ, то со снѣгомъ, то съ градомъ, и матросы, стоявшіе на вахтѣ, отворачивали свои лица отъ рѣзкаго, холоднаго и сильнаго вѣтра; кто же могъ, тѣ забивались куда нибудь за мачту и бесѣдовали о плаваніи и о тѣхъ диковинкахъ, которыя придется увидѣть. За фокъ-мачтою веселый, старый, уже побывавшій за границею, матросъ пояснялъ нѣсколькимъ рекрутамъ о всѣхъ этихъ диковинкахъ.

— Вы у меня, братцы, только слушайте, да по сторонамъ не глазѣйте и галокъ не ловите. Это только присказка, а сказка, да настоящая, будетъ еще впереди, началъ разсказщикъ и, откашлянувшись продолжалъ: „Ѣдемъ, вотъ видите ли, мы въ страну, что у насъ, напримѣръ, зима будетъ, а тамъ такъ растенія всѣ ростутъ, да такія еще, просто ай-люли! Разъ эдакое стоитъ, примѣрно сказать, дерево, тамошній народъ фальмой называетъ, высоченное, сажень во сто пожалуй будетъ, а на кончикѣ на самомъ кустикъ, да кустикъ не простой, листья на немъ все саженные. Да, молодцы, навидаетесь вы диву! Въ деревню поѣдете разсказывать, тамъ рты разинутъ — не повѣрять, пожалуй. А знаете ли вы, братцы, и то, что въ заморской той землѣ яблоко даже два раза въ году сбиваютъ.

— Ой ли? изумился молодой, бѣлокурый матросъ, и хлѣбъ, я думаю, тожъ два раза собираютъ?

- А може и три, пожалуй, глубокомысленно добавилъ разсказщикъ; ужъ больно-то тамъ тепло. У насъ ты видишь и жаръ, и холодъ, а тамъ, мои братцы, все одинъ жарище пышетъ: точно въ пеклѣ.

— Охъ, Господи, Антипычъ, какія ты страсти разсказываешь, испугался другой рекрутъ, какъ же мы тамъ безъ зимы будемъ; неужто и снѣгу-то тамъ нѣтъ?

Киль.

Поди-жъ—мудреная страна, добавилъ онъ, качая головою и отходя отъ разскащика.

У дымовой трубы шелъ тихій разговоръ другаго сорта. Бравый унтеръ-офицеръ разсказывалъ нѣсколькимъ рекрутамъ о народахъ, какіе придется имъ увидѣть.

— Повѣрите ли, молодцы, говорилъ онъ, нѣмцы, которые живутъ въ Африканіи, совсѣмъ черные, точно мазанные, а безстыдники какіе—не приведи Господи увидѣть. Баба ли идетъ, мужикъ ли, непремѣнно весь голый, окромя махонькаго пояса. Ужасъ какой безстыдный народъ. Совсѣмъ промежъ себя не совѣстятся, а нашего брата и подавно.

— А въ Китаѣ живетъ тоже ужъ оченно потѣшный народъ: все бабами какими-то одѣваются, точно наши бухарцы, только башка иначе: у бухарцевъ, вишь, голова бритая, а у тѣхъ длиннѣйшая коса виситъ, точно у деревенской дѣвки, развѣ только ленточекъ не хватаетъ; а усища у этого народа, вотъ такъ усища! Тамъ по усищамъ и чины-то даютъ? У кого усы подлиннѣе, тотъ и императоръ ихъ...

Ну, не далеко бы я у нихъ ушелъ, перебилъ молодцоватый рекрутъ, усмѣхаясь и покручивая едва пробивающійся усъ.

— Куда тебѣ мозгляку? разсердился пойманый во враньѣ разскащикъ и, сердито отплюнувши на сторону, отошелъ отъ своихъ слушателей. И много можно было наслушаться дѣйствительно интересныхъ и смѣшныхъ разсказовъ о томъ, что видѣли старики-матросы и что придется увидѣть молодымъ...

Шквалъ между тѣмъ прошелъ, и матросы отряхиваясь какъ утки, начали вылѣзать понемногу изъ своихъ убѣжищъ и расходиться по мѣстамъ.

Поздно вечеромъ, 28 октября, всѣ были поражены необыкновеннымъ свѣтомъ, разлившимся по верхней палубѣ, и быстро выбѣжали на верхъ узнать, въ чемъ дѣло. Глазамъ нашимъ представилась эффектная, но

вмѣстѣ съ тѣмъ страшная для насъ картина: изъ дымовой трубы нашей (діаметръ ея около сажени) валилъ громадный столбъ пламени, широко разстилаясь по вѣтру и обхватывая гротъ-мачту. Благодаря сырой погодѣ, паруса на реяхъ были мокры, сама мачта сыра, и только поэтому они не разгорѣлись тотчасъ же, но начали понемногу тлѣть. „Право на бортъ“ [1]), раздалась спокойная, ровная команда выбѣжавшаго старшаго офицера, „бранспойты [2]) вооружить?“

Корветъ медленно покатился подъ вѣтеръ и черезъ минуту сталъ поперегъ вѣтра. Пламя съ необыкновеннымъ шумомъ понеслось въ пространство, минуя почти уже загорѣвшуюся гротъ-мачту далеко разстилаясь по вѣтру. Ночь была темная; въ небѣ ни одной звѣздочки, картина сдѣлалась еще поразительнѣе. Корветъ, какъ огнедышащій драконъ, древній миѳологическій оберегатель морей и ихъ богатствъ, граціозно качался на волнахъ, изливая вокругъ себя необыкновенно яркій свѣтъ. Бранспойты между тѣмъ были уже готовы и изъ нихъ быстро начали поливать гротъ-мачту, чтобы воспрепятствовать ей загорѣться. Пламя изъ трубы не прекращалось почти всю ночь, съ небольшими промежутками, но къ счастью все прошло благополучно.

29 октября вечеромъ, корветъ вошелъ въ Балтійское море, которое приняло его въ первый день довольно гостепріимно: вѣтеръ нѣсколько стихъ, шквалы не налетали; но барометръ между тѣмъ все падалъ и падалъ, и съ часу на часъ ожидали шторма. Погода стояла пасмурная; луна изрѣдка показывалась изъ-за быстро несущихся тучъ и освѣщала искристый слѣдъ, оставляемый граціозно качающимся корветомъ. Ночь прошла благополучно, но съ слѣдующаго утра вѣтеръ началъ понемногу свѣжѣть, и, къ 1 ноября, достигъ до

[1]) Эта команда относится къ рулевымъ; при ней они кладутъ руль такъ, что судно покатится въ лѣвую сторону.

[2]) *Бранспойтами* наз. судовые пожарные инструменты.

степени шторма, уже давно невиданнаго въ Балтійскомъ морѣ.

Разорванныя тучи съ необыкновенною быстротою неслись по пасмурному небу; море заволновалось; корветъ прыгалъ съ волны на волну, стойко встрѣчая яростно налетавшія волны, обдававшія его милліонами блестящихъ искръ. Вѣтеръ уныло завывалъ въ снастяхъ и съ необыкновеннымъ шумомъ хлопалъ ихъ о мачты. Корветъ съ попутнымъ штормомъ (NW) быстро несся мимо острововъ Готланда, Борнгольма и къ вечеру началъ приближаться къ прусскимъ берегамъ... У береговъ волненіе было ужаснѣе чѣмъ въ открытомъ морѣ: громадныя массы воды съ ужасающею быстротою бросались на скалистое, неровное прибрежье, вздымались, вскидывались отвѣсно вверхъ на огромную высоту, и тутъ же обрушивались съ ужасающей силою внизъ. Эти же отброшенныя волны пересѣкались съ прибывающими вновь, яростно сталкивались съ ними и, накопляясь новыми громадами, снова обрушивались на берегъ съ грохотомъ и ревомъ... Море представляло въ это время, на далекомъ протяженіи отъ береговъ, картину самаго грознаго, потрясающаго душу волненія, въ которомъ корветъ вертѣло какъ щепку!..

Около полуночи корветъ началъ поворачивать въ проходъ между Датскими островами, чтобы пройти въ Кильскую бухту, но напрасно: штормъ съ необыкновенною силою дулъ теперь прямо въ лобъ и, при полномъ ходѣ машины, корветъ бросало назадъ все ближе и ближе къ подвѣтренному берегу, уже ясно различаемому въ $^1/_2$ мили ($^3/_4$ версты) разстоянія. Однимъ словомъ, машина не выгребала противъ сильнаго неправильнаго волненія и постоянно свѣжѣющаго шторма. Положеніе непріятное! На вѣтеръ не выбраться, а подъ вѣтромъ виднѣются опасные скалистые берега, о которые ударяли волны съ ужасающимъ грохотомъ и ревомъ! Корветъ ближе и ближе прибивало къ опаснымъ берегамъ, и вотъ, чтобы остановить это приближеніе, от-

данъ былъ якорь; но не долго отстаивались на немъ, не смотря на то, что машина все время была въ ходу, брамъ-стеньги [1]) спущены и вообще приняты были все возможныя мѣры къ уменьшенію площади напора вѣтра!.. Канатъ лопнулъ, корветъ поставило поперегъ волненія и начало перебрасывать съ боку на бокъ съ ужасными розмахами. Одна волна за другою перекатывалась черезъ корветъ, обдавая всѣхъ, холодною какъ ледъ водою. По палубѣ не было никакой возможности пройти; въ каютахъ все падало, ломалось, трещало! Спящіе нѣсколько разъ вылетали изъ своихъ коекъ и вмѣстѣ съ тюфяками оказывались на совершенно противоположномъ углу каюты, ошеломленные и удивленные своимъ непревидѣннымъ воздушнымъ путешествіемъ!

Сильнымъ порывомъ растрепало закрѣпленный кливеръ [2]), напоромъ вѣтра подняло его и въ минуту изорвало въ клочья съ ужаснымъ хлопаньемъ, на подобіе пушечныхъ выстрѣловъ! Утлегаръ и бомъ-утлегаръ [3]) сломило, какъ соломенку, и они, на оставшихся снастяхъ, съ силою били о скулы [4]) бѣшенно прыгающаго корвета...

Съ необыкновеннымъ трудомъ и рискомъ успѣли мы выбраться нѣсколько впередъ и укрыться за первымъ попавшимся островомъ, за которымъ и отстаивались на якорѣ цѣлую ночь, пережидая дурную погоду.

Памятенъ будетъ этотъ день многимъ! Сколько пострадало отъ этого шторма судовъ, сколько принесъ онъ бѣдствій и несчастій, сколько погибло народу! Всѣ плоскіе датскіе острова и прусскій берегъ были залиты

---

[1]) Мачта состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ частей: 1) (снизу) *собственно мачты*, 2) *стеньги*, 3) *брамъ-стеньги* и 4) *бомъ-брамъ-стеньги.*

[2]) *Кливеромъ* называется большой треугольный парусъ, который ставится впереди фокъ-мачты.

[3]) Наклоненное дерево, помѣщаемое въ носу судна, назыв. *бушпритомъ*, продолженіе бушприта *утлегаремъ* и наконецъ продолженіе утлегаря--*бомъ утлегаремъ*

[4]) *Скулами* судна назыв. выпуклая часть обвода судна въ носу.

водою, которая расправлялась на нихъ по свойски, разрушала дома, топила людей и животныхъ, заносила пескомъ плодородную землю, и, въ короткое время, принесла убытку на нѣсколько милліоновъ талеровъ. Да, день памятный для пострадавшихъ моряковъ—памятный и для прибрежныхъ жителей, которые уже не въ первый разъ страдаютъ отъ страшныхъ наводненій, затопляющихъ ихъ поля, жилища и луга... Извѣстно, что изъ Балтійскаго моря существуетъ постоянное теченіе въ Нѣмецкое черезъ проливъ Каттегатъ; но когда продолжительно дуетъ сильный сѣверо-западный (NW) вѣтеръ, что и было въ настоящее время, и особенно если это случится во время высокихъ приливовъ, то воды океана вторгаются въ Балтійское море и производятъ страшныя опустошенія на берегахъ Датскаго архипелага. Лѣтописи за послѣднее тысячелѣтіе свидѣтельствуютъ, что датскіе берега испытывали въ это время различныя измѣненія: тамъ происходило размываніе выдающихся частей берега, углубленіе заливовъ, отдѣленіе отъ материка многихъ острововъ, размываніе другихъ и, отъ времени до времени, окончательное затопленіе болотистыхъ низменностей, которыя въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ ограждались отъ наводненій плотинами, причемъ погибали жители тысячами. Преданіе гласитъ, что и островъ Рюгенъ былъ отдѣленъ отъ материка дѣйствіемъ бури...

Только къ утру 2-го ноября, вѣтеръ стихъ и измѣнился въ попутный; корветъ снялся съ якоря и безъ труда вошелъ, въ Кильскую бухту, очень удобную и закрытую отъ господствующихъ вѣтровъ.

Нѣмцы приняли насъ гостепріимно и вѣжливо размѣнялись съ нами салютами. Вся набережная была усѣяна множествомъ разнокалиберной публики, пришедшей поглазѣть на русскій корветъ, вытерпѣвшій рѣдкостный въ Балтійскомъ морѣ штормъ. Въ бухтѣ стояло нѣсколько прусскихъ военныхъ судовъ, командиры которыхъ, какъ только корветъ нашъ сталъ на якорь, пріѣхали поздравить командира съ счастливымъ избѣжаніемъ опасности...

Не успѣли мы прибраться, а ужъ къ борту подошли нѣмецкія шлюбченки съ прачками, комиссіонерами и тому подобнымъ людомъ предлагавшимъ намъ свои услуги...

Киль, первый германскій военный портъ въ Балтійскомъ морѣ, красиво расположенъ по обѣимъ сторонамъ такъ называемой Кильской бухты, входъ въ которую защищается баттареями, поставленными на берегу. Въ Килѣ есть верфь, адмиралтейство, пароходный заводъ и тому подобныя морскія учрежденія, а также и прекрасная гавань, въ которую могутъ входить самыя большія суда. Дома города по большей части совершенно нѣмецкой архитектуры: узенькіе, относительно длинны, по фасаду высокіе, съ крутыми, покрытыми черепицею крышами; построены они тѣсно и лѣпятся другъ на друга; нѣтъ того широкаго простора, который замѣчаемъ въ новыхъ городахъ, построенныхъ на модный вкусъ. Весь городъ представляетъ чрезвычайно пеструю картину, что впрочемъ, имѣетъ свой оригинальный красивый видъ.

Изъ зданій замѣчательны: нѣсколько роскошныхъ отелей, построенныхъ на европейскій вкусъ, церковь св. Николая (Nicolaikirche), а также Klosterkich—съ гробницею Адольфа IV и, наконецъ, университетъ, основанный въ 1665 году, при которомъ находится прекрасная библіотека и обсерваторія.

Въ одинъ прекрасный вечеръ собрались мы послушать оперу; давали неизмѣнный и любимый нѣмцами „Волшебный стрѣлокъ“ (Freischütz)... Театръ самъ по себѣ плохъ и расположенъ въ плохенькой же, очень грязной и узенькой улицѣ; но артисты и артистки его превзошли всѣ наши ожиданія.

Главное, что намъ очень понравилось, по своей курьезности чрезвычайная простота нравовъ. Запѣлъ, напримѣръ, во 2-омъ дѣйствіи, первый баритонъ какую-то арію, да несчастный, на одной изъ длинныхъ нотъ не выдержалъ, поперхнулся, закашлялся, но, къ удивленію нашему, нисколько не смутившись, про-

должалъ тянуть порванную ноту. Мы, разумѣется, сейчасъ же ему хлопать, кричать „браво“, „bis“ и т. п. Первый баритонъ, приложивъ руку къ сердцу, привѣжливо раскланялся съ нами и съ гордымъ видомъ, какъ видно очень довольный собою, продолжалъ свою нескончаемую арію, но на этотъ разъ удачнѣе. Черезъ нѣсколько времени вышла на сцену примадонна театра съ повязаннымъ горломъ (видно простудилась) и охриплымъ голосомъ начала выдѣлывать такія ужасныя трели, что мы морщились, чуть не зажимали уши и молили только Бога, чтобы она ушла поскорѣе со сцены. Но вотъ слава Богу кончила—ушла. Одинъ изъ моихъ товарищей обращается къ рядомъ сидящему нѣмцу: я слушаю что будетъ.

— Неужели, спрашиваетъ онъ съ упрекомъ въ голосѣ, у васъ всегда такъ бываетъ!?

— Помилуйте, говоритъ сосѣдъ, эта очень хорошая пѣвица, но сегодня что-то не въ голосѣ, простудилась вѣрно, прибавилъ онъ хладнокровно.

— Да какъ же, позволяютъ выходить на сцену съ охрипшимъ голосомъ и раздирать публикѣ уши?

Нельзя иначе, поясняетъ нѣмецъ, директоръ театра очень строгій человѣкъ, не позволяетъ манкировать. Больна, не больна—пой, а не будетъ, такъ штрафъ большой беретъ. Все думаетъ, что его обманываютъ и только представляются больными, а на самомъ дѣлѣ— здоровехоньки.

— Да вѣдь онъ же слышитъ самъ, что пѣвица его охрипла.

— Онъ слышитъ, но своимъ ушамъ не вѣритъ.

Хотѣлъ-было я подольше послушать этотъ разговоръ, да занавѣсъ подняли и открылась сцена, въ которой первый баритонъ долженъ былъ отливать пули, но теперь ужъ отлили пулю, да какую еще, господа декораторы. Декорація была до безобразія дурна, но что ожидало насъ дальше, то было выше всякаго безобразія! Нужно было, чтобы являлись на сцену разныя чудо-

вища и привидѣнія, которыя бы напугали перваго баритона, и что-же?

Вдругъ съ лѣвой стороны сцены нѣсколько протянутыхъ рукъ, какъ видно съ большимъ усиліемъ потянули какія-то, черезъ всю сцену веревки, натянутыя какъ струны и ясно видимыя всей публикѣ, потому что находились на поларшина отъ пола. Вслѣдъ за тѣмъ раздался раздирающій душу скрипъ, точно тронулась съ мѣста цѣлая стая несмазанныхъ татарскихъ арбъ, и показалась на сценѣ какая-то телѣга-не телѣга, колесница-не колесница, но что-то въ въ родѣ телѣги и колесницы вмѣстѣ, а на ней страшное, престрашное чудовище, поводящее огненными глазами.

Первый баритонъ, нисколько не струсивъ, продолжалъ отливать пули. Тогда, для большаго его устрашенія, разверзается съ ужаснымъ скрипомъ (вѣроятно господа декораторы маслица забыли подлить) въ нѣсколькихъ мѣстахъ земля и... и... остается разверстою чуть-ли не пять минутъ; вся публика, приставивъ бинокли къ глазамъ, въ страшномъ неизвѣстномъ ожиданіи, и вотъ въ концѣ пятой минуты начали показываться изъ отверстій, но съ большимъ нечеловѣческимъ трудомъ (да и трудно вѣдь мертвому изъ подъ земли подняться) мертвецы, которыя нисколько не устрашили смѣлаго баритона, спокойно отливавшаго себѣ пули радостно, а чудовища, между тѣмъ, начали медленно, со скрипомъ и грохотомъ, скрываться по своимъ мѣстамъ!...

Не вытерпѣли; мы взяли фуражки и съ досадою вышли изъ театра...

Черезъ нѣсколько дней устроили поѣздку въ Гамбургъ, гдѣ надѣялись увидѣть гораздо больше интереснаго.

7-го ноября собралась дѣйствительно компанія, на общихъ издержкахъ для осмотра Гамбурга и его достопримѣчательностей.

Въ 3 часа пролетѣли мы по желѣзной дорогѣ не-

Киль

Гамбургъ.

большое пространство отдѣлявшее насъ отъ Гамбурга, и въѣхали въ Альтону, городъ, выстроенный почти у самыхъ гамбургскихъ воротъ и составляющій одинъ общій городъ съ Гамбургомъ, потому что рядъ домовъ предмѣстья св. Павла соединяется съ домами Альтоны. Эти два города находятся въ безпрестанныхъ сношеніяхъ; у нихъ общая торговля, цѣны которой ежедневно устанавливаются на гамбургской биржѣ. Мѣстоположеніе Альтоны довольно красивое; она имѣетъ хорошую гавань, музеумъ и театръ, но построена довольно однообразно. Въ Гамбургѣ же, съ перваго взгляда можно замѣтить два совершенно различныхъ города: старый и новый Гамбургъ. Еще помнятъ объ ужасномъ пожарѣ, бывшемъ въ 1842 году, жертвою котораго сдѣлалась большая часть города. Огонь показался въ ночь съ 4 на 5 мая, а можно было потушить его только 8 числа. 71 улица и площадь, 120 пассажей и дворовъ, 1992 дома, составляющихъ цѣлый кварталъ, часть собственно называемаго Alt-Hamburg, сдѣлались жертвою пламени. Между замѣчательными зданіями были уничтожены церкви: св. Петра и св. Николая, часовня св. Гертруды, синагога, выстроенная только за нѣсколько лѣтъ до пожара, Börsenhalle, старая биржа, банкъ ратуша, остатки которой надо было взорвать, и большая часть роскошныхъ гостинницъ...

Вся эта часть города выстроена съ такимъ великолѣпіемъ, что представляетъ странную противоположность съ остальнымъ городомъ, и тѣмъ болѣе это различіе замѣтно, когда послѣ широкихъ и прямыхъ улицъ новаго города, войдти въ узкія, темныя и извилистыя улицы стараго города.

Самое модное гамбургское мѣсто гулянья составляютъ улицы Alte, Neue Jungfernstieg и Alstrdamm, окоймляющія три берега прекраснаго бассейна Альстера и составляющія особенную красоту Гамбурга, которая только и можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ красотою Венеціи. Въ этомъ мѣстѣ прогулокъ находятся главныя

гостинницы, прекрасный базаръ, павильонъ Альстера, въ которомъ играетъ по вечерамъ музыка, Alster-halle, двѣ прекрасныя кофейни, аркады Альстера съ богатыми роскошно убранными магазинами. Это самая оживленная часть Гамбурга, гдѣ постоянно кишитъ публика, слышится оглушающій грохотъ экипажей, хлопанье бичей и людской говоръ.

Рядомъ съ бассейномъ Альстеръ (Aussen-Alster) лежитъ другой бассейнъ, поменьше, называемый Binnen-Alster; оба эти бассейна отдѣляются другъ отъ друга насыпью, прекрасно обсаженною деревьями, и образуютъ такимъ образомъ два роскошныхъ озера, между которыми, на возвышенности, поставленъ памятникъ знаменитому Бюшу, профессору и основателю коммерческой школы. Невдалекѣ отъ этихъ бассейновъ, у воротъ Dammthor расположенъ Ботаническій садъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и богатыхъ въ Германіи; въ немъ находится около 15,000 породъ растеній всѣхъ частей свѣта. Въ саду есть источникъ съ превосходною водою, сборное мѣсто всѣхъ гамбургскихъ водопійцъ, приходящихъ сюда каждый со своимъ стаканомъ. Осмотрѣвъ Ботаническій садъ, мы отправились по красивому парку изъ акацій на возвышенность Stintfang, расположенную близъ берега Эльбы, съ которой, безъ сомнѣнія, лучшій видъ на Гамбургъ. Отсюда видны границы королевства Ганноверскаго и герцога Гольштейнскаго, пароходы, отправляющіеся въ разныя стороны, гавань самая обширнѣйшая и важнѣйшая въ Германіи, со множествомъ различныхъ судовъ, и, наконецъ, такъ называемыя въ простанородьѣ Гамбургская гора (Hamburger Berg) (оффиціально она извѣстна подъ названіемъ предмѣстья св. Павла (st. Pauli) — мѣсто народныхъ гуляній, въ которомъ находится множество цирковъ, звѣринцевъ, фокусниковъ, панораммъ, театровъ съ маріонетками и тому подобныя народныя увеселительныя мѣста. Достаточно налюбовавшись прекраснымъ видомъ, мы отправились осматривать замѣчательныя зданія, памятники

и церкви, изъ которыхъ я болѣе всего обратилъ вниманіе на церковь св. Петра (выстроена вновь послѣ пожара и окончена въ 1853 году), въ которой поразительна необыкновенно изящная скульптура, запрестольный образъ работы Стейнфурта (Воскресеніе Спасителя) и художественно разрисованныя Вильдомъ стекла. Далѣе, церковь св. Михаила съ колокольнею въ 456 футовъ вышины, на которую, кто не подверженъ головокруженію, можно подняться по витой лѣстницѣ и видѣть прекрасную панораму города.—Въ этой церкви, вмѣщающей въ себя больше 600 человѣкъ, не видно ни одной поддерживающей колонны; архитектура ея и подземелья достойны вниманія каждаго путешественника Изъ другихъ зданій обратило вниманіе Iohanneum, прекрасное зданіе въ итальянскомъ вкусѣ; въ немъ помѣщается гимназія, реальная школа (Realschule), библіотека, состоящая слишкомъ изъ 200,000 книгъ и 500 рукописей, и, наконецъ, два музея естественной исторіи и гамбургскихъ древностей.

Измучившись продолжительною прогулкою по городу, мы отправились отдохнуть въ одинъ изъ прекрасныхъ отелей, чтобы на слѣдующій день съ новыми силами осмотрѣть окрестности.

Окрестности Гамбурга, разоренныя и сожженныя когда-то маршаломъ Даву, снова возникли изъ пепла и сдѣлались даже лучшимъ украшеніемъ города, чѣмъ были прежде. Онѣ безъ исключенія почти всѣ хороши. Отъ воротъ Dammthror начинаются прекрасныя каштановыя аллеи, идущія мимо восхитительныхъ луговъ и садовъ; по обѣимъ сторонамъ выстроены превосходныя дачи;—всюду живописные виды на большое пространство. Здѣсь прекрасное живописное мѣстечко Гарвестегюде — любимое мѣстопребываніе поэта Гагедорна, дальше Эппендорфъ съ превосходными купаньями, называемыми Андреасбруненъ, съ заведеніемъ минеральныхъ водъ и прекраснымъ садомъ, посѣщаемымъ многими лицами, любителями природы и воды. Еще дальше

красиво переброшенъ черезъ рукавъ бассейна Альстеръ мостъ Винтергюде; затѣмъ лежатъ мѣстечки Mühlenkampf и Uhlenhorst, гдѣ бываютъ каждую осень извѣстныя гонки судовъ на Альстерѣ... Съ другой стороны города, выйдя изъ воротъ Steinthor, лежитъ мѣстечко Гаммъ съ превосходнымъ садомъ, раскинутымъ на возвышенности; дальше лежитъ Горнъ, съ институтомъ Rauh Haus, назначенный для воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей и прославленный подъ управленіемъ пастора Вишерна.

ГЛАВА III.

Чтобы впослѣдствіи не прерывать нити разсказа, прежде всего опишу внутреннее управленіе военнаго судна.

Главная, иногда безграничная, власть на военномъ суднѣ, въ отдѣльномъ заграничномъ плаваніи, принадлежитъ командиру. Онъ, можно сказать, — царекъ въ небольшомъ плавучемъ міркѣ; отъ него исходятъ всѣ приказанія, на немъ лежитъ передъ Богомъ, высшимъ начальствомъ и людьми строгая отвѣтственность за судно и за всѣхъ членовъ общества, ввѣренныхъ его надзору и попеченію; онъ—главная пружина того сложнаго механизма, который называется судовымъ порядкомъ внутренней жизни маленькаго плавучаго мірка.

Командиръ непремѣнно долженъ быть одаренъ болѣе блестящими умственными, душевными и нравственными способностями, чѣмъ всѣ его подчиненные, чтобы онъ могъ имъ указывать ихъ недостатки, незнаніе, учить ихъ, образовывать изъ нихъ дѣльныхъ и умныхъ морскихъ офицеровъ. Имѣя высокія душевныя и нравственныя способности, командиръ строго справедливъ при оцѣнкѣ достоинствъ и познаній своихъ под-

чиненныхъ; только въ этомъ случаѣ развивается въ нихъ трудолюбіе и желаніе честнымъ путемъ стать, по своимъ достоинствамъ въ глазахъ командира, одному выше другаго. Однимъ словомъ, къ достиженію всего прекраснаго и необходимаго для моряка, они летятъ въ перегонку, и въ результатѣ командиръ услышитъ лестное для него слово, что онъ образовалъ хорошихъ, дѣльныхъ и честныхъ моряковъ. При такомъ капитанѣ на суднѣ не бываетъ застоя и аппатіи. Онъ можетъ внушить къ себѣ довѣріе и сочувствіе своихъ подчиненыхъ, а тогда вліяніе его на суднѣ дѣлается безгранично, и всѣ горячо, единодушно будутъ стремиться къ одной общей цѣли, къ исполненію въ точности своихъ обязанностей.

Когда командиръ достигнетъ этого послѣдняго результата, то все на суднѣ стройно, такъ чинно, что постороннему лицу, явившемуся на судно кажется, что капитанъ на немъ—лишній человѣкъ, что и безъ него пошло бы все своимъ обычнымъ чередомъ; но онъ жестоко ошибется, потому что стоитъ только уничтожить эту главную пружину судового порядка, весь сложный механизмъ остановится, заглохнетъ и нуженъ будетъ чрезвычайно опытный мастеръ своего дѣла, чтобы привести все опять въ прежнее состояніе. При такомъ капитанѣ стройный порядокъ на суднѣ не прервется даже въ самыя опасные для жизни моменты. Даже въ этомъ случаѣ командиръ съумѣетъ сдержать страсти, съумѣетъ поддержать въ экипажѣ судна мужество, сомоотверженіе и порядокъ. Всѣ будутъ работать и исполнять свои обязанности такъ же спокойно и хорошо, какъ и въ обыкновенное время: безъ сумятицы и безпорядка недостойнаго хорошо организованнаго военнаго судна. Взоры всѣхъ, въ самыхъ опасныхъ и несчастныхъ случаяхъ, будутъ обращены на командира съ надеждою и увѣренностью. что онъ своими высшими, щедро одаренными отъ природы, способностями изыщетъ средство спасти судно, а если

не судно, то ихъ, ввѣренныхъ его попеченію, и всѣ спокойно, твердо и мужественно встрѣтятъ какую угодно опасность.

Послѣ капитана высшее лицо на суднѣ — старшій офицеръ, который исполняетъ, можно сказать, роль перваго министра своего правителя. Онъ слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній, отданныхъ капитаномъ, за ходомъ морскаго образованія, какъ у офицеровъ, такъ и матросовъ: онъ можно выразиться, маятникъ сложнаго механизма, называемаго судовымъ порядкомъ. Капитанъ, какъ главная пружина, двигаетъ этотъ маятникъ, который приводитъ уже въ движеніе весь сложный механизмъ своею распорядительностью, расторопностью и знаніемъ дѣла. Чтобы быть капитаномъ, нужно съ честью прослужить старшимъ офицеромъ. Отъ старшаго офицара требуется почти столько же способностей, достоинствъ и знаній, какъ и отъ капитана, потому что онъ, въ случаѣ внезапной смерти или болѣзни послѣдняго, временно исполяетъ его обязанности.

Послѣ старшаго офицера слѣдуютъ четыре вахтенныхъ начальника по большей части лейтенанта, которыхъ можно назвать губернаторами маленькаго плавучаго мірка, раздѣленнаго на отдѣльныя области, какъ-то: трюмъ, жилая палуба, баттарея, кубрикъ и т. д., которыя и отданы въ завѣдываніе отдѣльнымъ лейтенантамъ, причемъ каждый изъ нихъ долженъ смотрѣть за порядкомъ и благоустройствомъ ввѣренной ему области. Чтобы удостовѣриться въ точномъ исполненіи ихъ губернаторскихъ обязанностей, капитанъ каждое воскресенье, послѣ обѣдни, строго ревизуетъ всѣ области и дѣлаетъ замѣчаніе тому лейтенанту, въ области котораго найдетъ какой-нибудь безпорядокъ или нечистоту.

Всѣ офицеры (кромѣ капитана и старшаго офицера, которые вахту не стоятъ) дѣлятся на четыре вахты; въ каждой непремѣнно находится одинъ вахтенный начальникъ и затѣмъ его помощники мичмана или гардемарины,

которые по старшинству занимаютъ свои посты, одинъ на бакѣ, другой на ютѣ [1]). Кромѣ того, мичмана и гардемарины распредѣляются къ разнымъ лейтенантамъ въ помощники по управленію ихъ областями.

Стоя на вахтѣ, вахтенный начальникъ обязанъ слѣдить за всѣмъ происходящимъ на суднѣ и вокругъ него, и за всѣ безпорядки онъ—отвѣтственное лицо, какъ передъ капитаномъ, такъ и передъ старшимъ офицеромъ.

Матросы же дѣлятся только на двѣ вахты: первую и вторую, но, кромѣ того, каждая вахта еще подраздѣляется на два отдѣленія. Во время хода подъ парами или стоянки на якорѣ, на вахтѣ стоитъ только одно отдѣленіе, а во время хода подъ парусами—одна вахта. Кромѣ дѣленія на вахты и отдѣленія, матросы для авральныхъ (общихъ) работъ дѣлятся еще по мачтамъ: на баковыхъ [2]), форъ-марсовыхъ [3]), гротъ-марсовыхъ [4]), и крюйсельныхъ [5]), шханечныхъ [6]), шкафутныхъ [7]) и ютовыхъ [8]).

Въ матросахъ первыхъ трехъ категорій чрезвычайно сильно замѣтно это раздѣленіе и они стараются держаться другъ отъ друга какъ-то отдѣльно, они смотрятъ одинъ на другаго какъ-то непріязненно, особенно во время работъ, когда одна мачта желаетъ отличиться передъ другою.

Чтобы доказать это сильное отдѣленіе другъ отъ друга матросовъ первыхъ трехъ категорій, достаточно привести одинъ только примѣръ матросской выходки, довольно курьезный: разсказываетъ, напримѣръ, гротъ-марсовый своимъ товарищамъ какую-нибудь исторію.

---

[1]) Ютомъ называется часть судна—позади бизань-мачты.

[2]) Работаютъ на бакѣ.

[3]) Работаютъ на фокъ-мачтѣ.

[4]) Работаютъ на гротъ-мачтѣ.

[5]) Работаютъ на бизань-мачтѣ.

[6]) Работаютъ на шканцахъ—части верхней палубы между гротъ и бизань-мачтами.

[7]) Работаютъ на шкафутѣ—части верхней палубы между фокъ и гротъ-мачтами.

[8]) Работаютъ на ютѣ.

— Да гдѣ ты это слышалъ? спрашиваютъ товарищи.

— Да фокъ-марсовые на бакѣ баятъ! отвѣчаетъ разскащикъ, и слушатели совершенно довольствуются этимъ отвѣтомъ.

Матросъ говоритъ: „да фокъ-марсовые на бакѣ баятъ"—такъ серьезно, ну точно фокъ-марсовые и бакъ находятся за сто верстъ, между тѣмъ какъ ихъ раздѣляетъ пространство всего только какихъ-нибудь пятьдесять шаговъ, и какъ будто бы случившееся происшествіе свершилось гдѣ-нибудь за тридевять земель, а не на томъ же самомъ суднѣ.

Сборный пунктъ матросовъ всѣхъ категорій, можно сказать, ихъ судовой клубъ, находится на бакѣ: здѣсь они курятъ (для этой цѣли имѣется на бакѣ фитиль и кадка съ водою, куда матросы бросаютъ свои окурки), веселятся, поютъ, пляшутъ и наконецъ здѣсь же передаютъ другъ другу разсказы о томъ или другомъ случившемся происшествіи; но при этомъ легко замѣтить, что матросы первыхъ трехъ категорій сидятъ по большей части отдѣльными группами. Только иногда вмѣшается въ чужую группу какой-нибудь матросъ полюбопытнѣе, выслушаетъ разсказы и на другой день ихъ же передаетъ своимъ товарищамъ, увѣряя что это „фокъ-марсовые на бакѣ баяли, и поэтому разсказъ его не подлежитъ никакому сумлѣнію".

Но бываютъ случаи, когда матросы, забывъ на время всякую вражду и непріязнь, смѣшиваются и затѣваютъ пѣсни или какія-нибудь общія игры, какъ напримѣръ „въ рыбку" (о которой скажу нѣсколько словъ впослѣдствіи); но и при этомъ фокъ-марсовый напримѣръ, наровитъ какъ-нибудь ударить покрѣпче непремѣнно ужъ гротъ-марсоваго или крюйсельнаго, а своего товарища по мачтѣ постарается ударить полегче. И рады фокъ-марсовые, когда на рыбкѣ стоитъ гротъ-марсовый или крюйсельный, но и тѣ обратно радуются, когда фокъ-марсовый какъ-нибудь оплошаетъ и попадетъ на рыбку, ну тогда ему бѣда: гротъ-марсовые и крюйсельные бьютъ

Гамбургъ.

его со всего плеча и исполосуютъ такъ, что „небо съ овчинку покажется“, какъ говорятъ матросы...

Однако объ этомъ послѣ, а теперь постараюсь связать рѣзко порвавшую нить разсказа.

Сутки дѣлятся на пять вахтъ, начиная съ 8 часовъ утра: первая—съ 8 до 12 часовъ пополудни, вторая—съ 12 до 6, третья—съ 6 до 12, четвертая—съ 12 до 4 часовъ ночи (эта вахта прозвана моряками „собачьею“) и наконецъ пятая—съ 4 до 8 часовъ утра.

Ночная вахта съ 12 до 4 часовъ считается за самую скучную и несносную (отъ того и названіе „собачья вахта“), потому что все судно, послѣ дневныхъ трудовъ, вкушаетъ самый сладкій сонъ, а вахтенные принуждены бываютъ проводить это время безъ сна, можетъ быть подъ дождемъ, подвергаясь то сильному холоду, на сѣверѣ, то удушливому зною въ тропикахъ. Окружающая тишина наводитъ какую-то скуку; нѣтъ картинъ, развлекающихъ взоръ, и невольно глаза смыкаются и голова падаетъ на плечо; но тотчасъ же мгновенно встрепенешься и зорко оглядишься кругомъ, вспомня, что ты на службѣ, что твоему бдѣнію довѣряется цѣлое судно со всѣмъ его населеніемъ...

За то самая веселая вахта съ 4 до 8 часовъ утра, потому что это время служитъ началомъ новаго дня, новой судовой дѣятельности. Въ 5 часовъ команда встаетъ, затѣмъ завтракаетъ и наконецъ скачиваетъ верхнюю палубу; такимъ образомъ вахта вся проходитъ въ работѣ и движеніи.

Кромѣ того, людямъ поэтическаго темперамента эта вахта приноситъ удовольствіе слѣдить за первыми проблесками утренней зари, за золотистыми лучами, являющимися постепенно на восточномъ горизонтѣ, и наконецъ за восходомъ великолѣпнаго свѣтила, разливающаго повсюду яркій свѣтъ и вливающаго въ то же время какъ бы живительную влагу во все существо, потому что при восходѣ солнца чувствуешь себя какъ-то бодрѣе и веселѣе...

Все на суднѣ совершается по разъ заведенному порядку: завтракаютъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, работаютъ, учатся, спятъ и даже веселятся—все это въ опредѣленное время, отъ котораго безъ приказанія командира не отступаютъ ни на іоту.

На суднѣ требуется строгая, но въ тоже время разумная, дисциплина: не позволяется шумѣть (даже работы должны производиться молча), пѣть не въ опредѣленное время, играть въ азартныя игры (въ карты, кости и т. д.), пить водку, кромѣ казной опредѣленной чарки передъ обѣдомъ и т. д. Офицерамъ позволяется только играть въ шашки, шахматы и въ морскую игру трикъ-тракъ, а всѣ остальныя (азартныя) игры строго преслѣдуются и считаются на суднѣ уголовнымъ преступленіемъ.

За всѣ проступки матросовъ на суднѣ, особенно за азартныя игры, пьянство и воровство, они подвергаются самому строгому наказанію, но при всемъ томъ хорошій командиръ никогда не позволитъ подчиненнымъ своимъ офицерамъ ударить провинившагося матроса; онъ нарядитъ надъ нимъ судъ, терпѣливо и подробно изслѣдуетъ все дѣло, и когда вина матроса будетъ ясно доказана, тогда только опредѣлитъ ему по закону извѣстное наказаніе за его проступокъ, которое и прикажетъ привести въ исполненіе твердо и рѣшительно, не обращая вниманія на мольбы и слезы провинившагося, можетъ быть въ первый разъ матроса, потому что хорошій и умный командиръ никогда не прощаетъ первой вины. Онъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ строго, но разумно· не будетъ матросамъ поблажки, которые при слабомъ капитанѣ рѣшаются иногда на какой нибудь проступокъ можетъ быть только потому, что знаютъ, что первая вина ихъ имъ будетъ прощена; кромѣ того, въ надеждѣ, что виновнаго не найдутъ, а тогда у него будетъ въ запасѣ еще проступокъ, на который онъ рѣшится при первомъ удобномъ случаѣ, и это, безъ сомнѣнія, продолжится

до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ пойманъ и опять прощенъ, какъ сдѣлавшій первую будто-бы вину...

Чтеніе приговора, выговоры и наказанія производятся при полномъ собраніи командира и офицеровъ, на шканцахъ—самомъ священномъ мѣстѣ судна. Это мѣсто пользуется особеннымъ почетомъ и привиллегіею: всякій проступокъ, совершенный на шканцахъ, усугубляется; каждое лицо, не исключая даже царской фамиліи, ступая ногою на это священное мѣсто, приподнимаетъ фуражку или прикладываютъ руку къ козырьку. Для этого всходные трапы *) помѣщаются именно въ такой части судна, что каждое лицо, пріѣхавшее на судно, непремѣнно должно ступить прежде всего на шканцы, а потому и обязано, при входѣ на судно, или приподнимать фуражку, или же приложить руку къ козырьку. Хотя честь эта отдается собственно мѣсту, пользующемуся такою привиллегіею, но морская вѣжливость требуетъ, чтобы вахтенный начальникъ и даже всѣ присутствующіе на верхней палубѣ офицеры отвѣчали бы на поклонъ вновь прибывшаго лица. Этотъ этикетъ такъ строго соблюдается, что даже ночью невольно отдаешь честь шканцамъ или отвѣчаешь на поклонъ вновь прибывшаго, хотя едва-едва разбираешь въ темнотѣ его силуэтъ.

На шканцахъ не позволяется пѣть, громко разговаривать, играть (что впрочемъ иногда командиръ, по недостатку мѣста, разрѣшаетъ), сидѣть, прогуливаться и курить; послѣднее позволяется офицерамъ только въ своихъ каютахъ, а командѣ—на бакѣ.

Что касается до размѣщенія офицеровъ и команды, то корветъ „Аскольдъ“ въ этомъ отношеніи похвастаться не можетъ. Болѣе половины жилой палубы занята адмиральскою, капитанскою и офицерскими каютами, ихъ каютъ-компаніею, буфетами, лазаретомъ, аптекою и т. п. помѣщеніями. Остальная часть отдана въ рас-

*) Трапомъ вообще называется, на морскомъ языкѣ, лѣстница.

поряженіе команды, и, какъ видно, она сильно стѣснена, потому что тамъ, гдѣ можетъ хорошо помѣститься не болѣе 200 человѣкъ, помѣщается 300. Помѣщеніе для команды, такъ мало, что по большой части матросы спятъ въ два ряда: одинъ раскладываетъ свою койку на палубу, а другой подвѣшивается подъ бимсы [1]), и все это одинъ около другаго, тѣсно прижавшись; а по настоящему, помѣщеніе команды должно быть настолько обширно, чтобы всѣ могли подвѣшивать свои койки подъ бимсы, а не лежать на сырой часто палубѣ.

Разумѣется, при такой тѣснотѣ нельзя ожидать ночью хорошаго и здороваго воздуха, особенно въ холодное время, когда нѣтъ возможности на ночь открывать люки для притока въ палубу свѣжаго воздуха, но въ тропикахъ, въ этой удушливой атмосферѣ, еще хуже. Большая часть офицеровъ имѣетъ особую небольшую каютку; только нѣкоторые (младшіе) изъ нихъ помѣщаются по двое въ одной каютѣ, нѣсколько по больше. Кромѣ того, у нихъ есть общая большая каюта, свѣтлая, достаточно высокая и роскошно убранная бархатною мебелью, называемая каютъ-кампаніею, въ которой они обѣдаютъ, пьютъ чай, и вообще проводятъ въ ней все свободное время.

Капитанъ помѣщается совершенно особо отъ всѣхъ офицеровъ, въ каютѣ роскошной и удобной. Онъ обѣдаетъ отдѣльно отъ своихъ подчиненныхъ, но, чтобы знакомиться съ ними, частнымъ образомъ приглашаетъ ихъ къ себѣ по очереди къ столу, гдѣ забывается всякій служебный этикетъ и время проводится въ задушевныхъ бесѣдахъ. По воскресеньямъ капитанъ отдаетъ визитъ всѣмъ офицерамъ сообща, обѣдая съ ними въ ихъ каютъ-кампаніи. Вообще нужно замѣтить, что внизу, внѣ службы, поддерживаются между капитаномъ и офицерами самыя дружественныя отношенія,

[1]) Бимсами наз. толстыя связи, соединяющія ребра (шпангоуты) судна, и на которыя стелется верхняя палуба.

но на верху, при работѣ и исполненіи своихъ обязанностей, вся дружба забывается и капитанъ является совершенно иною личностью: здѣсь онъ повелѣваетъ, дѣлаетъ строгіе, но справедливые, выговоры нерадивымъ офицерамъ, съ которыми не болѣе, какъ, два, три часа тому назадъ дружески бесѣдовалъ за общею трапезою.

Вообще капитанъ поступаетъ съ большимъ тактомъ, черезъ что и пріобрѣтаетъ любовь и уваженіе своихъ подчиненныхъ, не легко добиться при разнообразныхъ характерахъ и взглядахъ на службу. Положеніе гардемариновъ на корветѣ самое несносное и непріятное. Маленькая каюта (въ 6 шаговъ длиною и въ 4 шириною) служила помѣщеніемъ для 12 человѣкъ: здѣсь была спальня, столовая, зала и, если хотите, лазаретъ, потому что особаго лазарета для гардемаринъ нѣтъ. Между тѣмъ у матросовъ лазаретъ есть; больные офицера „высшаго ранга“ могутъ очень удобно и уютно лежать въ своей каютѣ въ теплѣ и холѣ, а больной гардемаринъ лежитъ въ общей гардермаринской каютѣ, гдѣ постоянный шумъ, облака табачнаго дыма, духота, сковозной вѣтеръ, сырость и что хотите, приводитъ больного въ совершеное отчаяніе. Спятъ гардемарины въ два ряда, для чего спинки дивановъ, расположенныхъ вокругъ каюты, поднимаются и подвѣшиваются подъ бимсы на ремняхъ. Положеніе гардемаринъ, спящихъ во второмъ этажѣ, во время сильной качки крайне непріятное: нужно держаться руками, ногами во избѣжаніе воздушнаго путешествія; но, несмотря на всѣ усилія, иногда летаютъ внизъ на столъ или подъ столъ. Оно, разумѣется и не очень высоко, но все-таки испытать подобное путешествіе, да еще нѣсколько разъ подрядъ, очень непріятно. Предусмотрительный гардемаринъ непремѣнно себя на ночь привязываетъ. Случаются въ каютѣ ночью, во время сильной качки и столкновенія: качнется корветъ съ одной стороны на другую, зароется носомъ, корма взлетитъ, смотришь, съ разныхъ сторонъ летятъ

два (а бывали случаи, что и болѣе) гардемарина сталкиваются какъ два метеора, падаютъ съ ругательствами на палубу, поднимаются опять въ свои койки, чтобы черезъ полчаса опять повторить тоже путешествіе. Жизнь несносная, самая непріятная, но въ тоже время заключающая въ себѣ много прелестей! Кто, какъ не морякъ и житель американскихъ пустынь, можетъ любоваться природою во всей ея чудной красотѣ; кто, какъ не морякъ, научается чтить и славить Бога въ его дивныхъ, прекрасныхъ твореніяхъ, научается возносить Всемогущему Творцу теплыя и искреннія молитвы!.. Не даромъ сложена русскимъ народомъ пословица: „кто въ морѣ не бывалъ—тотъ не маливался“, или „кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Бога не видалъ!“... Морякъ научается бояться Бога въ его грозной картинѣ бушующаго моря и ужасающихъ ургановъ и штормовъ.

Окончивъ этимъ внутреннюю судовую жизнь, скаж- теперь нѣсколько словъ собственно о морской жизни вообще, объ ея свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ, объ ея радостныхъ и грустныхъ минутахъ.

Морская жизнь для людей различнаго темперамента, связанныхъ разными семейными обстоятельствами и любящихъ различныя ощущенія—весьма различна. Для однихъ она прекрасна и мила не смотря на качку, бури, штормы, ураганы и тому подобныя ужасныя морскія явленія — такихъ людей очень мало. Для другихъ она—необходимое зло такіе моряки рѣшаются на продолжительныя морскія путешествія только ради какихъ нибудь выгодъ, денежныхъ или служебныхъ—ихъ очень много; для третьихъ, по большей части любознательныхъ или поэтическаго темперамента, морская жизнь—мука съ проблесками научнаго или поэтическаго счастья и наслажденія—такіе люди рѣдки.

Жизнь въ морѣ, полная особенныхъ удовольствій, приключеній и опасностей, привлекательна и мила только для человѣка совершенно одинокаго, не связан-

наго никакими семейными узами, и въ то же время любящаго море, какъ свое дорогое дѣтище, жену, любящаго сильныя ощущенія, какъ необходимую пищу сердцу и душѣ. Такой человѣкъ проводитъ въ морѣ всю свою жизнь; для него море—раздольное поприще, судно—семейный очагъ, экипажъ—семейство, родные и знакомые. На суднѣ только онъ чувствуетъ себя какъ дома, будто бы въ кругу своего дорогаго семейства; онъ всѣхъ любитъ и всѣми любимъ, потому что такого человѣка, который видитъ около себя не только товарищей и подчиненныхъ, но и родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, нельзя не любить; онъ обращается со всѣми съ отеческою заботливостью, ласково, кротко и великодушно. Онъ всѣхъ любитъ, и всѣми за то любимъ, какъ отецъ, заботящійся о своемъ дорогомъ семействѣ.

Для такого человѣка бури, качки, ураганы и тому подобныя ужасныя морскія явленія, ни почемъ; онъ ихъ не боится, напротивъ, какъ знатокъ и любитель, только любуется, восторгается ими и изучаетъ. Всѣ эти явленія служатъ ему ни болѣе, ни менѣе какъ развлеченіемъ, какъ даровымъ представленіемъ, за которое, чтобы взглянуть на него со стороны хотъ разокъ, другіе люди заплатили бы большія деньги. Такой человѣкъ любитъ эти представленія еще больше потому, что онъ съ своимъ семейнымъ очагомъ—судномъ, съ семействомъ и родными изображаетъ въ немъ одно изъ дѣйствующихъ и въ то же время страдающихъ лицъ. Онъ борется съ бурями и ураганами шутя, не спѣша, какъ артистъ, хорошо и тонко изучившій свою трудную роль. Однимъ словомъ „завзятый" морякъ живетъ однимъ моремъ. Море для него радость, счастье и всѣ земныя блаженства!...

По колеблющейся подъ ногами палубѣ, постоянно скачиваемой солеными волнами, онъ ходитъ ровно, спокойно, твердо, ловко балансируя, точно идетъ береговой житель по хорошо устланной и ровной дорогѣ. Онъ въ этомъ случаѣ обладаетъ такъ называемыми „мор-

скими ногами“, которыя и въ самую сильнѣйшую качку поддерживаютъ туловище также добросовѣстно, какъ и въ мертвѣйшій штиль, когда судно не колыхнется. Въ самую сильную качку онъ ѣстъ совершенно спокойно, не спѣша; не проноситъ ложки съ супомъ мимо рта, не обливаетъ себѣ и своимъ сосѣдямъ платья; но ѣстъ такъ ловко, съ такимъ навыкомъ, что ни одной капли не пропуститъ мимо. Въ этомъ случаѣ моряки говорятъ, что онъ пріобрѣлъ „морскія руки“ и „морской ротъ“.

Надъ качкою „завзятый морякъ“ смѣется: она его не пробираетъ. Прокачаться ли день, прокачаться ли сто дней—ему все равно: онъ постоянно веселъ, цвѣтъ лица имѣетъ самый свѣжій, аппетитъ превосходный. Въ этомъ случаѣ говорятъ, что онъ пріобрѣлъ „морской желудокъ“, исправно переваривающій и принимающій какую угодно пищу и когда угодно: только бы положили, а тамъ ужъ дѣло желудка... Такимъ образомъ сплочивается цѣлый „морской человѣкъ“, который на суднѣ постоянно здоровъ, ходитъ твердо, не обращая вниманія на колеблющуюся подъ ногами палубу; желудокъ у него постоянно въ нормальномъ состояніи, ѣстъ онъ съ аппетитомъ все, что ни подай, только чтобы было чѣмъ запить, постоянно веселъ и свѣжъ. Берега онъ боится хуже чумы, потому что на берегу его здоровье совершенно разстраивается: тутъ онъ часто замѣчаетъ, даже противъ своей воли, нѣкоторое колебаніе почвы; желудокъ его теряетъ свое морское качество.

Такимъ образомъ совершенно „морской человѣкъ“ безусловно преданъ только морю и своему судну. Онъ плаваетъ чуть ли не всю свою жизнь, но при этомъ ни сколько не помышляетъ о будущихъ благахъ и почестяхъ: онъ живетъ настоящимъ, онъ не честолюбивъ. „Морской человѣкъ“, полосуетъ океаны и моря только ради любви къ искусству...

Далѣе слѣдуютъ моряки, которымъ море даетъ деньги и служебную карьеру. Такіе моряки, по большой части

обладаютъ какимъ-нибудь однимъ или много что двумя качествами „морскаго человѣка"; у одного—„морскія ноги или руки", у другаго—„морской желудокъ", и у нѣкоторыхъ бываетъ понѣскольку качествъ; бываютъ и безъ всякихъ морскихъ качествъ, но это самые несчастнѣйшіе существа на суднѣ. Эти моряки замѣчаютъ въ морской жизни радостныя и грустныя ея минуты, свѣтлыя и темныя стороны. Для „морскаго же человѣка" морская жизнь и море, во всѣхъ его видахъ, безусловно прекрасны: онъ не находитъ въ нихъ грустныхъ минутъ, не видитъ темныхъ сторонъ; однимъ словомъ, онъ доволенъ всѣмъ, что посылаетъ ему море, чѣмъ награждаетъ его морская жизнь...

Представьте себѣ сильную качку: судно бросаетъ съ одной стороны на другую, глубоко зарываясь то носомъ, то кормою, взлетаетъ подъ небеса и стремительно спускается по покатой сторонѣ огромнѣйшихъ валовъ въ глубокую зіяющую пропасть, опять взлетаетъ какъ птица и опять съ головокружительною быстротою бросается въ объятія разъяренныхъ, бушующихъ валовъ... И это продолжается ни день, ни два, а иногда недѣлю и двѣ. Представьте себѣ въ эту страшную качку положеніе моряковъ, не обладающихъ безусловно всѣми качествами „морскаго человѣка"...

Они качаются по прихоти судна, какъ пьяные; на верхней палубѣ ихъ какъ мячъ, бросаетъ съ одного борта на другой: то летятъ они кубаремъ, то, выдвинувши руки впередъ, ловятъ, уходящую изъ-подъ ногъ палубу, сталкиваясь и даже сбивая съ ногъ всѣхъ встрѣчныхъ ему не-морскихъ людей. Въ каютѣ они бѣдствуютъ еще больше, потому что простору тамъ гораздо меньше; они носятся во всѣ стороны съ большею опасностью, какъ для своей особы, такъ и для окружающей его мебели, стѣнъ и людей. Часто морякъ, не обладающій „морскими ногами", несется по прихоти качки, самъ не зная куда, ударяется лбомъ о бимсъ или переборку, отлетаетъ въ сторону на какую нибудь мебель, съ

дурными послѣдствіями, какъ для нея, такъ и для своей персоны, и наконецъ катится кубаремъ по наклонной палубѣ подъ ноги кого-нибудь изъ своихъ товарищей...

Благоразумный и ловкій морякъ съ не-морскими ногами усаживается покрѣпче на диванъ или кресло и ухватывается за него такъ, что никакая сила не въ состояніи стянуть его съ мѣста. Если же нужно ему перейти съ одного мѣста на другое, онъ, выбравъ самую наиудобнѣйшую минуту, бросается, руками впередъ, какъ бомба, присѣдаетъ въ извѣстные моменты, чтобы увеличить сопротивленіе бросающей силы, или даже совершенно ложится на палубу, крѣпко ухватившись за что-нибудь ногами и руками, пережидая сильные взмахи дрыгающаго судна. Съ такими предосторожностями онъ по большей части благополучно достигаетъ до мѣста и опять усаживается. Въ сильную качку вся мебель привинчивается или принайтовливается (привязывается).

Морякъ, не обладающій морскими руками, садится обѣдать, наливаетъ себѣ супу, но раньше чѣмъ донесетъ тарелку до своего мѣста, половину проливаетъ и супъ ручейками льется по столу, переливаясь, сообразно качкѣ, то въ одну, то въ другую сторону и обливая при этомъ брюки и сюртуки всей, сидящей за столомъ, публикѣ. Всѣ сторонятся, обтираются и ворчатъ, совершенно забывая и упуская изъ виду, что у самихъ въ это время при каждомъ розмахѣ льется супъ черезъ края тарелки и множествомъ ручейковъ разбѣгается по всему столу. Такимъ образомъ морякъ, не обладающій морскими руками, *своею неловкостью вводитъ даже во искушеніе* и всю остальную публику... Не обращая вниманія на воркотню, онъ съ большимъ усердіемъ начинаетъ ловить ложку съ супомъ, которая, повинуясь не-морской рукѣ, всѣми силами старается избѣжать своего назначенія; обладатель не-морской руки тоже сердится и наконецъ рѣшаетъ супу не ѣсть, а довольствоваться навремя качки „сухомяткою“, т. е. жаркимъ, если есть третье блюдо, то третьимъ и наконецъ хлѣбомъ... Но самое несчаст-

ное положеніе того, кто не обладаетъ морскимъ желудкомъ; онъ въ качку бѣдствуетъ, страдаетъ, ходитъ блѣдный съ зеленоватымъ отливомъ лица, съ посинѣлыми губами, не зная куда преклонить голову. Вездѣ ему худо, вездѣ его укачиваетъ, тошнитъ и травитъ. Онъ не ѣстъ, хотя можетъ быть обладаетъ превосходными морскими руками, потому что его желудокъ не принимаетъ никакой пищи; иногда только пожуетъ сухарь или съѣстъ кусокъ хлѣба съ солью, какъ средства нѣсколько облегчающія мученія... Во время продолжительной качки онъ истощается до такой степени, что походитъ скорѣе на мертвеца, ищущаго себѣ спокойной могилы, чѣмъ на живого человѣка, съ тоскою и замираніемъ замѣчающаго всѣ розмахи судна и ищущаго себѣ уютнаго мѣстечка гдѣ-бы поменьше качало.

Далѣе слѣдуютъ люди поэтическаго темперамента, которые пускаются въ море только для пополненія своего поэтическаго воображенія всѣми слышанными и читанными ужасами и прелестями морской жизни. Такой человѣкъ, если только онъ есть, самое несчастнѣйшее существо на суднѣ: онъ по большей части не обладаетъ никакимъ морскимъ качествомъ и страданія его въ качку вслѣдствіе этого ужасны; но онъ все переноситъ терпѣливо и мужественно, лелѣя себя надеждою, что за то послѣ качки все покажется въ лучшемъ видѣ. Такой человѣкъ, можно сказать, мученикъ ради своего пылкаго воображенія; но и у него бываютъ радостные дни, когда солнце во всей своей красѣ тихо плыветъ по прекрасному лазуревому небу, зеркальное море купаетъ въ своихъ водахъ чудесное свѣтило...

Тутъ всѣ, даже моряки и не-поэтическаго темперамента, высыпаютъ наверхъ, любуясь небомъ, безбрежнымъ моремъ и его безчисленными прекрасными обитателями, весело играющими на самой поверхности. Въ это время всѣ на суднѣ живутъ только настоящимъ, забывая прошедшія невзгоды. Кто проклиналъ море во

время бури и качки, тотъ больше всѣхъ теперь хвалитъ его и восхищается имъ. Всѣ довольны, всѣ веселы... Но на долго-ли? До первой бури, до перваго дождя и первой качки! А тамъ опять посыплются на бѣдное море проклятія, опять всѣ впадутъ въ свирѣпое настроеніе духа... Такимъ образомъ, для всѣхъ почти моряковъ (кромѣ „морскаго человѣка“ или Куперовскаго loup de mer, разумѣется) морская жизнь имѣетъ свои радостныя и грустныя минуты, свои свѣтлыя и темныя стороны...

Скажу теперь нѣсколько словъ о любви и преданности къ морю нашего русскаго матроса, какого нибудь Сеньки-пастуха, Прошки-свинопаса, Макарки-рыбака и т. д.

Откровенно говоря, любви въ нихъ къ морю не можетъ быть никакой, а преданности еще тѣмъ меньше, да и не мудрено: пасъ, напримѣръ, Прошка-свинопасъ до 20 лѣтъ свиней, пахалъ Ларька-мужикъ землю или закидывалъ Макарка-рыбакъ свои дрянныя сѣти въ какой нибудь рѣчушкѣ, вдругъ забрали ихъ и послали въ море... Ну какая можетъ тутъ явиться сразу любовь и преданность къ морю? Разумѣется никакой! Чтобы матросъ полюбилъ море, нужно съ малолѣтства пріучать его къ нему, какъ пріучаются въ Англіи, Америкѣ и Франціи, чтобы съ малыхъ лѣтъ онъ полюбилъ море и привязался къ нему; а не перерождать человѣка уже тогда, когда онъ возмужалъ, окрѣпъ и всѣ его мысли направлены не къ морю, а скорѣе къ полю.

Правду сказать, изъ русскаго мужика можно образовать хорошаго матроса, смѣлаго, неустрашимаго, ловкаго, но все-таки не преданнаго морю; изъ него точно также можно образовать и хорошаго солдата, что совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ, куда онъ попадаетъ,—во флотъ или армію. Попалъ онъ разъ во флотъ, онъ дѣлается если не хорошимъ, то порядочнымъ матросомъ; попалъ въ армію—дѣлается такимъ же солдатомъ какимъ бы былъ матросомъ. У насъ нѣтъ такихъ мужиковъ, чтобы во флотъ они годились,

а въ армію нѣтъ; каждый мужикъ годенъ куда угодно, только бы ростъ не помѣшалъ: и въ армію, и въ гвардію, и во флотъ, и если онъ дѣйствительно хорошъ, то вездѣ будетъ хорошъ, худъ—то вездѣ худъ. Главная причина этого заключается въ томъ, что русскій мужикъ не имѣетъ особенной привязанности ни къ одному роду службы, легко свыкается и покоряется своей участи...

Въ настоящее время выбираютъ въ матросы по большей части изъ мужиковъ Вологодской, Архангельской и т. п. губерній, въ которыхъ воды побольше, но этимъ мало достигается та цѣль, къ которой стремятся: кого изъ матросовъ ни спросишь: плавалъ ли онъ когда нибудь раньше, всегда одинъ отвѣтъ:

— Съ роду, ваше б—іе, не плавалъ, и окромя сохи ничаво не видалъ. Ну какой же я, ваше б—іе, матросъ.

А то и другой отвѣтъ:

— Какъ не плавалъ, ваше б—іе, плавалъ; рыбакомъ былъ, такъ на р. Вытегрѣ рыбу цѣльный годъ сѣтями ловилъ. Бывало и по озеру (Кубенскому) плавалъ, только далече отъ берега не ходилъ, развѣ сажонъ на 20 отойдешь, закинешъ сѣть, да и тащишь ее на берегъ. А все-жъ, ваше б—іе, что я за матросъ, когды кромѣ рыбы ничаво не видалъ, и окромя какъ на лодкѣ рыбачей ни на какомъ кораблѣ не плавалъ и такой махины какъ нашъ конвертъ (корветъ) съ роду не видывалъ.

Такимъ образомъ любви къ морю въ матросахъ не видно никакой; а что просятся они въ заграничное плаваніе, такъ это по другимъ причинамъ, а не изъ преданности и любви къ бурной стихіи. Одинъ просится чтобы по возвращеніи изъ труднаго плаванія съѣздить въ свою деревню, другой—чтобы скопить на черный день лишнюю копѣйку, третій—чтобы заглушить въ сердцѣ своемъ какую нибудь несчастную любовь и т. д. Каждый матросъ, просясь въ «безвѣстную» [1]), имѣетъ въ виду какую нибудь выгоду, не преданность и любовь къ морю...

---

[1]) Матросы кругосвѣтное плаваніе называютъ «безвѣсною», потому, что не извѣстно время возвращенія въ Россію.

Позже, когда я нѣсколько короче познакомлюсь съ нѣкоторыми избранными мною натурами, я постараюсь полнѣе передать причины, заставляющія большинство нашихъ матросиковъ проситься въ дальнее заграничное плаваніе, добровольно покинуть родину и даже, можетъ быть семейство.

ГЛАВА IV.

Поѣздка въ Берлинъ. — Желѣзная дорога. — Общій видъ города. — Опера.—Поѣздка въ Постдамъ.—Парки и дворцы.

Исправленія различныхъ поврежденій корвета, полученныхъ въ штормъ 1-го ноября, задержали насъ въ Килѣ такое продолжительное время, что посѣтить столицу Германіи — Берлинъ, находящійся въ 18 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, мы не имѣли возможности.

9-го ноября отправились изъ Киля на поѣздѣ; погода къ несчастью стояла пасмурная и сырая, вслѣдствіе чего не было никакой возможности слѣдить за быстро мелькающими окрестностями; нужно было только кутаться и закрываться со всѣхъ сторонъ.

Отдѣлка купэ, (во 2-мъ классѣ) удобная и роскошная; сидѣть чрезвычайно просторно и мягко; въ ногахъ поставлены, по случаю довольно свѣжей погоды, желѣзные, продолговатые ящики съ горячею водою, которая, по мѣрѣ остыванія, постоянно возобновлялась; фонарь со стеариновою свѣчею въ перегородкѣ по желанію пассажировъ можно задернутъ зеленою занавѣскою. Надъ головами, въ перегородкахъ, вбиты крючки и устроены особыя сѣтки, куда можно вѣшать и класть весь имѣющійся при себѣ багажъ, который по большей части у практичныхъ и расчетливыхъ людей доходитъ до значительнаго вѣса, потому что общество желѣзныхъ дорогъ позволяетъ брать въ вагонъ все, что только можетъ унести пассажиръ въ рукахъ. Помѣщеніе 3-го класса отличается отъ

втораго тѣмъ, что вмѣсто мягкихъ, обитыхъ элиановъ, поставлены деревянные на которыхъ сидѣть довольно просторно и удобно. Для бѣдныхъ людей устроенъ еще четвертый классъ очень дешевый.

Поѣздъ трогался и останавливался безъ всякаго сотрясенія и толчка, шелъ плавно, не качаясь и почти безъ шуму; все это очень удивляло, послѣ тряскаго и неровнаго полотна нашихъ желѣзныхъ дорогъ, плохому соединенію вагоновъ, которые при первомъ движеніи поѣзда даютъ такой толчокъ, что нужно быть очень предусмотрительнымъ чтобы избѣгнуть невольныхъ поклоновъ своимъ сосѣдямъ. За границею, по такимъ прекраснымъ дорогамъ, смѣло можно пропутешествовать сряду нѣсколько сотъ верстъ, не почувствовавъ въ тѣлѣ никакой ломоты и боли, а въ Россіи и послѣ ста верстъ на-силу расправишь тѣло, потерпѣвшее въ небольшой переѣздъ тысячи толчковъ, подскакиваній и т. п.

Кромѣ того поразительно на заграничной желѣзной дорогѣ то, что остановка поѣзда совершается на полномъ ходу и притомъ чрезвычайно быстро; нѣтъ того несноснаго уменьшенія хода чуть ли не въ пяти верстахъ отъ станціи, которое введено у насъ.

Причина быстрой остановки, какъ объяснили,—вновь изобрѣтенные тормаза, которые на полномъ ходу останавливаютъ поѣздъ менѣе чѣмъ въ 1½ минуты, причемъ вагоны и полотно дороги не терпятъ никакого поврежденія. Въ Россіи подумываютъ примѣнить эти вновь изобрѣтенные тормаза къ нашимъ вагонамъ, но нужно замѣтить, еще только думаютъ, а когда примѣнятъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности! Быстро пролетѣлъ поѣздъ пространство, отдѣляющее Киль отъ Гамбурга, и влетѣлъ въ Альтону, родную сестру вольнаго города, связанную съ нимъ неразрывными узами. Полотно дороги шло здѣсь по самому городу между домами; мимо оконъ вагона мелькали непрерывные ряды прекрасныхъ зданій, около которыхъ по тротуарамъ толпилась разноколиберная публика; по мостовой неслись экипажи, ло-

шади которыхъ нисколько не пугались идущаго тихимъ ходомъ поѣзда. Черезъ минуту поѣздъ вылетѣлъ на набережную Эльбы, и замелькали передъ глазами купеческія суда, пароходы, шлюпки и дома, виднѣвшіяся по другую сторону рѣки. Еще минута и поѣздъ остановился. Мы уже въ Гамбургѣ; откровенно сказать, и не замѣтили конца Альтоны и начала Гамбурга, такъ срослись эти два дружные города, такъ сплотились въ одинъ. По пріѣздѣ въ Гамбургъ, нужно было пересѣсть на другой поѣздъ, идущій въ Берлинъ, причемъ пришлось прождать его отправленія около двухъ часовъ, которые употребили на прогулку по нѣсколько знакомому уже городу. Было совершенно темно, когда явились въ Берлино-Гамбургскій вокзалъ, гдѣ прежде всего потребовали наши вещи, на которыя, послѣ тщательнаго осмотра таможенными, налепили билетики. Мы узнали что при провозѣ вещей нужно быть осторожнымъ и предъявлять ихъ лучше всего таможенному, который уже и разсудить нужно ли платить пошлину или нѣтъ. Иначе если вы ихъ не предъявили заранѣе присутствующему въ вокзалѣ таможенному чиновнику, васъ заставятъ заплатить за контрабанду большой штрафъ и, кромѣ того отберутъ эту вещь. При этомъ нужно замѣтить, что къ числу запрещенныхъ вещей относятся чуть-ли не всѣ, которыя можетъ только путешественникъ пріобрѣсть въ Гамбургѣ.

Наконецъ поѣздъ тронулся и полетѣлъ.

Въ Берлинѣ, только что мы вышли изъ вагона, насъ окружили услужливые комиссіонеры, при чемъ каждый изъ нихъ старался прежде другаго сунуть въ руки какіе-то билеты, карточки и объявленія. Одинъ изъ нихъ предлагалъ „прекрасныя меблированныя комнаты, сдающіяся помѣсячно, понедѣльно и даже посуточно за очень дешевую цѣну; другой хорошаго портнаго, третій — сапожника, четвертый—перчаточника и т. д. Мы не знали кого слушать, набрали отъ нихъ всѣ подаваемыя карточки и объявленія.

Довольные комиссіонеры, оставили насъ въ покоѣ, кромѣ одного, предлагавшаго хорошее и дешевое помѣщеніе: онъ не переставалъ вертѣться, приглашалъ садиться въ карету и отправиться какъ можно скорѣе въ рекомендованный имъ отель. Принявъ его предложеніе, мы рѣшили послѣ 17 часовой ѣзды перекусить! Онъ этому воспротивился, увѣряя, что на станціи возьмутъ съ насъ въ три дорога, между тѣмъ какъ въ отелѣ накормятъ чуть ли не даромъ; за завтракъ, вопреки увѣреніямъ комиссіонера, взяли очень дешево, сравнительно съ громадными цѣнами, которыя берутъ съ путешественниковъ на всѣхъ русскихъ станціяхъ.

Только что мы успѣли проглотить первый кусокъ, какъ влетѣлъ въ дверь прусскій морякъ и, быстро подошелъ и отрекомендовался:

„Untrlieutenant Zur See Waccnnhusen", причемъ крѣпко пожалъ руки.

Онъ принялъ приглашеніе позавтракать. Завязался разговоръ, грозившій достигнуть огромной оживленности, но благодаря плохому знанію нѣмецкаго языка, оставшійся сдержаннымъ. Черезъ четверть часа влетѣло въ зало еще два морскихъ офицера и прямо подошли къ намъ. Мой знакомый сейчасъ же имъ всѣхъ представилъ.

Начались рукопожатія и всякаго рода пожеланія о счастливомъ окончаніи труднаго плаванія. Черезъ минуту мы уже сидѣли за общимъ столомъ, ѣли и пили, какъ добрые и старые знакомые. Разговоръ пошелъ оживленнѣе, потому что трое слушали одного, и что одинъ не понималъ, то понималъ другой или третій и передавалъ своимъ товарищамъ и т. д.

Они нисколько не потѣшались коверканьемъ нѣмецкихъ словъ: напротивъ, они слушали насъ очень серьезно и внимательно, стараясь всѣми силами вникнуть въ смыслъ хитро сплетенныхъ фразъ. Такимъ образомъ пробесѣдовавъ цѣлый часъ, мы узнали, что они также въ первый разъ пріѣхали въ Берлинъ и желали

съ нимъ познакомиться. Мы рѣшили осмотрѣть столицу. Поболтавъ еще минуту и назначивъ часъ свиданія мы разошлись. Я отыскалъ своего комиссіонера, который усадивъ насъ въ карету, самъ сѣлъ на козлы, и мы отправились въ рекомендованный Hotel St. Petersbourg, находящійся подъ Липпами—чудесное мѣсто для прогулокъ берлинской публики.

Подъ Липпами—прекрасная улица, около 2000 шаговъ, она начинается отъ такъ называемой Оперной площади и кончается—Парижскою. Во всю длину она обсажена деревьями въ четыре ряда, изъ которыхъ большая часть—липы и каштаны; они дѣлятъ всю улицу на пять продольныхъ аллей, изъ которыхъ двѣ предназначаются для экипажей, двѣ—для верховой ѣзды и одна, самая широкая посрединѣ—для пѣшеходовъ. Улица постоянно очень оживлена; всѣ пять аллей переполнены гуляющею публикою то въ роскошныхъ колясках, то верхомъ на дорогихъ арабскихъ лошадяхъ, то пѣшкомъ. Это мѣсто служитъ сборнымъ пунктомъ всей берлинской аристократіи; здѣсь щеголяетъ она своими дорогими нарядами, великолѣпными экипажами, тысячными рысаками... Вся улица по бокамъ обстроена прекрасными домами, занятыми роскошнѣйшими магазинами, кондитерскими и ресторанами.

Остальныя улицы Берлина, широкія и прямыя, расположены правильно и содержатся необыкновенно чисто; вымощены онѣ булыжникомъ или прямоугольными каменными плитками; по обѣимъ сторонамъ ихъ находятся довольно глубокія канавки по которымъ, постоянно протекаетъ вода изъ водопроводовъ и смываетъ стекающую туда грязь. На нѣкорыхъ улицахъ положены въ видѣ рельсъ полоски плитняка, по которымъ двигаются тяжело-нагруженныя возы. Всѣ улицы содержатся въ необыкновенной чистотѣ; въ Берлинѣ не знаютъ даже, что такое грязь; берлинскіе жители были бы поражены, увидя пресловутыя наши грязи Песковъ, Петербургской стороны и т. п.

по которымъ, въ большую часть года, не пройти ни пѣшему ни конному... Особенно же чистота улицъ поражаетъ почти каждаго путешественника, и не мудрено, потому что въ Берлинѣ заботятся, чтобы онѣ выглядѣли по возможности чище. Особая команда, организованная на военный образецъ, чиститъ всѣ берлинскія улицы; команда эта, носящая особую форму, ежедневно мететъ ихъ но не метлами, какъ у насъ, а густыми, жесткими щетками, отчего улицы всегда чисты до необычайности, камни блестятъ какъ полированные.

Ѣдучи въ отель, мы любовались нѣмецкою чистотою, этими организованными командами, счищающими съ улицъ грязь до послѣдней капли.

Было утро—самый разгаръ торговли: огромныя фуры, нагруженныя всякою всячиною, медленно и скрипя, двигались къ рынку; здоровенныя собаки, высунувъ языки, тащили изо всѣхъ силъ небольшія телѣжки, нагруженныя молокомъ, яйцами, зеленью, овощами и т. п. сельскими произведеніями; кухарки и повара съ мѣшками въ рукахъ торопились за провизіею, перегоняя другъ друга и спѣша раньше другихъ придти на рынокъ, чтобы присмотрѣться и поторговаться; гимназисты съ ранцами за плечами, весело разговаривая и подпрыгивая, торопились сѣсть на школьную скамью; небольшіе отряды солдатъ, высокихъ и молодыхъ, мѣрно отбивая ногами тактъ, спокойно двигались, какъ автоматы, въ разныхъ направленіяхъ... Повсюду видпѣлось какое-то оживленіе пробудившагося города, слышался скрипъ телѣгъ, фуръ, шумный говоръ и стукъ, плавно двигающихся общественныхъ экипажей. Однимъ словомъ, мы слышали всѣ звуки, какъ и въ другихъ городахъ, но, къ удивленію, не слышалось только собачьяго лая или визга...

Всѣ собаки ведутъ себя здѣсь какъ-то чинно и благопристойно; всѣ онѣ заняты своимъ дѣломъ, нисколько не обращая вниманія на окружающіе предметы; а праздношатающихся собакъ почти не видать, благодаря попеченію берлинской полиціи. Въ Берлинѣ вы не увидите

ни одной собаки безъ намордника, вслѣдствіе чего не только рабочія, но и балованныя собаки ведутъ себя чрезвычайно скромно: не кусаются, не дерутся и почти никогда не лаятъ. За каждую собаку, которую держатъ изъ прихоти, хозяинъ ея обязанъ внести пошлину въ 3 рубля сер. Внесши пошлину, онъ получаетъ для своей собаки намордникъ съ надписью, что пошлина заплачена; если же собака безъ намордника, выданнаго отъ полиціи, ее, при первомъ появленіи на улицѣ, отводятъ въ особенное помѣщеніе за городъ, гдѣ она подвергается трехдневному карантину и затѣмъ убивается, если въ это время не придетъ ея хозяинъ и не внесетъ штрафа (1 р. с.). Сбираемая сумма съ собакъ очень значительна и идетъ на содержаніе берлинскихъ улицъ...

За рабочихъ собакъ пошлинъ не платятъ и онѣ даже пользуются нѣкоторымъ почетомъ, потому что для бѣдныхъ людей замѣняютъ лошадь; ихъ хорошо кормятъ и не бьютъ. Упряжь собакъ англійская и впрягаются онѣ въ одиночку или парами. Чрезвычайно интересно смотрѣть, какъ умныя животныя дружно тянутъ свои телѣжки, слѣдуя за хозяиномъ, который идетъ себѣ впереди, заложивъ руки въ карманы, да посвистываетъ. Нетолько въ Берлинѣ, но и въ Гамбургѣ, Килѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ мелькаютъ телѣжки, запряженныя собаками...

Но вотъ мы и въ отелѣ; только что расположились, какъ вдругъ отворилась дверь и вошелъ мой комиссіонеръ.

— Что вамъ угодно?

— Позвольте узнать, сколько времени думаете вы остаться въ Берлинѣ? отвѣчаетъ онъ на вопросъ вопросомъ же.

— Дня три или четыре.

— Такъ позвольте вашъ паспортъ, я предъявлю его въ полицейское управленіе (Polizeiprasidium).

— Зачѣмъ? спрашиваю.

— Въ Берлинѣ ужъ такъ заведено, отвѣчаетъ комиссіонеръ, если путешественникъ прибудетъ сюда съ намѣреніемъ остаться въ городѣ менѣе сутокъ, то долженъ предъявить свой паспортъ, не позже четырехъ часовъ по пріѣздѣ, полицейскому начальнику той части города, въ которой остановился; если же онъ намѣревается прожить въ Берлинѣ больше сутокъ, то свой паспортъ обязанъ предъявить въ полицейское управленіе, которое, вмѣсто него, выдаетъ ему временной видъ для прожитія, и его недурно имѣть всегда при себѣ, во избѣжаніе какихъ нибудь недоразумѣній.

Мы дивились такому порядку, необыкновенной подозрительности берлинской полиціи и представивъ своему услужливому комиссіонеру виды, не болѣе какъ черезъ часъ получили ихъ обратно.

Такимъ образомъ, устроившись, мы ждали своихъ новыхъ знакомыхъ, которые обѣщали зайти около двѣнадцати часовъ. Наконецъ они явились, дружески поздоровались, какъ будто были знакомы съ нами чуть ли не пять лѣтъ, и предложили сейчасъ же отправляться на изслѣдованіи. Прежде всего прогулялись подъ знаменитыми Липами и, вдоволь налюбовавшись огромною массою роскошно одѣтой публики, мы наняли превосходный экипажъ и рѣшили остальную часть этого дня посвятить наружному осмотру города.

Не буду описывать самаго города, который уже слишкомъ хорошо извѣстенъ и подробности о которомъ можно найти въ любомъ гидѣ.

Осмотрѣвъ почти всѣ сколько-нибудь замѣчательныя зданія и памятники, объѣхавши при этомъ чуть-ли не весь городъ, мы направились къ Оперѣ, въ которой давали сегодня одну изъ лучшихъ оперъ, „Норму“. По пріѣздѣ къ театру, мнѣ прежде всего бросились въ глаза совершенное отсутствіе полиціи и жандармовъ; кареты и другіе экипажи быстро подъѣзжали къ подъѣздамъ, высаживали публику, отъѣзжали безъ криковъ и шума и становились на свои мѣста въ порядкѣ, какъ

будто бы ими руководила какая-нибудь невидимая власть; пѣшеходы, спѣшившіе на представленіе, не толпились у подъѣзда, но входили чинно и безъ толкотни. Повсюду виденъ былъ необыкновенный порядокъ, но не видно было при этомъ ни одной полицейской власти. Въ театрѣ думали, подадутъ вмѣсто афиши какой-нибудь грязный и сѣрый клокъ бумаги, взявъ за него при этомъ десять копѣекъ; пришли также на умъ и капельдинеры нашихъ театровъ, берущіе за храненіе платья двадцать, а то, смотря по обстоятельствамъ, и тридцать копѣекъ. Каково же было наше разочарованіе и въ то же время удивленіе при видѣ совершенной противуположности...

Во-первыхъ, за храненіе платья взяли не двадцать или тридцать копѣекъ, а всего только 6 (2 гроша), затѣмъ за афишу взяли не десять копѣекъ, а въ три раза меньше 1 грошъ), но при этомъ нужно сознаться, что афиша берлинскихъ театровъ по меньшей мѣрѣ въ сто разъ лучше тѣхъ грязныхъ и сѣрыхъ клочковъ бумаги, издаваемыхъ многоуважаемымъ г. Вольфомъ, которые и въ рукахъ-то совѣстно держать не только читать. Вообразите себѣ, подали мнѣ за три копѣйки большой, изъ прекрасной бумаги листъ, аккуратно сложенный и весь испечатанный; однимъ словомъ, не афишу, а цѣлую газету, названіе которой „Театральная междуактная газета (Theater Zwischenakts-Zeitung). Въ ней можно прочесть не только всѣ театральныя новости, но даже и множество частныхъ объявленій, чтеніе которыхъ можетъ служить большимъ развлеченіемъ между антрактами, такъ какъ выходъ изъ креселъ чрезвычайно неудобенъ, вслѣдствіе чего большая часть публики остается на своихъ мѣстахъ, просматривая вышеупомянутую афишу, либретто или даже ноты, которыя носятъ съ собою любители музыки и внимательно слѣдятъ по нимъ за правильностью пѣнія. На первой страницѣ театральной газеты напечатано оглавленіе играемой пьесы и всѣ дѣйствующія лица,

затѣмъ цѣны мѣстамъ (которыя непостоянны, но всегда очень большія), объявленія о слѣдующихъ представленіяхъ, а также что давали въ послѣднее время въ другихъ театрахъ, каково было въ нихъ стеченіе публики и какъ шло представленіе; въ концѣ страницы напечатаны всѣ театральныя новости, какъ-то: бракосочетаніе, болѣзнь и смерть артистовъ, гдѣ они давали концерты и т. п. На слѣдующихъ трехъ страницахъ Театральной газеты помѣщено множество частныхъ объявленій, публикацій и т. п...

Представленіе шло отлично, играли, какъ и слѣдовало ожидать, превосходно. Хорошему и ясному пѣнію много способствовалъ отличный резонансъ театра, въ которомъ могутъ даже пѣть артисты съ слабымъ голосомъ и между тѣмъ публика ясно и отчетливо слышитъ все пѣніе. Оперная зала имѣетъ четыре яруса ложъ и можетъ вмѣстить около 3000 человѣкъ.

Бывши въ театрѣ, нельзя не упомянуть объ одной особенности, которую я замѣтилъ въ обращеніи берлинской, да и вообще всей нѣмецкой публики съ артистами. Нѣмцы никогда не аплодируютъ во время игры или при первомъ выходѣ какой нибудь знаменитой артистки, какъ бываетъ обыкновенно на нашихъ театрахъ. Нѣтъ, они ждутъ совершеннаго окончанія цѣлой сцены и тогда только позволяютъ себѣ громомъ рукоплесканій и восторженныхъ вызововъ отблагодарить артистокъ или артистовъ за доставленное удовольствіе. Этою выдержанностью они не мѣшаютъ артистамъ продолжать, а остальной публикѣ слушать.

Уже поздно вечеромъ возвратились мы въ отель, заранѣе условившись съ новыми знакомцами-моряками, слѣдующіе два или три дня посвятить внутреннему осмотру замѣчательныхъ зданій, храмовъ, музеевъ увеселительныхъ заведеній и, если успѣемъ, наконецъ посѣтить Берлинскія окрестности, изъ которыхъ стоитъ обратить вниманіе путешественникамъ на Шарлотенбургъ, маленькій городокъ въ $^3/_4$ миляхъ отъ Бер-

лина, и Потсдамъ, вторую резиденцію Германскаго императора...

На слѣдующій день рано утромъ, мы рѣшили прежде всего осмотрѣть замѣчательные храмы и музей.

Было уже темно, когда мы окончили наши послѣдніе осмотры, и рѣшили, что удобнѣе всего посѣтить какое-нибудь увеселительное заведеніе. Долго спорили куда ѣхать, но наконецъ согласились, при вмѣшательствѣ нашего возницы, посѣтить—зимній садъ г. Кроля (Kroll's Wintergarten), находившійся у Бранденбургскихъ воротъ. Думая найти что-нибудь обыкновенное, крайне удивились войдя въ огромную, роскошнѣйшую залу (въ 100 футовъ длины, 80 ширины и 40 вышины), съ фантастическимъ освѣщеніемъ и убранствомъ. Шесть чудесныхъ люстръ, съ 900 газовыхъ рожковъ, разливали по залѣ волшебный блескъ; залоченые пилястры, оканчивающіеся великолѣпными каріатидами, работы профессора Фишера, поддерживали артистически расписанный потолокъ, на которомъ, среди живописно разбросанныхъ цвѣтовъ, красовались въ медальонахъ портреты знаменитѣйшихъ артистовъ и поэтовъ всѣхъ временъ. Двѣ другія нѣсколько меньшаго размѣра залы и около шести комнатъ слѣдовали за первою; убраны онѣ были съ такимъ же вкусомъ и царскою роскошью. Множество публики толпилось по заламъ, шумно и весело разговаривая, съ нетерпѣніемъ ожидая концерта, который долженъ былъ дать г. Кроль при участіи лучшихъ артистовъ королевскихъ театровъ. Концертъ былъ великолѣпенъ и закончился, какъ и слѣдовало ожидать, громомъ восторженныхъ рукоплесканій и шумныхъ вызововъ всѣхъ артистовъ.

Поздно вечеромъ возвратились мы въ отель, измученные и разбитые чуть-ли не двѣнадцатичасовою прогулкою.

Всю ночь лѣзли намъ въ голову различныя муміи, гробницы, статуи, памятники и т. п. вещи, видѣнныя въ продолженіе дня. Поѣздку нашу въ Потсдамъ не хотѣли откладывать, потому что наступившій день

былъ послѣднимъ днемъ пребыванія въ Берлинѣ; а не быть въ Потсдамѣ какъ-то совѣстно. Кромѣ того былъ вторникъ, въ который должны быть открыты потсдамскіе фонтаны, которые хотѣлось сравнить съ петергофскими.

Потсдамъ находится въ 4 миляхъ (28 верстъ) отъ Берлина; черезъ три четверти часа ѣзды мы были уже на мѣстѣ. Городъ съ 40,000 жителей, вторая резиденція Германскаго императора, чрезвычайно красиво раскинута по берегу живописной рѣки Гавель.

Дома города по большей части очень красивы, улицы прямы съ прекрасными мостовыми, чистыми до невообразимости.

Первымъ бросается въ глаза при въѣздѣ въ Потсдамъ это дворецъ—старинное зданіе (начато оно въ 1660 году, а окончено въ 1701 г.), служившее резиденціею Фридриху Великому, Наполеону I въ 1806 году, Фридриху Вильгельму III и наконецъ нынѣ царствующему императору. Между нимъ и рѣкою раскинутъ превосходный Садъ Удовольствія (Lustgarten), состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ частей: плацъ-парада и собственно сада.

Въ саду красуются нѣсколько бронзовыхъ бюстовъ въ память знаменитыхъ генераловъ: Клейста, Бюлова, Іорка, Тауэнцина, Блюхера, Гнейзенау, Шарнгорста, Герцога Карла Мекленбургскаго и др. На самомъ виднομъ мѣстѣ, на берегу р. Гавеля, стоитъ вниманія чудесный бассейнъ въ 340 футовъ длиною и 142 фута шириною, въ срединѣ котораго поставлена колоссальная группа, состоящая изъ Венеры, Тритона и Нептуна; въ другихъ мѣстахъ бассейна разбросаны двѣнадцать мраморныхъ миѳологическихъ статуй.

Паркъ украшенъ превосходными дворцами Санъ-Суси, Новымъ дворцомъ и Шарлоттенгофъ, а также чудесными фонтанами, проэктированными самимъ Фридрихомъ Великимъ. Лучшій фонтанъ, не уступающій Петергофскому Самсону, называется главнымъ (Hauptfon-

taine); онъ состоитъ изъ огромнаго, выложеннаго каррарскимъ мраморомъ бассейна (діаметръ его почти 130 футовъ), въ срединѣ котораго бьетъ на высоту 114 футовъ превосходный фонтанъ.

Около дворца Санъ-Суси замѣчателенъ гротъ Нептуна, украшенный прелестными каскадами, Сицилійскій садъ со множествомъ растеній, привезенныхъ съ острова Сицилія, Paradiesgarten—съ римскими банями и каскадами и, наконецъ, черезъ одну аллею, Новый дворецъ, выстроенный въ 1769 году.

Продолженіемъ парка Санъ-Суси служитъ паркъ прелестнаго, небольшаго дворца Шарлоттенгофъ, построеннаго императоромъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ.

Дворецъ этотъ окруженъ прекрасными фонтанами и статуями, изъ нихъ особенно хороши Парисъ, Амазонка, Меркурій, Аполлонъ и Фавнъ.

Изъ другихъ окрестностей Потсдама замѣчательны: лѣсистая возвышенность Бабельсбергъ, на которой расположенъ, построенный въ 1835 году, архитекторомъ Персіусомъ дворецъ принца прусскаго, окруженный превосходными каскадами и фонтанами, изъ которыхъ самый лучшій бьетъ на 130 футовъ высоты; русская колонія Александровка, состоящая изъ нѣсколькихъ избъ и православной церкви; Мраморный [1]) дворецъ недалеко отъ Александровки, и наконецъ Павлиній островъ (Pfauninsel) — любимое мѣстопребываніе покойнаго короля Фридриха Вильгельма III. Островъ этотъ соединенъ съ берегомъ чудеснымъ паромомъ.

Королевская вилла съ двумя четыреугольными башнями соединенными желѣзнымъ мостомъ съ мраморною индѣйскою пагодою, садъ розъ и наконецъ превосходная пристань, для англійскихъ фрегатовъ (подарокъ Англійскаго короля Георга IV) можно отнести къ наилучшимъ украшеніямъ Павлиньяго острова.

---

[1]) Дворецъ выстроенъ изъ кирпича, а не мрамора, какъ можно было бы судить по его названію.

По осмотрѣ прелестнаго Pfaueninsel, мы отправились въ обратный путь; знакомцы моряки пожелали еще посѣтить городокъ Шарлоттенбургъ, но намъ съ ними ѣхать не удалось, потому что должны были пуститься въ обратный путь; черезъ два часа мы неслись по направленію къ Килю...

Побывавши въ Берлинѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ, можно еще упомянуть о нѣсколькихъ особенностяхъ. Во первыхъ, во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, нѣтъ обыкновенія грязнить стѣны домовъ разными объявленіями и афишками, что замѣчается въ русскихъ городахъ, въ которыхъ всѣ почти дома пестрѣютъ какими-нибудь объявленіями.

ВъГерманіи же, во избѣжаніе дароваго украшенія стѣнъ домовъ, устроены на самыхъ многолюдныхъ и видныхъ мѣстахъ особыя деревянныя, красивыя колонны, называемыя Littfast-Säulen, со всевозможными объявленіями, что удобно, красиво и хорошо.

—

ГЛАВА V.

Къ 15 ноября корветъ былъ уже готовъ пуститься въ дальнѣйшее плаваніе: всѣ поврежденія исправились, уголь приняли, корпусъ корвета вымыли и вычистили. Немедленно отдано было приказаніе сниматься съ якоря; матросики высыпали наверхъ посмотрѣть въ послѣдній разъ на нѣмецкій городъ. Между тѣмъ послали шлюбку отклепать отъ бочки якорную цѣпь [1]) и черезъ пять

[1]) Въ Кильской бухтѣ положены для военныхъ судовъ на мертвыхъ якоряхъ бочки, за кольца которыхъ и берется якорная цѣпь, предварительно отклепанная отъ якоря. Хорошо и удобно! Стать и сняться съ бочки можно чрезвычайно быстро; какъ бы вѣтеръ ни былъ свѣжъ, стоять на бочкѣ если подать на нее здоровую цѣпь, также безопасно, какъ и въ штиль: нисколько не сдрейфуетъ.

минутъ корветъ тихо и гордо вышелъ изъ Кильской бухты, распростившись съ гостепріимнымъ городомъ дружескими салютами. Матросики толпились на полубакѣ выглядывая отовсюду.

— А славный Киль-городъ, говорилъ черноволосый рекрутъ, только жаль кабаковъ мало; то-ли дѣло въ Кронштадтѣ, что ни шагъ, то кабакъ, трактиръ, али портерная! Жаль его родного, братцы, право жаль!

— Невидаль што-ли твой Кронштадтъ, сердито обратился къ говорившему рекруту старый, угрюмый матросъ; вотъ погоди, побываешь во французскихъ али въ гличанскихъ городахъ, такъ тамъ не то запоешь и Кронштадтъ свой забудешь...

— Я во всѣхъ эфтихъ городахъ бывалъ, вмѣшался бойкій матросъ, когда ходилъ въ первый разъ на корветѣ. Веселые, братцы, города! Кабаковъ-те, кабаковъ-те, сколько и... упаси Господи...

— А на собакахъ въ гличанскихъ городахъ тоже ѣздятъ?

— Нѣтъ, братецъ ты мой, этта чисто нѣмецкая выдумка: не даромъ нѣмецъ и облизьяну выдумалъ!

— Въ жисть свою такихъ чудесъ не видывалъ, глубокомысленно началъ разсказывать рекрутъ, уставивъ руки въ бока, а тутъ Господь привелъ увидѣть! Вотъ, братцы, бѣжитъ этта собака, большущая, силища кажись непомѣрная и цѣлый ворохъташитъ за собой. И вѣдь умная какая, не лаетъ, на лошадокъ не бросается, а бѣжитъ себѣ за хозяиномъ чинно, смирно, какъ точно и въ самомъ дѣлѣ лошадь какая: не бѣсится...

— Ахъ, ты олухъ вологодскій, перебилъ его старый матросъ, разѣ мы слѣпы были, што про эфто разсказываешь. Еще ты, поди, въ пеленкахъ былъ, какъ я уже ходилъ кругомъ свѣта и всѣ чудеса видѣлъ. Замолчи лучше крыса трюмная!

— Што-жъ ты ласшься, Григорычъ, разѣ что худое на тебя сказалъ? Вѣдь я ничаво такова...

— Лясъ ты не точи, мужланъ косолапый, кагды старый матросъ что-либо сказываетъ: слушай только и молчи, аль спрашивай что хошь, а самъ ни гу-гу. Вотъ поплаваешь съ годика два, аль три, тогды и самъ разсказывать станешь рекрутамъ про всѣ диковинныя вещи, а теперь молодъ еще, зеленъ—помолчи лучше...

— Эхъ, какой ты строгій сталъ, Григорычъ, и ничаво не говори таперича, что видѣлъ, упрекнулъ рекрутъ и, какъ-то безнадежно махнувъ рукою, отошелъ въ сторону.

— А что, Григорычъ, куды скажи мнѣ на милость, таперича мы пойдемъ? спрашиваетъ вновь подошедшій разбитной рекрутъ.

— Господа офицеры баятъ, что напередъ пойдемъ въ Шербургъ — хранцузскаго королевства портъ, затѣмъ въ гличанскій городъ Плимутъ, а тамъ въ океанъ и тропики.

— Въ Тропики?! А въ какомъ государствѣ этотъ портъ? кабаки въ немъ есть?

— Это, братецъ, не портъ, а особое такое мѣсто среди океана, гдѣ такой жарищей пышетъ, что и кабаковъ не надо.

— Вотъ оно что, въ недоумѣньи пробормоталъ рекрутъ, искоса поглядывая на Григорыча, какъ бы спрашивая: „не врешь ли".

Но Григорычъ не удостоилъ отвѣтить на этотъ нѣмой вопросъ и отошелъ въ сторону, оставивъ товарища въ полномъ недоумѣніи на счетъ тропиковъ.

Въ полубакѣ разговоры были еще интереснѣе. У фокъ мачты два рекрута-односельца о чемъ-то жестоко спорили, сильно размахивая руками и тыча ими одинъ другаго въ грудь.

— Не ври, Мишка, озлобленно говорилъ одинъ изъ нихъ, твой унтеръ вретъ и ты съ нимъ? какъ можетъ это статься, чтобы въ заграничныхъ тѣхъ портахъ бань не было?!

— Право, Архипъ, нѣту-ти, увѣрялъ между тѣмъ

Мишка. Мнѣ объ эфтомъ и не одинъ унтеръ говорилъ, самъ боцманъ тоже баялъ и господа афицеры съ нимъ, что нѣтути тамъ бань, какъ есть нѣтути!

— Не вѣрится, горячился Архипъ, махнувъ рукою такъ, что она чуть не смазала сосѣда по носу, не вѣрится! Задаромъ пропадешь коли бань тамъ нѣту; часотка заморитъ, аль другая какая болѣсть!

— Право нѣтути! хошь, такъ пойдемъ къ Якову Матфеичу: онъ насъ разсудитъ, чѣмъ тутъ лаяться будемъ!

— Валимъ къ нему, рѣшилъ нѣсколько успокоившійся любитель бань.

Подходятъ они къ унтеру Якову Матфеичу, какъ матросы его величаютъ, робко, будто виноватые.

— Что нужно? угрюмо спрашиваетъ Яковъ Матфеичъ замѣтя, что Архипъ съ Мишкою какъ-то неловко передъ нимъ переминаются и сердито поглядываютъ другъ на друга.

— Мы къ вашей милости, заговорилъ Архипъ, будьте милостивы, разсудите насъ. Таперича Михайло баитъ, что бань въ заграничныхъ портахъ нѣтути, такъ правда ли эфто?

— Разумѣется правда, таперича не будетъ бань до самой Амуры.

— Какъ же басурмане, удивился Архипъ, свиньями што ли живутъ, аль грязь къ нимъ не пристаетъ?

— Я те говорилъ „нѣтъ", а ты все свое поешь: есть да есть, есть да есть, вотъ те и есть!.. Што вру, вру?!.. Погоди, голубчикъ, я съ тобою...

— Отстань, со злостью отлаялся Архипъ, исподтишка показывая своему неотвязчивому собесѣднику здоровенный кулачище,—я съ тобою потомъ, а таперича дай у Яковъ Матфеича малость уму-разуму научиться...

— Такъ какъ-же, Яковъ Матфеичъ, обратился онъ къ унтеру, такъ какъ-же басурмане: свиньями што-ли живутъ, аль грязь скребницами съ себя счищаютъ?

— Эхъ, олухъ необразованный, сердито отвѣтилъ

унтеръ, скребницами грязъ счищаютъ!? Вотъ выдумалъ!.. Разѣ онѣ лошади.

— Не лошади, а ужъ што за люди, коли въ ихъ городахъ бань нѣту.

-- Безтолковый ты этакой, за то тамъ ванны есть.

— Ванныи?! А что-же эфто такое за ванныи?

— Это, братецъ ты мой, лохань съ теплою водицею, а ты садись и полощись какъ утка въ лужѣ, покудова не умаешься.

— Что-же эфто за мытье?.. Такъ нисколько и грязи съ тѣла и не соскоблишь. Толи дѣло баня! Попрѣешь малость, такъ грязь сама такъ и сходитъ.

— Вотъ погоди, попрѣешь еще и безъ бани, да такъ, что и въ баню не захочешь, проклянешь ее...

- Ой-ли, усумнился Архипъ и, недовольный, отошелъ отъ Якова Матфенча, разрушившаго всѣ его дорогія мечты на счетъ бани.

Корветъ между тѣмъ уже вышелъ изъ Кильской бухты и, давъ полный ходъ пошелъ между рядомъ прелестныхъ островковъ, виднѣвшихся со всѣхъ сторонъ и терявшихся вдали въ голубоватомъ туманѣ. Вѣтеръ былъ свѣжій, попутный, что дало намъ возможность до вечера достигнуть длиннаго и узкаго острова Лангеланда, у сѣверной оконечности котораго мы и стали на якорь, не рѣшаясь въ темную ночь пройти не совершенно безопаснымъ Бельтомъ. Справа и слѣва виднѣлись непривлекательные берега островов Фіоніи и Зеландіи съ нѣсколькими бѣдными, полуразрушенными рыбачьими деревеньками, раскинутыми у самой воды. Рыбачьи лодки, вытащенныя на песокъ и опрокинутыя вверхъ дномъ; громадныя сѣти развѣшанныя на кольяхъ для просушки; босоногіе мальчики и дѣвочки едва прикрытые лохмотьями и съ удивленіемъ глазѣвшіе на незнакомое судно, придавали всей картинѣ еще болѣе унылый и жалкій видъ. Вообще любоваться берегомъ не стоило; вмѣсто того чтобы привлекать взоры, онъ отталкивалъ ихъ; лучше сказать, берега и поэту показались

бы унылыми и жалкими. Благодаря наступившей темнотѣ, мы наконецъ избавились отъ утомляющей глазъ картины...

Ночь прошла въ безпокойствѣ и постоянной тревогѣ; мимо насъ пролетали купеческія суда, которыя того и смотри навалятъ на корветъ. Почти всѣ купцы (въ морѣ купеческое судно называется коротко для отличія отъ военнаго—купецъ), ради экономіи, не исполняютъ въ точности международнаго права и не несутъ положенныхъ огней. Большинство изъ нихъ ходитъ или совершенно безъ нихъ, или же съ такими, что ихъ едва разберешь вблизи, когда уже поздно принимать какія нибудь мѣры противъ столкновенія. Вообще на бдительность купцовъ надѣяться нельзя, а потому, стоя на якорѣ въ мѣстѣ, мимо котораго проходятъ эти суда, нужно зорко слѣдить, чтобы какой нибудь взбаломошенный не треснулъ бы въ бокъ своимъ здоровымъ носомъ. Какъ только завидятъ въ темнотѣ черный, быстро приближающійся силуэтъ съ огнями или безъ нихъ, то сейчасъ же стараются всѣми силами возбудить въ рулевомъ приближающагося судна надлежащую бдительность: бьютъ въ барабанъ, играютъ на рожкѣ и даже палятъ изъ пушекъ. Если же военное судно увидитъ приближающагося купца безъ огней, то имѣетъ полное право послѣ двухъ холостыхъ выстрѣловъ, которые предупреждаютъ купца открыть свои огни, стрѣлять по судну ядрами; но къ послѣднему средству прибѣгаютъ очень рѣдко потому, что послѣ перваго же выстрѣла являются на купцѣ всѣ положенные фонари, появленіе это сопровождается обыкновенно громкими криками, чтобы не спѣшили стрѣлять во второй и наконецъ въ третій разъ, потому что купецъ уже знаетъ, какой гостинецъ послѣдуетъ послѣ втораго выстрѣла, а потому для своей безопасности моментально исполняетъ грозное требованіе военнаго судна...

На другой день, 16 ноября, съ разсвѣтомъ кор-

ветъ продолжалъ плаваніе Большимъ Бельтомъ, Каттегатомъ и Скагерракомъ, имѣя все время тихіе, попутные вѣтры. Въ полторы сутки прошли мы до мыса Скагена, вошли въ Скагерракъ и 17 числа вечеромъ были уже въ Нѣмецкомъ морѣ, которое приняло насъ первоначально довольно гостепріимно: дулъ ровный юго-восточный (SO) вѣтеръ, позволившій немного отдохнуть и приготовиться къ слѣдующему дню, не предвѣщавшему ничего хорошаго. И дѣйствительно, не успѣли еще по утру протереть глаза, какъ на верху послышалась безпокойная бѣготня, свистъ и вой развирѣпѣвшаго вѣтра. Прошло еще нѣсколько минутъ и въ палубѣ раздались зычные голоса вахтенныхъ унтеровъ: „Пошелъ всѣ на верхъ рифы брать! [1]) Электрическій токъ пробѣжалъ по всѣмъ матросикамъ: такъ единодушно вскочили они, быстро накинули на себя одежду и еще быстрѣе, перегоняя другъ друга, повылѣзли наверхъ.

Черезъ полчаса корветъ подъ глухо зарифленными [2]) марселями [3]) уже качался съ боку на бокъ въ разбушевавшемся Нѣмецкомъ морѣ, и цѣлыя сутки пришлось опять испытывать несносную качку. Только къ 20 ноября вѣтеръ стихъ, море улеглось и корветъ, убравъ паруса развелъ пары и спокойно пошелъ по направленію канала Ла-Маншъ, имѣя тихій южный вѣтеръ. Въ этотъ же день, въ 2 часа пополудни, подошли мы къ Доггерской банкѣ, на которой виднѣлось множество рыбачьихъ ботовъ, смѣло пускавшихся въ открытое море, на разстояніе почти 100 и 200 миль отъ бе-

[1]) «Брать рифы» значитъ уменьшать площадь парусовъ, для чего на нихъ обыкновенно бываетъ нашито, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, три или четыре параллельныхъ, такъ называемыхъ, рифъ сезней (плетеные плоскіе концы достаточной длины), которыми парусъ укорачивается въ длину (длина считается вдоль мачты) на столько, сколько того требуетъ увеличивающаяся сила вѣтра.

[2]) Глухо зарифленнымъ парусомъ называется такой, площадь котораго уменьшается до возможной степени.

[3]) Марселя—паруса, помѣщаемые между нижнимъ и среднимъ (марсарей) реемъ.

рега. Небольшія суда эти, величиною отъ сорока до восьмидесяти тоннъ, управлялись каждое 8 или 10 рыбаками; они выходили въ море большими флотиліями слишкомъ въ сто судовъ, и занимались рыбною ловлею въ различныхъ частяхъ Нѣмецкаго моря; они особенно любятъ посѣщать Доггерскую банку. Всѣ они снабжены такъ называемыми траулерами, или огромными и плотными сѣтями привязанными къ особымъ перекладинамъ, помѣщеннымъ въ кормѣ ботовъ. Сѣти эти опускаются въ воду и при маломъ ходѣ бота тащатся позади его, почти по самому дну моря на прочныхъ веревкахъ. Протащивъ сѣть достаточное разстояніе, ботъ убираетъ паруса и, произвольно качаясь на волнахъ или же, если позволяетъ глубина, бросивъ якорь, рыбаки начинаютъ выбирать сѣть, причемъ мелкая рыба запутывается въ самыхъ сѣтяхъ, а болѣе крупная загоняется въ особый мѣшокъ, идущій отъ средины сѣти.

Множество чаекъ и морскихъ ласточекъ кружатся съ пронзительными криками надъ ботомъ и, выбравъ удобную минуту, массами бросаются внизъ и хватаютъ добычу изъ самыхъ сѣтей, какъ только онѣ покажутся на поверхности воды, съ палубы бота и даже съ поверхности воды, у которой обыкновенно собирается, внутри сѣти, несмѣтное количество мелкой рыбы. Нахальство птицъ превосходитъ всякое описаніе. Онѣ кружатся почти надъ головами рыбаковъ, бросаются на добычу съ удивительнымъ прожорствомъ, мало обращая вниманіе на крики и даже выстрѣлы. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока вся рыба не уберется съ ихъ прожорливыхъ глазъ, и тогда только онѣ оставляютъ ботъ и высматриваютъ другой, на которомъ только что выбрали сѣть.

Рыболовные боты остаются въ открытомъ морѣ, болѣе шести недѣль. Вы спросите: куда же дѣваютъ они пойманную рыбу, что съ нею дѣлаютъ? Откуда достаютъ рыбаки пищу и свѣжую воду? Ужъ не питаются

ли они все рыбою? Нѣтъ напротивъ, они ѣдятъ самую свѣжую мясную пищу, хлѣбъ и зелень, пьютъ превосходную воду и живутъ, не смотря на то, что не видятъ береговъ въ продолженіе 6 недѣль, даже роскошно для моряковъ, невидавшихъ можетъ быть въ прежнее время ничего, кромѣ солонины и крѣпкихъ сухарей. И вотъ почему: кромѣ этихъ рыболовныхъ ботовъ, существуетъ еще флотъ небольшихъ и быстрыхъ судовъ (одномачтовыя называемыя тендерами), которыя совершаютъ правильные суточные рейсы между рыболовнымъ флотомъ, Ярмутомъ (Yarmouth) и Лондономъ. Они забираютъ въ Ярмутѣ, лежащемъ на Норфолькскомъ берегу, между заливомъ Вашъ и устьемъ рѣки Темзы, свѣжую провизію, воду, а также ледъ, который хранится на берегахъ рѣки Яра (Yar) въ огромныхъ ледникахъ въ продолженіи цѣлаго года, и со всѣмъ этимъ отправляются къ рыболовнымъ судамъ. Пойманная рыба хранится между тѣмъ до прибытія тендеровъ живою въ особыхъ чанахъ съ водою, помѣщенныхъ въ трюмахъ [1]) рыболовныхъ судовъ. Съ приходомъ тендеровъ онѣ сдаютъ прежде всего рыбакамъ привезенную провизію, свѣжую воду и затѣмъ принимаютъ отъ нихъ рыбу, которую считаютъ, укладываютъ въ особыя корзины со льдомъ и отвозятъ рыбнымъ торговцамъ на Биллинггетскій рынокъ (Billingsgate market). Черезъ день или два эта рыба бываетъ уже разослана чуть ли не по всей Англіи. Такимъ образомъ почти каждый день пойманная рыба доставляется на берегъ, а рыбаки, получая свѣжую провизію и воду, безостановочно занимаются своимъ труднымъ и опаснымъ промысломъ. Только по прошествіи шести недѣль или даже двухъ мѣсяцевъ, траулеры возвращаются въ портъ, гдѣ остаются обыкновенно отъ десяти до четырнадцати дней для исправленія всѣхъ поврежденій и просушки сѣтей, а также

---

[1]) *Трюмомъ* называется самая нижняя часть внутренняго судоваго пространства.

освѣженія команды, послѣ чего опять выходятъ въ открытое море. Рыбаки ведутъ чрезвычайно суровую жизнь; они занимаются ловлею рыбы круглый годъ: зима и лѣто не имѣютъ для нихъ рѣшительно никакого различія. Во всѣ четыре времени года можно видѣть далеко отъ береговъ эти отважныя суда, смѣло занимающіяся своимъ тяжелымъ промысломъ, стойко и мужественно встрѣчая всѣ бури и непогоды. Команда ихъ была въ прежнее время въ большомъ пренебреженіи и на нее смотрѣли, какъ на отвергнутый Богомъ классъ людей. И дѣйствительно, привыкнувъ къ постояннымъ опасностямъ, не видя въ продолженіи долгаго времени другихъ людей, занимаясь въ будни и праздники, они забывали Бога, проводили свободное время въ веселыхъ оргіяхъ, нисколько не помышляя благодарить Всевышняго за счастливый ловъ и за безопасное возвращеніе къ роднымъ берегамъ... Но впослѣдствіи мнѣніе объ нихъ измѣнилось къ лучшему, когда среди ихъ появился пылкій миссіонеръ, желавшій во что бы то ни стало обратить своихъ товарищей на путь истины. Онъ съ жаромъ началъ имъ проповѣдывать Слово Божіе, училъ ихъ, занимаясь своимъ дѣломъ, любить и почитать Бога, распространялъ нравоучительныя и религіозныя сочиненія и въ концѣ концовъ достигъ блестящихъ успѣховъ; всѣ ученики его познали Бога и сдѣлались честными и отважными моряками. Въ настоящее время, каждый праздникъ, какъ только соберутся вмѣстѣ нѣсколько рыболовныхъ судовъ, совершается на одномъ изъ нихъ торжественное богослуженіе, поются гимны и читаются проповѣди.

Каждымъ рыболовнымъ флотомъ командуетъ старѣйшій и наиопытнѣйшій изъ рыбаковъ, который носитъ титулъ „адмирала“; онъ всѣми силами заботится о благоденствіи своихъ подчиненныхъ и не упускаетъ случая проповѣдывать имъ Слово Божіе, при чемъ строго запрещаетъ заниматься ловлею въ воскресные дни.

Подходя къ Доггерской банкѣ, мы замѣтили болѣе

ста рыболовныхъ судовъ преспокойно вытаскивавшихъ свои сѣти, несмотря на то, что имъ пришлось наканунѣ испытать довольно свѣжую погоду. Ужъ не знаю, какимъ образомъ продержались они на своихъ мелкихъ судахъ цѣлыя сутки, когда корветъ валяло съ боку на бокъ, какъ малую ладью; что было съ ними въ это время Богъ вѣсть.

Какъ только рыбаки замѣтили наше приближеніе, живо убрали сѣти, поставили паруса и при тихомъ южномъ вѣтрѣ пустились къ намъ на встрѣчу громко крича и показывая издали превосходную рыбу, трепещущую въ рукахъ. Корветъ между тѣмъ уменьшилъ ходъ изъ боязни наскочить на кокое нибудь изъ приближавшихся судовъ, и ждалъ гостей ближе, которые не замедлили окружить корветъ со всѣхъ сторонъ, громко предлагая намъ трепещущій товаръ. Черезъ минуту, по поданнымъ съ корвета концамъ, полѣзли дюжіе и загорѣлые рыбаки. Корветъ между тѣмъ почти совершенно остановился и тихо качался, окруженный множествомъ рыбачьихъ ботовъ. Но вотъ явился старикъ, повидимому адмиралъ флота, въ синей изъ толстаго сукна курткѣ съ мѣдными пуговицами, въ такихъ же брюкахъ, въ длинныхъ сапогахъ, вертя въ рукахъ зюйдъвестку [1]), съ низкими поклонами предложилъ „въ подарокъ дорогому гостю Нѣмецкаго моря" рыбы и такое громадное количество, которое экипажъ корвета не могъ съѣсть въ сутки.

Въ отвѣтъ на дружескій подарокъ, командиръ приказалъ выдать адмиралу рыболовнаго флота ведро рому и нѣсколько фунтовъ табаку, иначе сказать нашей доморощенной махорки, отъ которой, я думаю, не разъ захватило духъ, здоровенныхъ людей не привыкшихъ къ горлодеру.

Получивъ подарки, адмиралъ расклапялся и поже-

---

[1]) Морская изъ непромокаемой матеріи шапка.

лавъ всѣмъ самаго счастливаго плаванія, сошелъ на свой ботъ; черезъ нѣсколько минутъ вся его флотилія, поставивъ паруса, начала медленно и стройно удаляться къ Доггерской банкѣ. Корветъ далъ полный ходъ и быстро пошелъ по направленію къ каналу. Черезъ часъ виднѣлась вдали отъ флота одна только черненькая точка, а мы остались опять совершенно одинокими на гладкой поверхности безграничнаго моря...

Ночью, 21 ноября, корветъ вошелъ въ проливъ Па-де Кале; большая часть офицеровъ высыпала наверхъ взглянуть на два могущественныя государства Европы, отдѣленныя только узкою полосою воды,—государства, то враждующія, то связанныя тѣсною дружбою, то противники, то союзники... Мы мысленно представляли себѣ справа гордый Дувръ, слѣва—не менѣе гордый Кале; двухъ сосѣдей, подающихъ черезъ проливъ другъ другу руки, или бросающихъ во времена вражды и ненависти грозные, вызывающіе взгляды... Ночь была темная ничего нельзя было разобрать кромѣ огромнаго зарева, разливавшагося надъ этими сосѣдями-городами, отъ множества городскихъ фонарей, свѣтъ которыхъ отражался на темномъ небѣ. Картина была эфектная! Мы шли между двумя грозными стражами, которые и ночью не дремали, наблюдая за всѣмъ окружающимъ. Но вотъ уже Дувръ и Кале остались позади, и мѣста ихъ обозначались вдали едва замѣтными заревами; корветъ вошелъ въ каналъ, и такъ какъ по разсчету командира, мы не могли бы на другой день засвѣтло попасть въ Шербургъ, то и шли все время малымъ ходомъ. Утромъ, задулъ свѣжій сѣверо-западный (NW) вѣтеръ, при которомъ чрезвычайно опасно было оставаться въ каналѣ, а надо было обождать нѣсколько часовъ въ небольшой гавани Ньюгэвнъ, лежащей на южной оконечности Англіи, близъ Брайтона. Простоявъ здѣсь всего только нѣсколько часовъ, мы снялись съ якоря и пустились къ Шер-

бургу, лежавшему наискось отъ Ньюгэвна, на противуположномъ берегу Ла-Манша.

Плаваніе по каналу было совершено благополучно; на встрѣчу и тою-же дорогою шло множество судовъ, парусныхъ и паровыхъ, стройныхъ и неуклюжихъ, различной конструкціи и вооруженія, съ разнообразными грузами. Здѣсь легко перегонялъ корветъ быстрый на ходу и стройный клиперъ, нагруженный кофе, пшеницею или другими товарами; тамъ отставалъ отъ насъ грязный и неуклюжій угольщикъ, тяжелый трехмачтовый баркъ или же голландскій пузатый ботъ. И вся эта масса судовъ, перегоняя другъ друга, встрѣчаясь и пересѣкая одинъ другому дорогу, двигалась въ стройномъ порядкѣ, безъ всякой суматохи и криковъ, въ точности зная куда кому поворотить и по какую сторону пройти...

Утромъ, 22 ноября корветъ былъ въ виду Шербурга; вся команда высыпала наверхъ, желая хоть однимъ глазкомъ поглядѣть на новый басурманскій городъ.

— А што эфто, братцы, за городъ будетъ, спрашивалъ Архипъ своихъ товарищей, - новый городъ, точно картонный.

— А кто его знаетъ какой онъ такой, сердито перебилъ его Михайло.

— Славный городъ, неча сказать, продолжалъ Архипъ, да только что-то кабаковъ не видать еще, съ грустью прибавилъ онъ, приподымаясь на цыпочки и во всѣ глаза посматривая на бѣлѣющіе дома Шербурга.

— Эхъ, обалдуй ты эдакой, разсердился старый матросъ Храмцовъ и пьяница; что, разѣ кабаки во хрунтѣ тебя встрѣчать будутъ? сойди на берегъ, да поищи, найдешь ихъ столько, что отъ радостей зубъ не попадетъ и шкаликовъ десятокъ пропустишь.

— А скажи мнѣ на милость, какъ прозвище эфтому городу...

— Шербургъ — хранцузскаго каралевства портъ, замѣчательный, братцы, городъ.

Корветъ между тѣмъ, отсалютовавъ городу и полу-

чивъ отвѣтъ, стоялъ на бочкѣ [1]) въ виду всего города. Въ Шербургѣ предупредительность порта относительно этихъ бочекъ еще большихъ размѣровъ, чѣмъ въ Килѣ. Здѣсь не только поставили ихъ, но даже не требуютъ отклепывать отъ якоря каната, потому что портъ предлагаетъ военнымъ свою чрезвычайно крѣпкую и толстую цѣпь, одинъ конецъ которой крѣпится за бочку, а другой на суднѣ. Такимъ образомъ судно можетъ совершенно безопасно простоять на Шербургскомъ рейдѣ сколько угодно, не смотря на продолжительные и сильные господствующіе вѣтра.

Шербургъ (Cherbourg), важнѣйшій французскій портъ, расположенъ при Ла-Маншѣ, въ сѣверной оконечности небольшаго полуострова, лежащаго между заливомъ Сантъ-Мишель и устьемъ Сены. Входъ на рейдъ чрезвычайно удобенъ, но стоянка на немъ, особенно при сѣверо-восточныхъ (NO) вѣтрахъ, довольно неспокойна и даже опасна, хотя прекрасный брикватеръ (молъ) значительно уменьшаетъ силу вѣтра и волненія, доходившаго здѣсь до необычайныхъ размѣровъ и силы. Такъ напримѣръ въ 1810 году, во время сильной бури отъ NO сброшены были волнами съ мола большія мортиры, вѣсомъ слишкомъ въ 300 пудовъ каждая, причемъ нашли, что удары этихъ волнъ были равномѣрны давленію почти 20 пудовъ на поверхность 1 квадратнаго фута. Сила валовъ по истинѣ изумительная! какова была бы ихъ сила удара на Шербургскомъ рейдѣ, если бы напоръ ихъ значительно не уменьшалъ прекрасно устроенный брикватеръ. Безъ него стоянка здѣсь въ свѣжую погоду была бы немыслима; ни одно судно не простояло бы и полчаса. Въ настоящее время особенно при такой милой предупредительности порта, можно простоять на Шербургскомъ рейдѣ хоть цѣлый мѣсяцъ, не смотря ни на какую погоду.

---

[1]) На Шербургскомъ рейдѣ, такъ же какъ и на Кильскомъ, военныя суда становятся не на якорь, а на одну изъ бочекъ, расположенныхъ по рейду на мертвыхъ якоряхъ.

Шербургъ.

Портъ обладаетъ превосходными средствами для исправленія всевозможныхъ поврежденій. Различнаго рода мастерскія адмиралтейства,—отлично устроенныя и замѣчательныя своимъ производствомъ работъ, пароходные и другіе заводы.

Самый городъ, очень похожій на картонный, какъ выразился одинъ матросикъ, расположенъ вдоль самаго берега. Дома въ немъ узенькіе, высокіе, съ крутыми крышами; но между ними замѣтно достаточное число зданій современной, европейской архитектуры. Городъ чистый, не уступаетъ въ этомъ отношеніи нѣмецкимъ городамъ. Особенныхъ или чѣмъ нибудь замѣчательныхъ зданій нѣтъ, кромѣ адмиралтейства.

Собралась было кампанія устроить поѣздку въ Парижъ, но финансовая часть не позволила. Такимъ образомъ поѣздку отложили до будущихъ неопредѣленныхъ временъ, рѣшивъ вмѣсто Парижа посѣтить Лондонъ, а если не удастся побывать въ Лондонѣ, то ужъ непремѣнно побывать въ Парижѣ на обратномъ пути. Всѣ къ тому времени думали сдѣлаться богачами; мнѣніе многихъ таково, что трудно офицеру, идущему въ заграничное плаваніе скопить лишнюю копейку, когда на каждомъ шагу одно развлеченіе слѣдуетъ за другимъ, на которыя бросаются съ особеннымъ удовольствіемъ послѣ продолжительнаго поста въ морѣ; когда одна вещица за другою убѣдительно просятся перейти изъ изящныхъ иностранныхъ магазиновъ въ уютныя и тѣсныя каюты для слѣдованія въ Россію, а на заграничное жалованье много не раскутишься: еле, еле сведешь концы съ концами, и благодареніе небу, если не вернешься на родину еще въ долгу какъ въ шелку. Мало того, нужно въ заграничныхъ городахъ ходить джентельменами, чтобы не ударить лицомъ въ грязь: нужно часть жалованья класть на починку, на пополненіе бѣлья и одежды, которыя портятся въ морѣ.

Одно развѣ развлеченіе съѣхать на берегъ съ матро-

сами смотрѣть, какъ русскій людъ гуляетъ весело, а если не весело, то не однообразно.

Въ воскресный день, работъ на корветѣ нѣтъ; команда свободна и можетъ гулять. Послѣ краткой литургіи и сытнаго обѣда, капитанъ приказалъ спустить первую вахту на берегъ „освѣжиться".

Весело залились унтеръ-офицерскія дудки, сопровождаемыя радостнымъ крикомъ:

— Первой вахтѣ изготовиться на берегъ! Чище одѣться!!

Все въ палубѣ преобразилось, поднялся веселый говоръ, смѣхъ, и матросики первой вахты, бросивъ всѣ работы, начали доставать свои чемоданчики и выбирать изъ нихъ нужныя вещи. Въ палубѣ не было никакой возможности пройти; всюду разложены были вещи; бѣлье, чемоданы, всюду стояли и сидѣли съ радостными лицами брились. Всѣ рады съѣхать на берегъ, прокачавшись на корветѣ нѣсколько недѣль.

Матросы второй вахты угрюмо посматривали на веселыя приготовленія товарищей.

Въ одномъ углу палубы сидѣлъ матросикъ и глубокомысленно что-то разсчитывалъ. На развернутой ладонѣ его лежало четыре монеты.

— Одинъ франковикъ пропью, бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, отодвигая одну монету къ концамъ пальцевъ. На другое развѣ бѣлье отдать басурманкамъ помыть?.. (задумался). Нашто?! Бѣлье-то я и самъ какъ нибуль вымою, на этотъ франковикъ не купить ли табаку заморскаго, аль женѣ игрушку какую?.. (опять задумался). Нѣту, даромъ баловать бабу не стану, а будетъ хороша, такъ и на обратномъ пути куплю; а табакъ казенный даютъ, по эфтому самому значитъ, и этотъ франковикъ въ кабакъ понесу, рѣшительно добавилъ матросикъ, укладывая всѣ монеты въ кошель и принимаясь за прерванное одѣванье.

Немного подальше, молодой корветскій писарь, одѣтый фертомъ, въ накрахмаленномъ воротничкѣ и узень-

комъ галстукѣ, разсказывалъ почтительно собравшимся вокругъ него, рекрутамъ объ удовольствіяхъ береговой прогулки.

— Вы-съ, господа, не имѣйте сумлѣнія къ моимъ разсказамъ: самъ не разъ бывалъ, да и товарищи бывали, такъ они разсказывали. Что есть скажу вамъ одну сущую правду.

Съѣдешь это на берегъ, почотъ такой, бѣда, всѣ на тебя смотрятъ, ну и ты разумѣется на всѣхъ глаза свои таращишь. Не то, что въ Рассеѣ, какъ вы говорите, обратился онъ къ двумъ рекрутамъ, стоящимъ поближе къ нему, не то, что въ Россійской Имперіи, гдѣ всякъ норовитъ солдата съ панели спихнуть! Да-съ, совсѣмъ не то!....

Надоѣло гулять, потому больше молчишь, сейчасъ въ театръ представленіе смотрѣть или въ кондитерскую какую зайдешь выпить или закусить. Нельзя-же физономіей въ грязь ударить, угостишь на славу; самъ напьешься, а тамъ тащите братцы на шлюбку....

Чрезъ нѣсколько времени первая вахта была совершенно готова и въ сборѣ. Нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ узелки, кто съ грязнымъ бѣльемъ, или чѣмъ другимъ; у двухъ или трехъ красовались подъ мышками раскрашенныя гармоники — постоянные спутники русскаго мужика; но большинство матросовъ были на легкѣ.

Осмотрѣвъ ѣдущихъ на берегъ, старшій офицеръ приказалъ садиться въ шлюбку; весело побѣжали матросики по трапу и загрузили барказъ [1]).

Но вотъ подошелъ барказъ къ пристани; быстро повыскакали изъ него матросы и мигомъ раздѣлились на партіи.

— Эй, молодцы, вы куда? кричитъ одна партія другой.

---

[1]) Барказомъ называется самая большая судовая шлюбка; она бываетъ прочной постройки съ транцемъ (поперечная доска въ кормѣ) и полными обводами, потому что служитъ преимущественно грузовою шлюпкою.

— Мы разумѣетца въ кабакъ; гдѣ бы только поближе къ пристани найтить, чтобы легче до шлюбки дополсти.

— Ну, а мы сперва городъ посмотримъ, кричатъ изъ третьей партіи, состоящей, какъ видно, изъ болѣе нравственныхъ и мало пьющихъ матросовъ.

— Маршъ съ Богомъ, крикнулъ боцманъ, къ девяти часамъ быть на пристани, да смотри, много не пить, а то какъ разъ въ карцеръ угодите!

— Слушаемъ, отвѣтили матросики, и живо разбрелись въ разныя стороны.

Вдругъ отъ партіи, рѣшившейся провести весь день въ кабакѣ, отдѣлился старый матросъ Храмцовъ и началъ догонять болѣе нравственную партію, отправившуюся на осмотръ города.

— Волковъ, Волковъ!! кричитъ Храмцовъ во все горло.

— Чаво? спрашиваетъ Волковъ, немного отставая отъ своей партіи.

— Ты, значитъ, таперича по городу гулять пойдешь?

— Разумѣетца.

— А значитъ опосля и въ лавки зайдешь?

— Зайдемъ, а што?

Купи, братецъ, ты мнѣ галстухъ какой, аль платочекъ....

— Отчаво не купить, давай деньги....

— Да вѣдь ты по городу пойдешь гулять? приставалъ Храмцовъ.

— По городу!

— А тамъ, значитъ, и въ лавку зайдете?

— Ну, зайдемъ!

А я, Гриша, въ кабакъ, значитъ, напьюсь, такъ сдѣлай водолженье, купи галстухъ на свои деньги, а я опосля тебѣ отдамъ, убѣдительно проситъ Храмцовъ своего товарища.

— Ну, ладно, куплю!

— Вотъ, спасибо, братецъ, а я въ кабакъ, значитъ,

напьюсь сегодня, весело проговорилъ Храмцовъ, и бросился догонять свою партію.

Уже вечеромъ, послѣ продолжительной прогулки по городу, зашелъ я въ небольшой общественный садъ и сѣлъ на скамейку. Вдругъ слышу за собой шепотъ, который привлекъ мое вниманіе на скамейку, стоящую позади кустовъ акаціи. Я приподнялся и увидѣлъ двухъ корветскихъ матросиковъ, немного на-веселѣ, разлегшихся на ней для отдохновенія. Я началъ слѣдить, что будетъ дальше. Сначала лежали они спокойно.

— Вдругъ одинъ изъ нихъ встрепенулся и немного приподнялся.

— Плишкинъ! крикнулъ встревоженный матросикъ.

— Чаво?

— Баринъ, его благородіе, идетъ, гляди!

— Дѣйствительно, по аллеѣ шелъ какой-то господинъ.

— Пущай его идетъ, храбрится Плишкинъ засыпая.

— Къ намъ идетъ, испуганно говоритъ его товарищъ; приподнимаясь со скамейки.

— А пущай хоть къ намъ! не съѣстъ.

— Можа садъ чужой, а мы пьяные, забрались да на скамейку еще разлеглись. Убѣгнемъ лучше, увѣщевалъ Плишкина уже совершенно встревожанный матросикъ.

— На што?!

— А прибьетъ, въ шею навалитъ, чтобы свинымъ рыломъ въ чужой садъ не лѣзли.

— Ой-ли, крикнулъ Плишкинъ, вскочивъ и протирая глаза.—Да эфто линостранецъ русскаго человѣка ни-ни.... прибавляетъ онъ успокоившись.

— Да и взаправду, соглашается съ нимъ его товарищъ, ну а можа эфто анаралъ, такъ въ губвахту посадитъ, говоритъ онъ со страхомъ.

— Коли анаралъ, такъ убѣгнемъ, струсилъ Плишкинъ, быстро приподнимаясь со скамейки и улепетывая во всѣ лопатки. Товарищъ его отъ него не отстаетъ и

бѣжитъ, на каждомъ шагу спотыкаясь и чуть не падая. Иностранецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и улыбнувшись пошелъ дальше....

Было уже половина девятаго, а потому я поспѣшилъ къ шлюбкѣ—собрать матросиковъ и отправиться на корветъ.

По улицамъ брели, стягиваясь къ одному мѣсту—къ пристани, матросики, кто только навеселѣ, кто подкутивши, а кто и напившись до положенія ризъ.

Вижу, ведутъ два рекрута корветскаго писаря, выпачканнаго, въ смятомъ воротничкѣ, фуражкѣ на затылкѣ. Писарь едва идетъ, поддерживаемый съ боковъ человѣколюбивыми матросиками.

— За что, Ермолай Петрычъ, спрашивалъ одинъ изъ рекрутовъ, вы въ кабакѣ хранцузскихъ матросиковъ выругали? Видь они вамъ ничаво худова не сдѣлали, окромя разѣ что-то спросили.

— Такъ и должно-съ, бормочетъ подгулявшій писарь, потому, какъ ихъ слова ничего болѣе, какъ однѣ-съ только глупости-съ.

— Да зачѣмъ-же вы, Ермолай Петрычъ, такъ долго съ ними грызлись? Выругали разъ, да и шабашъ, а то они васъ—вы ихъ, они васъ—вы ихъ и пошло писать, а кажись ничаво другъ друга не понимали. Не хорошо, Ермолай Петрычъ; мы-съ вотъ съ нимъ смотрѣли, такъ просто совѣстно за васъ стало.

Посслушьте... чѣмъ же я тутъ виноватъ-съ, защищался Ермолай Петрычъ, вѣдь тутъ ни чего болѣе, какъ одна только игра словъ-съ была-съ.

— Что за игра, просто грызлись!...

- Посслушшьте... ну чѣмъ-же я-съ... я-съ чѣмъ-же тутъ виноватъ-съ?..

Позади слышится гармоника, заливающаяся на всю улицу. Идутъ, покачиваясь, трое матросиковъ: одинъ впереди, выдѣлывая ногами удивительныя па, лихо наигрываетъ; остальные два, братски обнявшись, съ заломленными фуражками, пошатываясь съ одной стороны на

другую, слѣдуютъ по пятамъ своего веселаго товарища. Публика смотритъ и дивуется руссому люду.

— Вези меня—ноги нейдутъ!... проситъ Ѳомка.

— Што-жъ, садись!..

Ѳомка наваливается играющему на спину; тотъ приподымаетъ его и тащитъ.

— Вотъ кіатра приставленье!! кричитъ между тѣмъ оставленный товарищъ Ѳомки.

Гармоника опять залилась на всю улицу; музыкантъ, не тяготясь нисколько своею ношею, весело во все горло напѣваетъ:

Ведутъ Ѳомку у походъ,
Ѳомка плачетъ,—не идетъ...
Воцъ ка-а-лина, воцъ ма-а-лина!!!...

И хотѣлъ музыкантъ при припѣвѣ, забывъ объ своей ношѣ, отхватить трепака, но при первомъ же колѣнѣ полетѣлъ въ грязь: онъ въ одну сторону, Ѳомка съ ругательствомъ въ другую.

Прохожіе съ удивленіемъ и со смѣхомъ смотрѣли на эту живописную, достойную кисти художника, группу; матросики, свидѣтели этой сцены, хохотали до упаду, упершись кулаками въ бока; но это ни сколько не смутило нашихъ героевъ, и Ѳомка опять навалился на музыканта, который потащилъ его къ пристани.

Тутъ былъ настоящій садомъ и гоморъ: шумъ, крикъ, пѣсни и ругательства оглашали воздухъ, слышались даже звонкія пощечины; однимъ словомъ русская натура развернулась!

Насилу успѣлъ я привести въ должный порядокъ, насилу нагрузилъ барказъ пьяными или только подвыпившими матросами и отправился наконецъ къ корвету съ пѣснями и музыкою.

Михайла съ Архипомъ сидятъ рядомъ: одинъ гребетъ, другой свѣсившись за бортъ, полощется.

— Мотри, Архипка, не балуй, уговариваетъ Михайло своего товарища и друга закадычнаго, а то въ воду упадешь, да втопешь!...

— Не ври, другъ сердешный, бормоталъ Архипка, продолжая полоскаться, не втону... Сдѣлай водолженье, скажи: мы казенные, али нѣтъ?...

— Знамо дѣло казенные...

— Ну-съ, а знаешь ты, что старые матросы баютъ, что все казенное въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ, ну, значитъ, и я отъ эфтого самаго въ сохранности нахожусь!

— Врешь, Архипка, перебилъ его Михайло, что казенное въ водѣ не тонетъ! Оно не только что въ водѣ тонетъ, такъ даже въ карманахъ тонетъ... Вонъ ономнясь подшхиперъ нашъ сорокъ ленточекъ казенныхъ продалъ и деньги въ свой карманъ положилъ, вотъ тебѣ и не тонетъ...

Барказъ подошелъ къ борту и тѣмъ прервалъ начатую рѣчь Михайлы; всѣ повылѣзли на палубу и стали во фронтъ; старшій офицеръ вышелъ на верхъ, осмотрѣлъ всѣ ли явились въ должномъ видѣ, т. е. не сильно пьяными, и велѣлъ ложиться спать. Тихо разбрелись матросики за койками; другіе ушли въ палубу разсказывать своимъ товарищамъ, не бывшимъ на берегу про все виданное.

Окончивъ пріемку провизіи и исправленіе катера [1]), корветъ 14 декабря, вечеромъ, оставилъ Шербургъ и направился черезъ каналъ къ англійскимъ берегамъ. Всю ночь шли мы черезъ бурный Ла-Маншъ и только къ утру слѣдующаго дня подошли къ Плимуту, военному порту, расположенному на южной сторонѣ Корнвалиса. 15 декабря, корветъ бросилъ якорь на Плимутскомъ рейдѣ, на которомъ мы застали болѣе ста купеческихъ судовъ, укрывшихся отъ дувшихъ сильныхъ юго-западныхъ (SW) вѣтровъ и до сихъ поръ выжидавшихъ здѣсь лучшей погоды, чтобъ выйти изъ канала. Кромѣ коммерческихъ судовъ стояли на Плимутскомъ

---

[1]) Катеромъ называется шлюпка съ болѣе острыми обводами и вообще болѣе легкой постройки, чѣмъ барказъ.

рейдѣ три англійскіе деревянные фрегата, принадлежащіе летучей эскадрѣ контръ-адмирала Кемпбля...

Плимутъ, главнѣйшій англійскій портъ при Ла-Маншѣ, расположенъ по берегу небольшой, почти совершенно открытой бухты. Дома его сливаются съ домами небольшаго города Девэнпорта, извѣстнаго своими доками и верфями. Близкимъ сосѣдствомъ своимъ эти города напоминаютъ о двухъ близнецахъ-городахъ: Альтонѣ и Гамбургѣ. Въ Плимутѣ, какъ и въ Шербургѣ, достойны особеннаго вниманія превосходныя мастерскія адмиралтейства, въ которыхъ паръ примѣненъ на всякого рода работы! Войдя въ эти мастерскія, вы удивитесь ихъ безлюдности, между тѣмъ какъ въ нихъ царствуетъ необыкновенная дѣятельность: здѣсь огромныя машины вьютъ превосходные канаты, обдѣлываютъ и строгаютъ доски; тамъ тяжелые паровые молоты съ шумомъ падаютъ на огромные, раскаленные до-бѣла куски желѣза, разбрасывая отъ нихъ во всѣ стороны яркія искры; повсюду протянуты широкіе ремни, которые съ необыкновенною быстротою движутся по всѣмъ направленіямъ, передавая движеніе главнаго, такъ называемаго центральнаго механизма множеству второстепенныхъ машинъ. Отъ одной мастерской къ другой носятся по гладко-убитой мостовой вновь изобрѣтенные локомотивы, таща за собою вереницу вагоновъ, нагруженныхъ деревомъ, желѣзомъ, мѣдью, досками и т. п. матерьялами. Однимъ словомъ, въ плимутскихъ мастерскихъ видна необыкновенная дѣятельность, кипитъ споркая работа, доказывающая какъ дорожатъ англичане временемъ....

При осмотрѣ Плимутскаго порта, нельзя было не обратить вниманія на одну особенность, которая въ нашихъ портахъ до сихъ поръ къ несчастью не имѣетъ еще мѣста: всѣ старыя суда не годныя для плаванія, не стоятъ праздно въ гавани и не гніютъ напрасно (какъ у насъ въ Кронштадтѣ), но исполняютъ особаго рода службу и приносятъ правительству посильную пользу.

Такимъ образомъ одни суда обращены въ блокшивы [1]), на другихъ устроены краны [2]), третьи исполняютъ другой родъ, можно сказать береговой службы.

Первое время стоянки въ Плимутѣ прошло довольно весело: достаточно было развлеченій на берегу, не мало и на суднѣ, гдѣ кромѣ обѣдовъ, даваемыхъ въ отвѣтъ на веселые балы, устроенные въ честь нашего прибытія, можно было вдоволь налюбоваться матросскими выходками, характеризующими обращеніе русскаго человѣка съ иностранцами.

Однажды я былъ назначенъ наблюдать за погрузкою на корветъ угля и совершенно случайно сдѣлался свидѣтелемъ одной интересной сценки, окончившейся впрочемъ довольно трагично.

У борта стояли двѣ шлюбки: на одной изъ нихъ возсѣдалъ матросикъ, на другой—англичанинъ—продавецъ съ разными съѣстными припасами, и вели они между собою весьма оживленную бесѣду. Я сталъ прислушиваться. Матросикъ бѣгло, чрезвычайно ловко коверкалъ русскія слова, прибавляя къ нимъ нѣмецкія, англійскія и слова другихъ извѣстныхъ ему языковъ; англичанинъ глубокомысленно, со свойственнымъ ему хладнокровіемъ и ровнодушіемъ, кивалъ головою и произносилъ постоянное протяжное „yes“; а когда матросъ усталъ по пусту болтать и замолкъ, то онъ началъ быстро, глотая окончанія и даже цѣлыя слова, что-то говорить. Матросикъ быстро закивалъ головою.

— Та, та, та, та, мой твой понимайтъ, карошо, карошо, болтаетъ онъ въ отвѣтъ, только не лай, какъ собака, потише, потише... нихъ шнель; ввертываетъ наконецъ матросикъ нѣмецкое слово, видя, что англичанинъ не понимаетъ его и все таки продолжаетъ что-то разсказывать.

---

[1]) Блокшивомъ называется развооруженное судно, предназначенное для особой службы, какъ-то: лазарета, временнаго помѣщенія команды исправляющагося судна и т. д.

[2]) Краномъ называется особое сооруженіе, предназначенное для подъема тяжестей.

— Да говорятъ тебѣ, не лай, какъ собака, разсердился матросикъ, видя что англичанинъ не хочетъ его слушать, дай слово и мнѣ вымолвить, нужно по очереди; а то другъ друга не поймемъ, какъ заголдимъ вмѣстѣ. Да замолчи же, мопсъ поганый, вскрикиваетъ онъ, уже совершенно вышедшій изъ терпѣнія, быстро вскакивая и показывая англичанину кулаки.

Англичанинъ замолкъ и съ удивленіемъ смотритъ на матросика и на поднятые кулаки.

— Вишь, каналья, ворчитъ матросъ, коверкаю слова— не понимаетъ, по басурмански говорю—тожъ не понимаетъ, а какъ сказалъ по русски, да кулакъ вдобавокъ показалъ, — вѣдь замолчалъ, понялъ значитъ. Право, потѣшный-эфтотъ гличанскій народъ: безъ палтаминъ ничего не понимаетъ!

И началъ онъ опять болтать съ англичаниномъ, но теперь уже оба размахивали руками, чмокали губами и дѣлали различныя тѣлодвиженія, однимъ словомъ говорили „съ палтаминою", какъ выразился матросикъ, при чемъ вели весь разговоръ по очереди: одинъ замолчитъ—другой начинаетъ болтать и одинъ другаго не перебиваетъ. Матросъ самодовольно ухмыляется и, весело потирая себѣ руки, шепчетъ:

— Вѣдь понимаетъ каналья, да и я тожъ маненько начинаю мараковать... вишь выпить предлагаетъ...

— Выпьемъ, любезный, выпьемъ, уже громко и самодовольно прибавляетъ онъ, увидя, что англичанинъ вытащилъ изъ кармана фляжку и, хлопая по ней рукою, пантаминой приглашалъ матросика выпить. Матросикъ подсѣлъ поближе, выпилъ, и пошла у нихъ бесѣда еще оживленнѣе и радостнѣе, прерываемая только обоюдными прикладываніями къ живительной фляжкѣ. Черезъ короткое время матросикъ напился ужъ до того, что полѣзъ къ англичанину, по русскому обычаю цаловаться, который не привыкши къ такимъ нѣжностямъ, тихонько отстранялъ отъ себя подгулявшаго собесѣдника; но замѣчая его назойливость, разсердился и от-

пихнулъ его такъ, что тотъ отлетѣлъ въ другой конецъ своей шлюбки.

— Ахъ, басурманская твоя образина, нехристь ты, загалдѣлъ разсвирѣпѣвшій матросикъ, хватая весло, „развѣ дано тебѣ право, карманникъ ты эфтакой, православнаго матроса толкать?! Вотъ тебѣ за эфто самое, вотъ тебѣ! и посыпались на бѣднаго англичанина удары весломъ, да такъ быстро, что тотъ, желая избавиться отъ нежданнаго сюрприза, обрѣзалъ со страху свой фалинь [1]) и съ громкими ругательствами отскочилъ отъ корвета, какъ ошпаренный. Но матросикъ, этимъ не довольствуясь, брызгалъ въ англичанина водою и ругалъ его.

— Что за шумъ у борта? Молчать!! крикнулъ вахтенный начальникъ, услыша громкую ругань расходившагося матроса. Храмцовъ! это ты тамъ горланишь, маршъ на бакъ [2]).

— Я, ваше благородіе, только... началъ было оправдываться Храмцовъ, но громкое „Молчать!!“ мгновенно прервало его рѣчь и онъ, понуря голову отправился на бакъ „курить табакъ“, какъ подшучивали надъ нимъ его товарищи.

На другой день увидѣлъ я Храмцова за работою хмураго, чѣмъ-то недовольнаго.

— Что, спрашиваю, обидѣлъ тебя англичанинъ?

— Точно такъ, ваше благородіе, отвѣчаетъ, нанесъ кровную обиду; за эфто самое, какъ съѣду на берегъ, всенепремѣннѣйше еще поколочу его, а не найду, такъ другимъ гличанамъ ребра перещупаю! Пусть басурмане знаютъ, что русскій матросъ обиду на плечахъ не носитъ...

---

[1]) Фалинемъ называется достаточной длины веревка, постоянно ввязанная въ носовой или кормовой рымъ шлюбки и служащая для ея привязыванія.

[2]) Бакомъ наз. пространство верхней палубы передъ фокъ-мачтою; здѣсь стоитъ кадка съ водою и фитиль; эта часть палубы служитъ мѣстомъ куренья матросовъ. Сюда же посылаютъ сидѣть на нѣсколько часовъ, не смотря на погоду, легко провинившихся матросовъ.

— Ну, а если тебя поколотятъ, говорю я ему, лучше ужъ не связывайся, а то какъ разъ старшій офицеръ на берегъ не пуститъ.

— Что мнѣ на берегъ, лучше не поѣду, а ужъ побью гличанина.

— Зачѣмъ, спрашиваю, коверкалъ ты слова, когда говорилъ съ англичаниномъ, вѣдь онъ все равно тебя не понималъ.

— Какъ не понималъ, долженъ понимать, отвѣчаетъ Храмцовъ, вишь, ваше благородіе, у насъ въ Россеѣ всѣ нѣмцы слова наши такъ коверкаютъ, ну значитъ долженъ понимать....

— А скажи, пожалуйста, съ чего подрался ты съ англичаниномъ.

— Характерами не сошлись, ваше благородіе, отрѣзалъ Храмцовъ, снова принимаясь за прерванную работу.

И дѣйствительно, русскій матросъ съ англійскимъ характерами не сходятся, и, при первой встрѣчѣ, что было уже много разъ замѣчено, непремѣнно подерутся.

Черезъ нѣсколько дней, команда была спущена на берегъ; Храмцовъ тоже. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія. Въ 9 часовъ вечера команда возвратилась и стала во фронтъ; я ищу глазами Храмцова и вижу его едва стоящаго на ногахъ съ синяками подъ глазами и съ шишкой на лбу; по обѣ стороны его стояли два матросика и помогали ему удерживать равновѣсіе тѣла. Боцманъ началъ считать всѣ ли на лицо и, проходя мимо Храмцова, внезапно остановился и увидѣлъ изувѣченнаго и израненнаго воина.

— Что, Храмцовъ, опять пьянъ, опять избитъ, заговорилъ боцманъ, жалобно чмокая губами, нечего дѣлать, скажу старшему офицеру...

— Басурмане одолѣли, Карла Иванычъ, бормоталъ Храмцовъ, стараясь придать своей особѣ бодрую осанку, хотѣлось было смыть кровную обиду, анъ смотришь самому шею накостыляли, да фонари для пущаго шику

подставили. Былъ бы гличанинъ одинъ, то я бы его... а то ихъ трое, вражьи сыновья...

Но боцманъ, не слушая окончанія его разсказа, пошелъ дальше считать и тыкать въ грудь пальцемъ каждаго матроса.

На слѣдующій день вышло рѣшеніе старшаго офицера не спускать Храмцова на берегъ двѣ очереди...

Такъ окончилась неудачная его попытка смыть съ себя кровную обиду, и долго надъ нимъ трунили матросики, и успокоились только тогда, когда лиловый цвѣтъ фонарей подъ глазами Храмцова перешелъ въ желтоватый...

ГЛАВА VI.

Выходъ изъ Плимута.—Атлантическій океанъ.—Штормъ со шквалами и градомъ.—Огни Св. Эльма.—Возвращеніе въ Плимутъ.—Поѣздка въ Лондонъ.

До 22 декабря стоянка въ Плимутѣ прошла довольно разнообразно: съѣзжали на берегъ, принимали гостей, желавшихъ осмотрѣть нашъ корветъ, любовались гонками легкихъ и красивыхъ яхтъ, летающихъ по рейду, большею частью подъ управленіемъ прекрасныхъ лэди, которыя съ раскраснѣвшимися щечками и блестящими глазками зорко слѣдили другъ за другомъ и маленькою ручкою ловко управляли граціозными и стройными, какъ онѣ сами, судами... Но съ 22 декабря наступили несносные и скучные дни, сдѣлавшіе стоянку въ Плимутѣ невыносимою; время шло какъ-то тихо и однообразно; задулъ свѣжій юго-западный (SW) вѣтеръ и прекратилъ съ берегомъ всякое сообщеніе; огромные валы ходили по рейду, вкатываясь со стороны океана. Только смѣльчаки, рискующіе всѣмъ, лучше сказать, рыцари безъ страха и упрека, могли бы рѣшиться, ради своего удовольствія, на переправу съ корвета на берегъ;

но откровенно сказать, командиръ и старшій офицеръ были настолько любезны и предупредительны, что не давали таковымъ шлюбки изъ опасенія, чтобы они не отправились на дно рейда ловить морскихъ раковъ. Такимъ образомъ простояли въ виду берега, не ступая на него ногою до 3-го января; встрѣтили Рождество и Новый годъ на корветѣ, не имѣя даже свѣжихъ припасовъ, чтобы достойно справить эти два торжественные и знаменательные дня. Пришлось въ виду берега приняться за солонину, сухари и консервы!...

Большое число купеческихъ судовъ, пережидавшихъ вмѣстѣ съ нами свѣжую погоду, дѣлали стоянку на рейдѣ очень неспокойною и отчасти опасною. Не проходило дня или ночи, чтобы не сдрейфовало какого-нибудь купца и не навалило на корветъ; на корветѣ поднималась бѣготня; съ купца сыпалась энергичная брань на англійскомъ, голландскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ разнородныхъ языкахъ, но въ то же время обѣ стороны дѣятельно принимали всѣ мѣры противъ столкновенія. Кончалось все это обыкновенно тѣмъ, что поругаются, побѣсятся, покричатъ и все-таки разойдутся, не причинивъ другъ другу никакихъ поврежденій. И это продолжалось ни день, ни два, а цѣлыя полторы недѣли! Скука на корветѣ была томительная; выйдешь развѣ посмотрѣть на прибой волнъ, подбрасываемыхъ у берега на огромную высоту; или какъ отважный лоцманскій ботъ, ныряя въ волнахъ, летѣлъ къ выходу въ море на встрѣчу подходившимъ судамъ; полюбуешься развѣ, какъ два купца навалятъ другъ на друга, сцѣпятся, пожмутъ другъ другу бока при невообразимомъ гамѣ и бѣготнѣ, и какъ наконецъ разцѣпятся при громкихъ ругательствахъ... и тѣмъ кончались всѣ развлеченія. Съ нетерпѣніемъ мы ждали дня, когда наконецъ снимемся съ якоря и пойдемъ дальше! Лучше въ море, чѣмъ стоять у берега, который только дразнитъ, манитъ къ себѣ; лучше ѣсть солонину, сухари и консервы далеко отъ береговъ, чѣмъ чувствовать, что нельзя

добыть свѣжей провизіи, ѣсть эту дрянь въ виду берега, со свѣжимъ мясомъ, зеленью и тому подобными соблазнительными видѣніями. Однимъ словомъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, мы испытывали муку Тантала; видитъ око, а зубъ неймѣтъ!..

Наконецъ, 3-го января, вѣтеръ нѣсколько стихъ, барометръ поднялся, и корветъ, окончивъ съ берегомъ всякіе счеты, снялся съ якоря, хотя наканунѣ прислано было съ Гринвической обсерваторіи предупрежденіе, чтобы ни одно судно не уходило въ море, такъ какъ предвидѣлся въ скоромъ времени штормъ. Но мы добраго предупрежденія не послушались и, вопреки всякимъ предсказаніямъ, снялись съ якоря и пустились въ дальнѣйшій путь, за что жестоко и поплатились.

Быстро отдалялся корветъ отъ береговъ, засвѣтло прошелъ мысъ Лизардъ (самая южная оконечность полуострова Корнвалиса) и продолжалъ свой путь подъ парами до утра 5-го января. Корветъ вступилъ подъ паруса, и съ этого момента начались для всего экипажа дни тревоги, волненія и безпокойства.

Въ ночь на 6 команда въ первый разъ была встревожена и вызвана на верхъ; всѣ, кромѣ вахтенныхъ, спали крѣпкимъ сномъ, убаюкиваемые легкою и плавною качкою, какъ вдругъ въ 3 часа ночи, раздалась на верху бѣготня, поднялся шумъ, хлопанье парусовъ и снастей, слышался свистъ и завыванье свѣжѣющаго вѣтра; корветъ поддавало и бросало какъ щепку; онъ стоналъ и скрипѣлъ во всѣхъ своихъ скрѣпленіяхъ и частяхъ. Прошло нѣсколько минутъ и въ люки [1]) раздались зычные голоса вахтенныхъ унтеръ-офицеровъ:

— Пошелъ всѣ на верхъ парусовъ убавлять!!.. Лѣ-

---

[1]) Люками называются отверстія въ палубахъ, служащія для схода внизъ (сходные люки), или освѣщенія палубъ (свѣтлые люки), такъ равно и прикрывающія ихъ стеклянныя рамы (свѣтлые люки) или глухія ставни (глухіе люки), употребляющіеся во время бурной погоды, чтобы попавшая на палубу вода не проникла внутрь судна (въ палубу). Въ настоящемъ случаѣ нужно подразумѣвать подъ люками отверстія, служащія для схода внизъ и освѣщенія палубы.

ниво поднялись матросики съ теплыхъ коекъ, послышалось въ палубѣ вздыханье, оханье....

— Ишь его какъ заигралъ, испуганно говоритъ одинъ матросикъ, поднимаясь съ койки и прислушиваясь къ свисту расходившагося вѣтра, подикась стонетъ онъ, точно мертвецы на погостѣ... Охъ, Господи, Силы Небесныя!..

— Братцы, не бралъ ли хто мово бушлата, слышится въ палубѣ жалобное восклицаніе, вотъ посичасъ висѣлъ тута, а таперича минулъ съ глазъ, какъ есть въ воду канулъ.... Отдайте, братцы, не вотчемъ на верхъ вытти!...

— Какой я, братецъ, сонъ страшнѣющій видѣлъ, говоритъ одинъ матросикъ своему сосѣду, бѣда! Пошелъ эфто я въ лѣсъ, вдругъ на встрѣчу ведьмѣдь, шацъ на меня и началъ ломать, просыпаюсь, а эфто палубный унтеръ [1]) въ бока тычетъ и будитъ, значитъ, наверхъ итти...

— Живѣй маршъ наверхъ! кричитъ палубный, бѣгая отъ одной койки къ другой и вываливая изъ нихъ сильно заспавшихся матросовъ.

Торопятся всѣ поскорѣй одѣться, отдѣлаться отъ работъ, да опять прикурнуть на охладѣвшей койкѣ; а наверху между тѣмъ погода разгулялась, вѣтеръ свирѣпо хлопалъ парусами и неистово трясъ снасти...

Выбѣжали матросики наверхъ и пошла работа, борьба людей съ разсвирѣпѣвшею стихіею; живо закрѣпили форъ-марсель [2]) и крюйсель [3]) еще живѣе убрали фокъ [4]) и гротъ [5]) и поставили триселя [6]). Отважно и смѣло

---

[1]) Палубнымъ унтеръ-офицеромъ называется унтеръ-офицеръ, наблюдающій за чистотою и порядкомъ въ жилой палубѣ.

[2]) Форъ-марсель—парусъ, помѣщаемый между нижнею реею фокъ-мачты (фокарея) и среднею (форъ-марса-рея).

[3]) Крюйсель—парусъ, помѣщаемый между нижнею реею бизань-мачты (бегинъ-рея) и среднею (крюйсель-рея).

[4]) и [5]) Фокъ и гротъ—самые нижніе и самые большіе паруса: первый у фокъ-мачты, второй—у гротъ-мачты. Они ставятся ниже марселей.

[6]) Триселя косые паруса; они ставятся позади фокъ и гротъ-мачты и вдоль нихъ. Парусъ же, находящійся позади бизань-мачты, называется бизанью.

работали матросики, вися на нокахъ [1]) и качаясь надъ темнымъ разбушевавшимся океаномъ; волны вздымались подобно громаднымъ горамъ и играли корветомъ какъ мячикомъ. Справились матросы со своею работою, убрались и съ радостными лицами побѣжали внизъ согрѣвать охладѣвшія свои койки. Наверху остались одни только вахтенные; корветъ вздымался на волны и стремительно падалъ въ зіяющую и хладную пропасть; его бросало съ боку на бокъ съ сильными розмахами, при чемъ по всему тѣлу пробѣгала какая-то нервная дрожь. Корветъ содрогался во всѣхъ своихъ частяхъ, стоналъ, скрипѣлъ и ходилъ...

Къ утру вѣтеръ усилился и принудилъ даже взять рифы у триселей; но, не смотря на постоянно свѣжѣющую погоду, до 7-го января все прошло благополучно: корветъ легко вздымался на волны, держался превосходно, хотя иногда громадные валы съ ужасною силою били въ подзоръ [2]) и винтовой колодезь [3]), отъ чего корветъ содрогался во всѣхъ своихъ частяхъ съ жалобнымъ скрипомъ и стономъ. Но съ ночи 7-го января начались первыя несчастья, которыя и преслѣдовали насъ почти трое сутокъ. Въ 3 часа ночи, вслѣдствіе сильнаго удара волны въ руль, лопнулъ штуръ-тросъ [4]); руль заходилъ и нѣкоторое время можно было опасаться, что корветъ его потеряетъ и останется безъ управляющей имъ силы. Но на корветѣ не дремали: быстро застопоренъ [5]) былъ румпель [6]), чтобы остановить движеніе руля, еще быстрѣе заложили въ помощь стопо-

---

[1]) Ноками называются оконечности рей.

[2]) Подзоромъ называется часть кормы, свѣсившаяся надъ водою.

[3]) Винтовой колодезь—сквозное отверстіе въ корпусѣ судна надъ винтомъ, которымъ онъ подымается на верхъ при ходѣ подъ парусами.

[4]) Штуръ-тросъ—свитая изъ сыромятныхъ ремней крѣпкая веревка, съ помощью которой поворачиваютъ руль. Штуръ-тросъ бываетъ также цѣпной.

[5]) Застопорить—значитъ остановить какое нибудь дѣйствіе или работу.

[6]) Румпелемъ называется желѣзный (на шлюбкахъ и малыхъ судахъ деревянный) рычагъ, служащій для поворотовъ руля.

рамъ румпель-тали [1]), и корветъ съ закрѣпленнымъ рулемъ представленъ былъ на произволъ валовъ.

Въ то же время начали основывать [2]) новый штуръ-тросъ; къ разсвѣту корветъ былъ уже въ порядкѣ, управляющая сила его въ исправности и мы подумывали уже немного поотдохнуть; но этого неудалось сдѣлать. Черезъ короткое время, за первымъ несчастьемъ послѣдовало второе: при одномъ изъ сильныхъ боковыхъ размаховъ, подвѣтренный [3]) катеръ черпнулъ бортомъ и, при выпрямленіи корвета, оборвался съ носовой шлюбъ-балки [4]) и повисъ на кормовой; нѣсколько минутъ, при каждомъ размахѣ, билъ онъ съ ужасною силою въ бортъ, и наконецъ окончательно былъ сорванъ волненіемъ и унесенъ въ море... Богъ знаетъ, кому онъ достанется! Разобьется-ли въ дребезги, выкинетъ ли его бурный океанъ на берегъ, завладѣетъ ли имъ счастливый купецъ—узнаетъ объ этомъ одинъ только Богъ, море, да тотъ, кому онъ достанется!.... Грустно слѣдили мы взоромъ за удаляющимся катеромъ, который черезъ короткое время скрылся среди бушующихъ валовъ. Одинъ изъ дѣтей корвета потерянъ, подумалъ я, однимъ, изъ членовъ его меньше...

Утромъ вѣтеръ сталъ какъ будто бы стихать; кругомъ разлилась страшная ужасающая тишина; въ воздухѣ чувствовалась тяжелая удушливость, что при низкомъ барометрѣ, который упалъ въ это время до 28,78 дюймовъ, не предвѣщало ничего добраго. Всѣ находились въ безпокойномъ ожиданіи: вѣтеръ почти мгно-

---

1) Румпель-тали закладываются на конецъ румпеля.

2) Основывать значитъ продергивать на свое мѣсто.

3) Сторона судна, обращенная къ вѣтру, называется навѣтренною, а другая—подвѣтренною. Сообразно этому, всѣ предметы, находящіеся на навѣтренной сторонѣ называются навѣтренными, и обратно, предметы, лежащіе по подвѣтренной сторонѣ, называются подвѣтренными.

4) Шлюбъ-балки — металлическія дугообразныя изогнутыя полосы, на которыхъ шлюбки подпимаются и висятъ снаружи борта. Каждая шлюбка виситъ на двухъ шлюбъ-балкахъ: одна, ближе къ носу судна, называется носовою, а другая, ближе къ кормѣ, кормовою.

венно перешелъ отъ юго-запада (SW) къ сѣверо-западу (NW) и началъ дуть страшными порывами. Низкія градоносныя тучи, сопровождаемыя сильною грозою, показались на горизонтѣ и быстро застилали все небо; онѣ неслись съ ужасающею быстротою, имѣли непріятный желтовато-сѣрый цвѣтъ, изорванный видъ, а въ серединѣ, мѣстами были уродливо раздуты. Повидимому, приближалось поразительное и страшное явленіе—буря съ градомъ!....

Масса тучъ неслась между тѣмъ съ постоянно увеличивающеюся быстротою, безпрестанно клубясь и издавая какой-то странный и непріятный шипъ и шумъ, какъ будто бы онѣ, подобно ядовитому змію, должны передъ нападеніемъ выработать въ себѣ ядъ. Океанъ вдали вспѣнился, забурлилъ какъ въ котлѣ и застоналъ; сильный шквалъ разметывалъ по воздуху пѣну, вздымалъ воду подобно громаднымъ горамъ, срывалъ ихъ вершины и несъ къ корвету тучу брызгъ и пѣны. Длинныя молніи прорѣзали темное, мрачное и страшное небо; корветъ запрыгалъ съ волны на волну, содрогаясь отъ сильныхъ ударовъ грома, разрѣшающихся надъ самыми головами. Начали падать почти совершенно отвѣсно, сперва отдѣльныя, крупныя и тяжелыя дождевыя капли, но потомъ—все скорѣе и скорѣе, гуще и чаще. Громъ, молнія, вихрь и какой-то необъяснимый шумъ начали быстро усиливаться; въ воздухѣ ощутился весьма сильный холодъ; показались первыя градины, сперва мелкими и едва замѣтными зернами, но затѣмъ онѣ становились все крупнѣе и крупнѣе, все многочисленнѣе и многочисленнѣе и затѣмъ съ страшною трескотнею, начали падать такъ густо, что между ними едва можно было различить дождевыя капли. Океанъ вспѣнился; огромные валы вздымались отъ сильнаго напора шквала и обрушивались на корветъ, который содрогался, стопалъ и скрипѣлъ на всѣ возможные лады съ ужасными, потрясающими душу, варіаціями. Свистъ и вой вѣтра, шипящій блескъ молній, сильные удары грома, слѣдующіе почти

моментально одинъ за другимъ, и необыкновенный шумъ тучъ дополняли грустный концертъ разъярившейся стихіи... Казалось, природа хотѣла поразить насъ своимъ грознымъ величіемъ—и поразила, хотѣла удивить насъ—и удивила, казалось, думала устрашить, но не устрашила!... Одинъ шквалъ за другимъ, когда съ градомъ, а когда и со снѣгомъ, обрушивался на корветъ и держалъ всѣхъ все время на чеку. Между шквалами небо совершенно прояснялось, оставляя только на вѣтрѣ массу тучъ, которыя черезъ короткое время опять застилали все небо, новый шквалъ обрушивался на корветъ съ ужасною силою, пролеталъ мимо и небо опять разъяснялось, но не надолго: новыя свинцовыя тучи застилали его, разражался новый свирѣпый шквалъ и... такъ продолжалось слишкомъ двое сутокъ. Корветъ расшатало до необычайной степени; сквозь пазы [1]) и стыки [2]) лилась въ палубу вода и дѣлала положеніе экипажа невыносимымъ; нельзя было выйти наверхъ, гдѣ постоянно окачивало солеными волнами и пробирало до самыхъ костей: нельзя посушиться и въ палубѣ, гдѣ сверху, сквозь расшатавшіяся доски, лилась вода въ видѣ множества небольшихъ, но чрезвычайно непріятныхъ ручейковъ. Въ каютахъ спали въ длинныхъ сапогахъ и дождевикахъ, чтобы не промочить ноги. Повсюду протянуты были леера [3]), и кто хотѣлъ пройти съ одного конца палубы на другой, тотъ долженъ былъ держаться за нихъ обѣими руками, и то разъ пять вскидывало его на воздухъ и такъ встряхивало, что не желалось вторично возобновлять подобную прогулку. Положеніе вообще было очень несносное. Отъ сильныхъ размаховъ корвета ванты ослабли до такой степени, что мачты ходили и можно было ожидать ихъ паденія;

---

[1]) Пазъ—долевая щель между соприкасающимися досками палубы.

[2]) Стыкъ—поперечная приставка конечностей двухъ досокъ. Пазы и стыки конопатятъ и просмаливаютъ.

[3]) Лееръ—туго вытянутая веревка, оба конца которой закрѣплены; служитъ перилами.

когда корветъ кренился на одну сторону, то съ этой стороны ванты висѣли бухтою, съ другой же вытягивались въ струну; когда корветъ падалъ на другую сторону, то и мачты съ размаху переваливались, при чемъ уже на другой сторонѣ ванты висѣли бухтою, а на первой были туги какъ струны. Благодаря только принятымъ мѣрамъ, мачты были достаточно укрѣплены и больше не ходили.... Въ ночь на 8-е число шквалы усилились до невѣроятной степени; электричество переполняло воздухъ и на всѣхъ нокахъ рей и вершинахъ мачтъ горѣли всю ночь ярко-голубые сентъ-эльмскіе огни, которые разрывались надъ корветомъ съ оглушительнымъ трескомъ, на подобіе пушечныхъ выстрѣловъ. Огни эти имѣли продолговатый видъ (около полуаршина въ длину) и состояли изъ свѣтлыхъ, обращенныхъ кверху, пучковъ лучей, большаго или меньшаго напряженія, которые то появлялись, то мгновенно исчезали при оглушительномъ трескѣ.... Матросы католики называютъ эти пучки „свѣчами" и говорятъ что будто бы самъ св. Эльмъ является, чтобы зажечь ихъ, а потому при ихъ появленіяхъ они молились ему. Нѣкоторые ученые думаютъ, что названіе происходитъ отъ искаженнаго имени Елены и относятъ начало его еще къ языческой древности, потому что въ сказаніяхъ древнихъ историковъ Цезаря, Тита-Ливія, Плутарха, Прокопія, Сенеки и Плинія, часто, упоминается о свѣтящихся остріяхъ пикъ отдѣльныхъ воиновъ или даже цѣлыхъ легіоновъ, а также объ огняхъ, горящихъ на вершинахъ мачтъ въ видѣ трехъ яркихъ лучей, при чемъ два изъ свѣтящихся лучей назывались въ то время Касторомъ и Полуксомъ и означали счастье; третій же лучъ назывался Еленою, и означалъ несчастье. Древніе ученые всѣми силами старались объяснить себѣ это замѣчательное явленіе, но не имѣли успѣха; впослѣдствіи же новѣйшимъ ученымъ удалось объяснить его, при чемъ они доказали, что оно происходитъ вслѣдствіе стремленія нейтрализоваться двухъ разнородныхъ электри-

чествъ, заключающихся одно въ облакахъ, а другое въ водѣ или землѣ, при чемъ эта нейтрализація совершается мало-по-малу; если же она совершается вдругъ, то происходитъ громъ и молнія. Видъ сентъ-эльмскихъ огней совершенно зависитъ отъ распредѣленія электричества: если вода или земля наэлектризованы положительно, а облака отрицательно, то огни св. Эльма имѣютъ видъ пучковъ лучей, направленныхъ кверху къ облакамъ; если же облака наэлектризованы положительно, а земля или вода отрицательно, что впрочемъ случается весьма рѣдко, то эти огни имѣютъ видъ блестящихъ шаровъ или звѣздъ...

Корветъ, иллюминованный сентъ-эльмскими огнями, представлялъ, я думаю, со стороны восхитительное зрѣлище; на палубѣ же было отъ нихъ до того свѣтло, что съ одного ея конца можно было разобрать, что дѣлается на другомъ...

У фокъ-мачты сидятъ два матросика, кутаются отъ холоднаго рѣзкаго шквала, держатся обѣими руками кто за что, чтобы не отлетѣть отъ качки въ сторону, и громко разговариваютъ, хотя голоса ихъ почти совершенно теряются въ шумѣ разсвирѣпевшей стихіи.

— Батюшки, страсти какія, испуганно говоритъ одинъ изъ нихъ, вѣрно въ первый разъ испытавшій подобную бурю, за што эфто Господь Богъ на насъ, грѣшныхъ, гнѣваться такъ изволитъ?!..

— Да ужъ наша такая доля, угрюмо говоритъ другой, значитъ оченно прогнѣвили Бога, што отъ самаго Кронштадта страсти на насъ такія напускаетъ.

— Гляди, Петро, гляди, со страхомъ проговорилъ первый матросикъ, набожно крестясь и испуганно глядя на сентъ-эльмскіе огни, появившіеся на нокахъ рей, сичасъ лопнетъ, какъ есть лопнетъ, мотри, штобъ не убило...

Раздался сильный трескъ и сентъ-эльмскіе огни пропали: матросики пригнули головы и со страхомъ начали креститься.

— Слава Ти, Господи, бормочетъ Петро, продожая класть поклоны, значитъ живъ, а ты, Ремка, живъ?...

— Живъ, дрожащимъ голосомъ говоритъ Еремей, только больно спужался: чуть чуточки духъ совсѣмъ не вышибло... Экія страсти, Господи, Боже мой!...

— Что такое значитъ эфти самые огни, спрашиваетъ Еремка послѣ нѣкотораго молчанія своего товарища; точно живые, такъ и бѣгаютъ?...

— Богъ ихъ знаетъ, а вонъ тамъ унтеръ баетъ, что эфто души потопшихъ: и воютъ онѣ таперича, и стонутъ, а какъ осерчаютъ, такъ на реи сичасъ вскочатъ, аль на клотикъ [1]) и давай пужать насъ, да и иностранцевъ тоже, штобъ дальше не шли, ихъ не помянувши...

— Царствіе имъ небесное, набожно говоритъ Еремей, снявши фуражку и крестясь.

— Да, Ремушка, помянемъ ихъ; Богъ съ ними, авось насъ не тронутъ и пужать не станутъ...

И началъ Еремка съ Петромъ креститься, Богу молиться, пока новые сентъ-эльмскіе огни не заставили ихъ совершенно присмирѣть и забиться за мачту подъ снасти такъ, что ихъ не стало видно, да и они сами ничего навѣрное не видѣли.

Сила шкваловъ между тѣмъ все усиливалась; при одномъ розмахѣ корветъ сильно погрузился носомъ въ волны и зарылся, при чемъ потерялъ бомъ-утлегаръ, сильно повредилъ утлегаръ и бушпритъ, и лопнуло два ветеръ-штага [2]).

Нѣкоторое время можно было опасаться потерять бушпритъ, а съ нимъ фокъ-мачту; но на корветѣ не дремали и чрезвычайно быстро укрѣпили мачту на столько, что можно было надѣяться сохранить ее, если

---

[1]) Клотикъ точеный плоскій деревянный кругъ, нагоняемый на флагштокъ (самая верхняя часть мачты). Въ него вставляется громоотводъ.

[2]) Ватеръ-штаги—цѣпи, идущія отъ бушприта внизъ къ форштевню; (форштевень продолженіе киля, идущее въ верхъ и служащее оконечностью судна носа). Ватерштаги не позволяютъ бушприту подняться вверхъ.

бы даже бушпритъ сломался окончательно. Вмѣсто лопнувшихъ ватеръ-штаговъ заложены были подъ бушпритомъ тали, которыя натуго вытянули: такимъ образомъ мы надѣялись даже сохранить на время и бушпритъ, который оказался треснувшимъ внутри всѣхъ ватеръ-штаговъ на самомъ шекѣ [3]). Находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, командиръ не рѣшался продолжать путь къ Зеленымъ островамъ; но выжидалъ только, чтобы вѣтеръ немного стихъ, и чтобы можно было тогда развести пары и спуститься въ ближайшій портъ. Прежде чѣмъ дождались этого момента, намъ пришлось еще вдоволь покачаться въ разбушевавшемся океанѣ и подвергнуться послѣднимъ испытаніямъ...

Весь день, 8-го января, вѣтеръ дулъ жестокими порывами; океанъ продолжалъ кипятиться и обрушивать свои громадные валы на трепетавшій корветъ. который однако легко взлеталъ на ихъ вершины и стремительно бѣжалъ по крутой покатости волны въ зіяющую и клокочущую пропасть...

Въ ночь на 9-е число буря предсмертными своими усиліями нанесла намъ послѣдній, самый тяжелый (особенно для гардемариновъ) ударъ.

Около полуночи раздался на верху страшный трескъ, и огромная волна, ударивъ въ лѣвый бортъ и выломавъ внутро шканечный портъ [1]), разлилась по палубѣ и съ неистовствомъ искала себѣ выхода; все было опрокинуто бурнымъ валомъ; выбитый портъ, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ, возило волною по палубѣ и ломало имъ все, что попадалось ему по дорогѣ.

Къ несчастію, волна нашла себѣ выходъ внутро судна! Хотя повсюду положены были глухіе люки, но въ этотъ моментъ, какъ нарочно, каютъ-компанейскій

---

[3]) Шекомъ называется та часть форштевня, на которомъ лежитъ бушпритъ.

[1]) Портами называются желѣзные ставни (бываютъ и деревянные), которыми закрываются отверстія въ борту судна, предназначенныя для дѣйствія орудіями. Шканечными портами называются тѣ порты, которые закрываютъ отверстія въ борту на шканцахъ.

выходъ былъ открытъ и туда-то ринулась вся волна, попавшая на палубу. Внизу поднялся страшный переполохъ: въ одно мгновеніе залита была часть жилой палубы и гардемаринская каюта [1]), въ которой набралось воды выше колѣна. Живо вскочили мы съ коекъ въ воду, думая что идемъ ко дну, но черезъ нѣсколько секундъ опомнились и бросились спасать имущество, помѣщенное въ рундукахъ и совершенно залитое водою; пока вычерпали изъ каюты воду, большая часть вещей потерпѣла уже страшныя опустошенія; все, что было въ рундукахъ пропиталось соленою водою и сдѣлалось почти никуда негоднымъ...

Много благодарны за сюрпризъ, грозное море, бушующія волны и вы, свирѣпые шквалы! этого никогда не забудемъ, а если и забудемъ, такъ тогда, когда все поврежденное и попорченное будетъ исправлено и пополнено!...

Къ утру, 9-го января, вѣтеръ сталъ стихать, но волненіе не уменьшалось, а напротивъ возрастало въ своихъ размѣрахъ. Корветъ бросало съ боку на бокъ съ ужасными размахами, такъ что отвѣсъ кренометра [2]) билъ въ стѣнки инструмента. При одномъ изъ такихъ размаховъ случилось довольно курьезное приключеніе: корветъ началъ сильно крениться на бокъ; за марсо-фальную кадку [3]), стоящую на навѣтренной сторонѣ, держался обѣими руками гардемаринъ и съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что корветъ кренится все больше и больше, хотя палуба уже представляла достаточно крутую покатость, по которой ни пройти, ни проползти. Съ послѣдними усиліями держится онъ

[1]) Гардемаринская каюта помѣщается въ жилой палубѣ и почти подъ каютъ-компанейскимъ выходомъ, слѣдовательно первый напоръ волны былъ въ нее.

[2]) Кренометръ инструментъ, показывающій наклоненіе (кренъ) судна, а также и величину размаховъ.

[3]) Марсофальная кадка точеная рѣшетчатая кадка на ножкахъ, въ которую укладываютъ особую снасть марсафалъ (съ помощью которой поднимаютъ по мачтѣ марсарею), чтобы она не мокла на палубѣ.

за кадку, а корветъ между тѣмъ все кренится, да кренится, и вдругъ... о, ужасъ, найтовы [1]) оборвались, кадка отдѣляется отъ борта съ гардемариномъ и вмѣстѣ съ нею несется онъ по наклонной палубѣ. Все это произошло гораздо скорѣе, чѣмъ описывается. Прошло нѣсколько мгновеній и корветъ началъ крениться на другую сторону, кадка покатилась обратно, а за нею и гардемаринъ, которому, какъ видно, очень не хотѣлось разстаться съ послѣднею своею опорою; онъ, повидимому, опасался оставить кадку, чтобы не быть ею раздавленнымъ или же не летать на легкѣ гораздо стремительнѣе. Нѣсколько разъ проѣздилъ онъ съ нею по палубѣ, пока не остановили это невольное катанье и подняли его изцарапаннаго, мокраго, грязнаго и совершенно измученнаго своею неотвязчивою спутницею...

До 9-го января, штурмана не имѣли возможности опредѣлить свое мѣсто обсерваціею [2]), хотя нѣсколько разъ, привязанные къ мостику и съ секстантами въ рукахъ, ловили они солнце, чтобы взять его высоту; но этого имъ никакъ не удавалось. Только въ этотъ день удалось имъ сдѣлать наблюденіе, при чемъ оказалось, что корветъ находится въ 150 морскихъ миляхъ отъ мыса Лизардъ, который прошли мы пять дней тому назадъ, слѣдовательно среднимъ числомъ корветъ подвигался впередъ всего только по 30 миль въ сутки. Опредѣливъ свое мѣсто, командиръ приказалъ развести пары и, не желая идти въ Англію, такъ какъ стоянка тамъ очень дорога, направился къ Бресту; но когда корветъ пришелъ на меридіанъ острововъ Сцили, лежащихъ на западъ отъ мыса Лизардъ, вѣтеръ опять засвѣжѣлъ при чемъ капитанъ увидѣлъ, что идя къ острову Ассану (лежащему у западнаго берега Бретани), корвету придется приводить [3]) и выгребать противъ

---

[1]) Канатъ.

[2]) Наблюденіемъ.

[3]) Приводить—значитъ уменьшить уголъ между направленіемъ вѣтра и носомъ судна.

все еще очень большой зыби, а потому и не надѣялся попасть въ Брестъ. Чтобы не биться даромъ у опасныхъ французскихъ береговъ, рѣшено было спуститься къ Лизарду и войти опять въ Каналъ, изъ котораго вышли всего только нѣсколько дней тому назадъ.

10-го января, въ 4 часа пополудни, пришли мы опять на Плимутскій рейдъ, съ котораго желали такъ сильно уйти, и стали на якорь въ виду Давенпорта. Черезъ нѣсколько дней получено было отъ плимутскаго порта позволеніе войти въ Давенпортъ, чтобы исправить тамъ всѣ поврежденія, просушить и выкрасить корветъ, который сталъ бортъ о бортъ съ блокшивомъ Виго (Vigo), кораблемъ ветераномъ, взятымъ англичанами, еще при Нельсонѣ, у испанцевъ. Команда и офицеры переселились на блокшивъ: просторно размѣстившись на огромномъ, чистомъ кораблѣ; на корветѣ между тѣмъ закипѣла работа, застучали топоры и молоты, завозились матросики и англійскіе рабочіе.,.

Большія работы на корветѣ могли продержать его въ Плимутѣ около мѣсяца, а потому, имѣя въ своемъ распоряженіи почти двѣ недѣли, я рѣшился посѣтить Лондонъ, всемірный городъ, городъ чудесъ, богачей, нищихъ и ловкихъ воровъ. Случай мнѣ благопріятствовалъ: въ Плимутѣ стояло нѣсколько купеческихъ пароходовъ, которые намѣревались на дняхъ сняться съ якоря и идти въ Лондонъ. Живо условился я съ однимъ изъ каптейновъ въ цѣнѣ, которая оказалась гораздо ниже желѣзно-дорожной, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда мой каптейнъ будетъ готовъ, нагрузится углемъ и пришлетъ мнѣ знать, что я могу уже перебраться на его судно.

Наконецъ, 15 января, получилъ я желанную вѣсточку, перебрался на пароходъ, уже совершенно готовый къ выходу въ море, и удобно помѣстился въ уютной каютке, уступленной въ мое полное распоряженіе любезнымъ каптейномъ, толстымъ, краснощекимъ и гладко выбритымъ джентельменомъ.

Пароходъ между тѣмъ запыхтѣлъ, застучалъ, засвисталъ и вышелъ съ плимутскаго рейда. Плаваніе было спокойное, однообразно-скучное: неуклюжій, плотно нагруженный, пароходъ шелъ себѣ да шелъ впередъ, оставляя позади, на пасмурномъ небѣ, черные клубы дыма, которые постепенно разстилались, разсѣевались и пропадали, сливаясь съ набѣгавшими облаками...

Весь переходъ до Лондона чувствовалъ я себя не въ своей тарелкѣ, мнѣ съ перваго разу было какъ-то неловко, что я безъ дѣла и не мечусь съ одного конца судна на другой, а хожу себѣ взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы, по грязной палубѣ въ обществѣ предупредительнаго капитана, который, какъ видно, всѣми силами старался сдѣлать переходъ для меня болѣе пріятнымъ.

Такимъ образомъ пролетѣло двое сутокъ, и я уже радовался концу моего скучнаго путешествія. 17 января, около трехъ часовъ пополудни, пароходъ вошелъ въ устье Темзы; справа и слѣва показались неясныя очертанія береговъ, замелькали пароходы, большіе парусные корабли, отправлявшіеся можетъ быть за десятки тысячь миль. Чѣмъ дальше входили мы въ устье, тѣмъ все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу различнаго рода суда, тѣмъ все ближе и ближе сдвигались берега, зеленѣющіе роскошными полями и садами.

Но вотъ и Темза! Тысячи судовъ возмущаютъ воды величественной рѣки; отъ самаго ея устья до всемірной столицы видна неугомонно-кипучая дѣятельность! Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль (англ. миля$=1^3/_4$ версты) и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, до котораго считается отъ устья слишкомъ сорокъ пять миль, доходятъ самыя большія купеческія суда. Нѣтъ въ мірѣ другой рѣки, которая бы такъ много способствовала громадному развитію торговой дѣятельности, какъ Темза. Не

будь ея—Лондонъ не имѣлъ бы рѣшительно никакого значенія въ торговомъ мірѣ, а теперь онъ царь этого міра, всемогущій властелинъ, деспотъ, которому стоитъ только нахмурить брови, чтобы привести въ ужасъ всѣхъ своихъ подданныхъ...

Живо промчались мы мимо Гревзенда, перваго англійскаго города на Темзѣ, мимо Вульвича—знаменитаго превосходными военными верфями, пробѣжали мѣстечко Блэкволь, у пристани котораго тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами, въ самую средину Сити. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Лондону, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе раздавался неумолкаемый шумъ; запахъ угля раздражалъ непривычные нервы, даль вся куталась въ туманъ. Солнце, это яркое, чудесное свѣтило, нельзя было узнать: оно то являлось въ видѣ краснаго раскаленнаго ядра, застланнаго черными густыми клубами дыма, то въ видѣ яркаго золотаго кольца, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ и разстилался по небу мутнымъ пологомъ.

Пароходъ приближался къ знаменитымъ лондонскимъ докамъ; необыкновенная дѣятельность, движеніе и шумъ, который раздавался со всѣхъ концовъ и далеко разносился по воздуху, была поразительна. Тысячи судовъ всевозможныхъ размѣровъ и формъ тѣсно жались къ берегамъ, нагружая и выгружая различные товары, продукты всего міра. Множество судовъ входило въ Темзу, еще больше выходило и подъ всѣми парами неслись въ различные, отдаленнѣйшіе заграничные порта; здѣсь еле двигались длинною вереницею угольныя суда, тамъ съ шумомъ неслись къ устью пароходы, чтобы пробуксировать противъ теченія парусныя купеческія суда; съ одного берега на другой снуетъ множество другихъ пароходовъ, перевозящихъ публику, разной величины шлюбки, барки...

По обѣимъ сторонамъ рѣки жались другъ къ другу

черные громадные дома, на стѣнахъ которыхъ бѣлѣли большія буквы надписей, объяснявшихъ, что позади помѣщается верфь, мастерская или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ домовъ виднѣлся второй, выше, съ такими же надписями и вывѣсками, за вторымъ— виднѣлся третій, а иногда цѣлый лѣсъ мачтъ множества судовъ, стоящихъ въ громадныхъ лондонскихъ докахъ.

Впереди виднѣлся Лондонскій мостъ съ его сѣрыми тяжелыми арками; за нимъ — своды другаго моста и даже третьяго... Всѣхъ же мостовъ въ Лондонѣ семь, и всѣ они кипятъ жизнію, поражающую путешественника, первый разъ посѣтившаго всемірную столицу.

Пароходъ подошелъ къ своему мѣсту; я забралъ вещи и началъ пробираться по живому мосту сдвинувшихся судовъ къ набережной, на которой первое время я остановился какъ вкопанный, пораженный страшнымъ движеніемъ, смутнымъ невыносимымъ гуломъ. Громъ подъѣзжающихъ и отъѣзжающихъ фуръ и чудовищныхъ омнибусовъ, свистки пароходовъ, шипѣніе выпускаемаго пара, грохотъ отдаваемыхъ якорей, звонъ цѣпей, скрипъ блоковъ, стукъ подъемныхъ машинъ и воротовъ, говоръ и крикъ двигающихся взадъ и впередъ матросовъ, извощиковъ, крючниковъ, приказчиковъ, торговцевъ—все это производило ужасный для непривычнаго уха шумъ.

Только по прошествіи нѣкотораго времени пришелъ я въ себя, нанялъ первый попавшійся кэбъ и приказалъ ѣхать въ ближайшій отель, чтобы немного успокоиться, отдохнуть послѣ путешествія и съ новыми силами осмотрѣть, изучить во всѣхъ отношеніяхъ самый замѣчательнѣйшій городъ въ свѣтѣ.

ГЛАВА VII.

Первое впечатлѣніе. — Тоннель.—Общій видъ города.— Кварталы: Вестъ-Эндъ Сити, Севенъ-діальсъ и Уайтъ Чапель.—Парламентъ.— Лондонская башня.—Доки.—Гринвичскій госпиталь.—Вестминстерское аббатство.—Соборъ Св. Павла.—Хрустальный дворецъ.—Британскій музеумъ.—Зоологическій садъ. — Лондонскіе памятники и монументы.—Лондонскій таттерсаль.

Съ перваго взгляда Лондонъ поразилъ своимъ необыкновеннымъ движеніемъ, дѣятельностью и шумомъ. Коляски, чудовищные омнибусы, кареты, повозки съ овощами и молокомъ, огромныя фуры, всадники—все это въ необыкновенномъ количествѣ, непрерывными рядами, встрѣчаясь и перегоняя другъ друга, носилось по улицамъ, производя какой-то одуряющій для непривычнаго глаза видъ. По широкимъ тротуарамъ волновалась густая масса чрезвычайно разноколиберной публики: тутъ вы увидите чопорныхъ разодѣтыхъ англичанокъ, озабоченныхъ, не обращающихъ по сторонамъ никакого вниманія, гладко выбритыхъ и просто одѣтыхъ англичанъ, курчаваго и блестящаго, какъ чищенный сапогъ, негра, выступающаго съ важностью и съ сознаніемъ собственнаго достоинства; тутъ вы увидите и страстнаго, бросающаго по сторонамъ жгучіе взоры, итальянца, загорѣлаго испанца, котораго перегоняетъ мѣдно-красный американецъ, желтый индусъ, бѣлокурый шведъ, русый славянинъ...

Однимъ словомъ, по обѣимъ сторонамъ улицы мелькаютъ народы всевозможныхъ странъ, племенъ и нарѣчій...

Но этого мало: подъ ногами, подъ землею слышится почти такой же шумъ, стукъ, кипитъ та же дѣятельность, чувствуется то же движеніе. Если сдѣлать мысленный разрѣзъ лондонскихъ улицъ, то вы увидите подъ ними четвертую канализацію. Первая состоитъ изъ газопроводовъ, которые обязаны давать свѣтъ всемірному городу не только ночью, но и днемъ, потому

что иногда случается здѣсь, что и днемъ нельзя обойтись безъ освѣщенія.

Вторая линія подземныхъ каналовъ, считая сверху, служитъ для водопроводовъ, которые развѣтвляются на тысячи рукавовъ и проводятъ воду не только изъ Темзы, изъ которой пользуется только южная и юго-западная часть города, но и изъ рѣчекъ Ли и Чадвель, которыя доставляютъ эту живительную влагу сѣверной и сѣверо-западной части Лондона до Сити включительно.

Трубы, предназначенныя для стока нечистотъ, представляютъ третью систему каналовъ. Они основаны въ 1859 году и проведены въ Темзу, далеко ниже города... Ниже всѣхъ этихъ линій идутъ тоннели и подземныя желѣзныя дороги, освѣщенныя газовымъ свѣтомъ.

Постройку тонеллей можно считать предпріятіемъ смѣлымъ, геніальнымъ; но англичане не испугались страшныхъ препятствій, громадныхъ издержекъ и, послѣ продолжительной борьбы, все-таки осуществили свою великую мысль и проложили два тоннеля, которые будутъ вѣчными памятниками геніальности и терпѣнія ихъ строителей. Къ этому смѣлому предпріятію принудило англичанъ слѣдующее обстоятельство: Лондонъ, какъ извѣстно, раздѣляется Темзою на двѣ главныя части, соединенныя между собою семью чудесными мостами, которые представляютъ не мало препятствій для судоходства. Но всѣ эти мосты расположены ниже лондонскихъ доковъ, потому что устройство моста выше доковъ сопряжено было съ громадными невыгодами, такъ какъ подходъ судовъ къ нимъ былъ бы черезъ это значительно затрудненъ. Не смотря на это, здѣсь было очень важное мѣсто для переѣзда изъ одной части города въ другую, и если бы не было сообщенія, то пришлось бы дѣлать объѣздъ слишкомъ въ семь верстъ. Для устраненія этого неудобства англичане еще въ началѣ настоящаго столѣтія подумывали соединить обѣ части города, ниже доковъ, подземною улицею или тоннелемъ, но первое предпріятіе инженера Везей, въ

1809 году, окончилось полною неудачею. Однако англичане не упали духомъ, но напротивъ все болѣе и болѣе убѣждались въ возможности выполнить свою мысль, и вотъ въ 1823 году, предложена была эта работа знаменитому французскому инженеру Брюннелю, который взялся за нее со свойственными ему энергіею, терпѣніемъ и искусствомъ.

Брюннель для опыта оставилъ на днѣ рѣки нѣсколько лопатъ и молотовъ, которые черезъ нѣсколько дней были найдены рабочими въ самомъ тоннелѣ, что служило страшнымъ доказательствомъ необыкновенной рыхлости почвы дна. Не смотря на это, работа постепенно подвигалась все дальше и дальше, какъ вдругъ 19 мая 1827 года нѣсколько пришедшихъ въ Лондонъ кораблей, ничего не зная о сооруженіи тоннеля, бросили свои якоря прямо надъ нимъ, прорвали потолокъ; вода съ ужаснымъ шумомъ ринулась въ образовавшееся отверстіе, и не болѣе какъ въ четверть часа залила весь тоннель. Работники искали спасенія въ бѣгствѣ; тоннель, казалось, совершенно погибалъ, но мужественный Брюннель не поколебался отъ этого несчастья, немедленно опустился на дно рѣки, осмотрѣлъ поврежденія и тотчасъ же приступилъ къ ихъ исправленію. Сдѣланную якорями пробоину онъ приказалъ зачинить, опустивши въ этомъ мѣстѣ на дно рѣки, въ корзинахъ, 60,000 центнеровъ глины, затѣмъ осушилъ самый тоннель нѣсколькими паровыми насосами, и 21 іюня можно было опять продолжать работу.

Отстранивши первое несчастье, явились десятки другихъ; работники, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго потопа, находились постоянно въ безпокойствѣ и страхѣ и часто даже отказывались продолжать работу; къ этому еще присоединилось довольно частое воспламененіе газовъ и испорченность воздуха, который наполнялся вредными міазмами до такой сильной степени, что работники не могли его выносить и послѣ короткаго пребыванія въ тоннелѣ лишались чувствъ. Но, не

смотря на всѣ эти препятствія, къ 12 января 1828 года было прорыто еще 52 фута; но въ этотъ день случилось второе несчастье, второй прорывъ воды, которая залила тоннель менѣе чѣмъ въ десять минутъ, при чемъ погибло шесть работниковъ, а сынъ Бруннеля спасся какимъ-то чудомъ: его вынесло изъ тоннеля потокомъ воды. Геніальный инженеръ не упалъ духомъ и при второмъ несчастьѣ, исправилъ поврежденія тѣмъ же путемъ и готовъ былъ приступить къ дальнѣйшимъ работамъ; но на этотъ разъ явилось главное препятствіе— недостатокъ денегъ. Акціонерное общество, взявшееся за это дорогое дѣло, пришло въ упадокъ; въ продолженіи семи лѣтъ были прерваны всѣ работы, пока наконецъ правительство не рѣшилось помочь предпріятію деньгами. Тогда снова закипѣла дѣятельная работа, но медленно подвигалась впередъ. Еще три раза вода заливала тоннель, и всякій разъ мужественный, терпѣливый Бруннель помогалъ бѣдѣ вышеописаннымъ способомъ, и съ новою энергіею продолжалъ оканчивать свое гигантское произведеніе.

Такимъ образомъ въ безпрерывной борьбѣ со стихіями, работа все-таки подвигалась постепенно впередъ и впередъ, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1843 года, тоннель былъ оконченъ и предоставленъ въ общественное пользованіе.

Изамбертъ Бруннель, великій строитель колоссальнаго произведенія, былъ возведенъ королевою въ титулъ баронета. Восемнадцать лѣтъ длилась эта работа и обошлась въ 600,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 3-хъ милліоновъ руб. сер.).

Казалось, послѣ такихъ трудовъ и препятствій, послѣ громадныхъ потраченныхъ суммъ, никому не вздумается повторить подобную попытку, но напротивъ: въ 1867 году открытъ былъ новый тоннель, соединяющій оба берега Темзы. Онъ идетъ отъ Тоуеръ-гиля въ Вейнстритъ, былъ оконченъ въ 12 мѣсяцевъ и обошелся всего только въ 18,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 125,000 руб.).

Строитель его Барлоу можетъ считаться такимъ же геніальнымъ инженеромъ, какъ и Брунель.

Южная часть города, расположенная на лѣвомъ берегу Темзы, представляетъ равнину, лежащую ниже уровня рѣки во время полноводья. Она лежитъ въ большой котловинѣ, образуемой рядомъ красивыхъ холмовъ, на одномъ изъ которыхъ построенъ хрустальный дворецъ, господствующій надъ всею этою мѣстностью на подобіе фантастическаго замка изъ „Тысячи и одной ночи". Сѣверная часть города, почти въ четыре раза больше южной, удаляется отъ Темзы, возвышаясь террасами. Лондонскія улицы чрезвычайно красивы, и въ аристократической части города вымощены асфальтомъ; только въ отдаленныхъ кварталахъ асфальтъ замѣняется битымъ камнемъ или песчанникомъ.

Лондонъ чрезвычайно любопытенъ и хорошъ днемъ; но вечеромъ когда всѣ аристократическія улицы зальются газовымъ свѣтомъ, онъ еще красивѣе, еще великолѣпнѣе; врядъ ли гдѣ найдется мѣсто, освѣщеніе котораго могло бы сравнится съ лондонскимъ. Особенно хорошъ въ это время Лондонъ, если любоваться имъ съ какого нибудь возвышеннаго мѣста; васъ поразитъ необыкновенно красивое зрѣлище: газовое освѣщеніе имѣетъ видъ длинныхъ, безконечныхъ рядовъ, подобно огромнымъ огненно-жемчужнымъ ожерельямъ, украшеннымъ чудесными брильянтами въ видѣ множества прозрачныхъ циферблатовъ на башенныхъ часахъ. Нѣкоторыя улицы представляются взору въ видѣ настоящаго огненнаго моря, въ сравненіи съ которыми остальныя кажутся совершенно неосвѣщенными. Дѣйствительно, въ улицахъ, составляющихъ центръ города, газъ сожигается въ огромномъ количествѣ. Въ мясныхъ, фруктовыхъ и рыбныхъ лавкахъ, совершенно открытыхъ со стороны улицъ, газъ выходитъ изъ особо-устроенныхъ трубъ большимъ пламенемъ, сверкающимъ подобно факеламъ. Роскошно убранные магазины, совершенно залитые газовымъ свѣтомъ (въ нѣкоторыхъ бы-

ваетъ отъ 30 до 40 рожковъ), отражающимся до безконечности въ чудесныхъ зеркалахъ, замѣняющихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны магазина, привлекаютъ взоры путешественниковъ и какъ бы просятъ зайти и купить какую нибудь вещицу, заплативъ за нее въ тридорога... Здѣсь выставлена изящная мебель, тамъ роскошныя индѣйскія шали, сибирскія пушистыя шубы и дорогіе мѣха, дальше—золотыя и брильянтовыя вещи поражаютъ взоры царскою роскошью, блескомъ и изяществомъ... Однимъ словомъ, вы увидите магазинъ около магазина, одинъ роскошнѣе другаго, одну вывѣску съ аршинными буквами рядомъ съ другою, и все это чуть ли не до безконечности...

Взоръ устаетъ смотрѣть на нестерпимый блескъ фонарей и рожковъ, слѣдить за быстро катящимися экипажами и густою массою разноколиберной публики, мелькающей передъ глазами со всѣхъ сторонъ, и обращается вверхъ на дома, которые, въ сравненіи съ окружающею роскошью, представляются жилищами какихъ-то демократовъ, а не богатыхъ аристократовъ и ворочающихъ мильоннымъ капиталомъ банкировъ. Всѣ дома отличаются необыкновенною солидностью, закопчены дымомъ, невыбѣлены и не оштукатурены, и притомъ почти всѣ одинаковы на видъ: нѣтъ выдающихся изъ среды ихъ красивыхъ, артистически построенныхъ дворцовъ. Во всей архитектурѣ видна чрезвычайная правильность и простота; въ наружной отдѣлкѣ домовъ не замѣтно ни малѣйшей изысканности... Весь городъ раздѣленъ на множество кварталовъ, населенныхъ различными спеціалистами: западная часть Сити занята книгопродавцами, журналистами и типографіями; въ Ченсери-Лень (Chanceryiane) живутъ люди, занимающіеся адвокатурою и маклерствомъ; въ Блумсбери (Bloomsbury)—ученые; въ Вестъ-Эндѣ (West-End) —первые аристократы города; близъ Пэлль-Мэлля (Pall-Mall)—молодые джентельмены съ клубами подъ бокомъ; Ковентгарденъ (Coventgarten)—занятъ театрами, Вайтхолль (Whitechall)—парламент-

скими и административными учрежденіями; остальная часть Сити заселена рабочимъ людомъ, занята мастерскими, кузницами и тому подобными заведеніями, и наконецъ кварталы Севенъ-діальсъ (Seven-dials) и Уайтъ-Чапель (White-Chapel) переполнены евреями, ирландскими ткачами, нищими, бродягами, ворами, распутными и разнаго рода мошенниками.

Однимъ взглядомъ, легко замѣтить, что между различными лондонскими кварталами существуетъ настоящее раздѣленіе общественнаго труда. Эти кварталы кажутся совершенно не связанными одинъ съ другимъ и не составляютъ одно цѣлое, но какъ будто образуютъ отдѣльные города, приросшіе одинъ къ другому совершенно различными назначеніями и потребностями.

Изъ этихъ кварталовъ и изъ множества другихъ, упомянутыхъ, я обращу вниманіе читателей, для сравненія, только на три, стоящіе другъ передъ другомъ на неизмѣримой высотѣ: это на Вестъ-Эндъ—жилище аристократовъ, Сити — рабочаго люда и наконецъ на Севенъ-діальсъ или даже Уайтъ-Чапель—жилище бродягъ и воровъ.

Нигдѣ въ мірѣ не заботятся столько о жизни богатыхъ людей, какъ въ Лондонѣ, и потому всѣ улучшенія дѣлались и дѣлаются до сихъ поръ только въ той части города, въ которой живутъ лондонскіе аристократы...

Кварталъ Вестъ-Эндъ можно назвать лондонскимъ раемъ или, лучше сказать, его легкими, какъ удачно выразился объ немъ одинъ изъ путешественниковъ.

Оазисы парковъ, лучшее украшеніе Лондона, множество садовъ, зеленѣющія поля и чудесные фонтаны раскинуты именно въ этой части города. Прибавьте еще къ этому невысокіе дома, окруженные группами деревъ, что придаетъ имъ видъ дачъ, прямыя, широкія и красивыя улицы, мощенныя асфальтомъ, чтобы избавить изнѣженныхъ сибаритовъ отъ невыносимой трескотни, несущихся мимо экипажей,—и вы будете имѣть поня-

тіе объ этомъ раѣ, объ этомъ лондонскомъ перлѣ, отданномъ во владѣніе богатыхъ аристократовъ. При придзніи этому кварталу такого деревенскаго, прелестнаго вида руководствовались слѣдующимъ эгоистическимъ выводомъ: такъ какъ скопленіе большаго количества людей въ одномъ мѣстѣ заражаетъ воздухъ и образуетъ вредные міазмы, сокращающіе человѣческую жизнь, то нужно же постараться спасти хоть богатыхъ людей отъ этой опасности, принять рѣшительныя мѣры для устраненія зловредныхъ міазмовъ, очистить и вытѣснить удушливый воздухъ идущій изъ плебейскихъ кварталовъ.

Эти мѣры городъ принялъ, совершенно забывъ о трудолюбивомъ рабочемъ людѣ и бѣднякахъ!..

Такимъ образомъ аристократическій кварталъ считается роскошнѣйшимъ мѣстомъ въ Лондонѣ, а украшающіе его парки — чудомъ совершенства.

Изъ всѣхъ парковъ самый замѣчательный — Гайдъ-паркъ, превосходящій роскошью деревъ и величиною всѣ существующіе парки въ мірѣ. Никакимъ интригамъ, никакимъ денежнымъ суммамъ не удалось откупить въ этомъ оазисѣ вѣчной зелени ни одного мѣстечка для постройки какой-нибудь виллы или дворца: все оставлено для прогулки пѣшкомъ, верхомъ или въ экипажахъ. Нѣтъ мѣста живописнѣе и оживленнѣе этого чудеснаго парка! Великолѣпные экипажи, кровныя лошади; дамы, лорды представляютъ зрѣлище, какого трудно найти гдѣ-либо въ мірѣ.

Здѣсь вы можете встрѣтить всѣхъ негодяевъ высшей сферы, и иностранныхъ туристовъ, лондонскихъ зѣвакъ, отчаянныхъ денди и влюбленныхъ стариковъ. Здѣсь же толпятся разодѣтые джентельмены, съ масивными золотыми цѣпочками, съ дорогими перстнями, украшающими всѣ пальцы и съ огромными брильянтовыми запонками. Вы съ удивленіемъ посматриваете на этихъ джентельменовъ и представляете ихъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ герцоговъ, князей или банкировъ; но вы жестоко ошибаетесь, потому что эти разодѣтые джентельмены

ничто иное какъ первые лондонскіе воры. И дѣйствительно, не успѣете вы сблизиться съ какимъ нибудь подобнымъ господиномъ, какъ вамъ уже на ухо шепчутъ: „mind your pockets"! (берегите карманы), и дѣлается предостереженіе однимъ изъ полицейскихъ агентовъ, которые сотнями разсыпаны въ толпѣ и зорко слѣдятъ за мнимыми герцогами, князьями и банкирами.

Описавъ, по возможности, кварталъ Вестъ-Эндъ и сборный пунктъ его жителей—Гайдъ-паркъ, скажу теперь нѣсколько словъ о самой древнѣйшей части города—Сити, о темномъ ульѣ рабочаго сословія—Клеркенуэлѣ. Улицы здѣсь, идущія въ гору, узки, кривы и едва мощены; многоэтажные старые дома тѣснятся другъ къ другу и какъ бы одинъ передъ другимъ тянутся кверху погрѣть на солнцѣ свои почернѣлыя, растрескавшіяся стѣны. Работа кипитъ здѣсь въ лавкахъ, мастерскихъ и кузницахъ, кипитъ отъ крыши до подвала: отцы, молодые и старые, стучатъ молотами, скрипятъ пилами и въ увеличительныя стекла исправляютъ механизмы часовъ. Оборванные ребятишки бѣгаютъ по улицѣ, прыгаютъ, визжатъ, какъ поросята, и отъ нечего дѣлать разрисовываютъ сѣрые камни домовъ разными рожами; исхудалыя, блѣдныя матери стоятъ въ сѣняхъ и укачиваютъ грудныхъ дѣтей, напѣвая грустныя, задумчивыя пѣсни съ дикими мотивами бѣдной Ирландіи...

Въ этомъ грустномъ кварталѣ стоитъ, въ видѣ косого четырехугольника, не менѣе грустное и монотонное зданіе тюрьмы Клеркенуэль, окруженное высокою, крѣпкою стѣною; оно своимъ нѣмымъ присутствіемъ придаетъ всему кварталу еще болѣе унылый, печальный видъ...

Во всемъ кварталѣ ни кусточка зелени, ни одного прохлаждающаго фонтана; повсюду одинъ только мрачный почернѣлый камень, нищета, но, нужно сознаться, нищета честная, благородная...

Эту часть города, бѣднаго рабочаго люда, постигло въ 1867 году, 13 декабря, страшное бѣдствіе; все ки-

пѣло здѣсь жизнью, молодые и старые работали въ потѣ лица, чтобы добыть себѣ насущное пропитаніе, какъ вдругъ, послѣ обѣда, что-то дрогнуло, треснуло, разорвало... Ударъ былъ глухой, подземный, отрывистый, а между тѣмъ крыши, трубы, окна, часть темничной стѣны и цѣлые дома разлетѣлись въ дребезги; камни, высоко поднявшись на воздухъ, произвели страшный трескъ, за которымъ послѣдовало гробовое молчаніе могилы, и тамъ, гдѣ прежде кипѣла жизнь, — царила грозная, отвратительная смерть. Послѣ непродолжительнаго, страшнаго безмолвія раздались болѣзненные, раздирающіе душу, стоны; изъ дымящихся развалинъ протягивались окровавленныя руки, которыя нѣмыми отчаянными жестами молили освободить несчастныхъ отъ давящихъ камней...

Вмѣсто скорой помощи явилась въ первый моментъ низкая, подлая чернь съ легіономъ воровъ и мошенниковъ, которые думали поживиться чѣмъ нибудь на страшной могилѣ. Это были существа, неимѣющія ничего общаго съ людьми, сопровождающія всякое народное несчастье. Вскорѣ послѣ черни явились пожарные, но тушить имъ было нечего, и ихъ инструменты годились развѣ только для приведенія несчастныхъ къ жизни. Въ эту страшную минуту погибло болѣе ста человѣкъ, не считая изувѣченныхъ; разрушенъ былъ цѣлый кварталъ; тысячи бѣдныхъ работниковъ остались безъ крова и лишились послѣдняго своего имущества... Этотъ ужасный взрывъ произошелъ вслѣдствіе злоумышленія ирландскихъ феніанъ, которые по нѣкоторымъ источникамъ, будто помышляли взорвать стѣну клеркенуэльской тюрьмы, чтобы освободить изъ нея своихъ предводителей Бреке и Кези; по другимъ же источникамъ, феніи взорвали часть города не съ цѣлью освобожденія своихъ предводителей, а съ цѣлью убить ихъ, чтобы они не открыли другихъ соучастниковъ. Дѣйствительно, если бы они были въ это время на дворѣ тюрьмы, то каменный дождь навѣрное положилъ бы

ихъ на смерть. Такимъ образомъ изъ желанія освобожденія или смерти двухъ лицъ сдѣлались жертвою столько несчастныхъ, трудящихся и ни въ чемъ неповинныхъ работниковъ... Самая тюрьма уцѣлѣла, потому что она находилась отъ стѣны гораздо дальше, чѣмъ противулежащіе дома, а иначе сила взрыва должна бы была сравнять ее съ землею...

Теперь остается описать самый отвратительный изъ кварталовъ—Севен-діальсъ (Seven-dials).

Нѣтъ ни одного города въ мірѣ богаче Лондона, но и нигдѣ нѣтъ такого, въ которомъ бы гнѣздилась подобная ужасающая нищета, который кишѣлъ бы такимъ множествомъ бродягъ, воровъ и другихъ отвергнутыхъ обществомъ и Богомъ людей. Хотя нищета существуетъ и въ другихъ городахъ Великобританіи, но въ Лондонѣ, рядомъ съ окружающею ее роскошью и богатствомъ, онъ кажется замѣтнѣе, отвратительнѣе. Недостатокъ работы, дороговизна жизни и испорченность нравовъ увеличиваютъ въ немъ нищету и бродяжничество ежегодно въ огромныхъ размѣрахъ, всѣ усилія лондонскихъ благотворительныхъ обществъ предотвратить эту нищету, поднять изъ грязи и пороковъ почти третью часть лондонскаго населенія—мало успѣшны, и народъ, въ ожиданіи лучшаго будущаго, страшно бѣдствуетъ... Въ Лондонѣ существуетъ нѣсколько отвратительныхъ кварталовъ, въ которыхъ живетъ самое грязное и беднѣйшее населеніе. Здѣсь тѣснятся всѣ неимѣющіе крова и пристанища, угнетенные судьбою, преслѣдуемые закономъ; здѣсь проводятъ большую часть жизни, брошенныя на произволъ судьбы погибшія преждевременно старѣющія отъ болѣзней, холода и голода. Здѣсь бѣдность, нищета и всякаго рода пороки соединяютъ истинно несчастныхъ съ самыми низкими мошенниками и негодяями.

Но изъ всѣхъ этихъ кварталовъ не найти ужаснѣе—Уайтъ-Чапеля и Севенъ-діальса которые состоятъ изъ узкихъ, кривыхъ, совершенно немощеныхъ переулковъ,

не имѣющихъ трубъ для стока нечистотъ, съ зараженными клоаками и воздухомъ. По сторонамъ стоятъ вмѣсто домовъ какія-то полуразрушенныя лачужки съ заклеенными бумагою или даже съ заколоченными окнами, которыя своимъ видомъ напоминаютъ хлѣва и собачьи конуры.

Днемъ эти кварталы поражаютъ путешественника ужасающею нищетою и смрадомъ. Населеніе этихъ кварталовъ повернуло вверхъ дномъ обыкновенное теченіе сутокъ: спитъ днемъ, а ночью —бодрствуетъ и веселится. Днемъ по большой части здѣсь все тихо и какъ-то пусто; вы не увидите обитателей этихъ грязныхъ и вонючихъ домовъ, кромѣ нѣсколькихъ евреевъ, торгующихъ старымъ хламомъ, двухъ-трехъ женщинъ, протягивающихъ къ прохожимъ руки, да съ десятокъ блѣдныхъ дѣтей, валяющихся передъ домами въ однѣхъ и тѣхъ же лужахъ со свиньями. Повсюду вы увидите вывѣшанныя, какъ бы для продажи, лохмотья, грязь, смрадныя лужи, кучи мусора; повсюду удушающая, доводящая непривычнаго человѣка до обморока вонь, да услышите изрѣдка площадную брань и ругательства, раздающіяся изъ близь лежащихъ кабаковъ...

Эти кварталы по истинѣ можно назвать заразою Лондона, его язвами и злокачественными ранами.

Изъ короткаго описанія трехъ различныхъ кварталовъ можно вывести грустное заключеніе, что въ Англіи заботятся о богатомъ сословіи болѣе нежели о бѣдномъ, которое предоставлено исключительно самому себѣ. И это называется просвѣщеніемъ и человѣколюбіемъ!?... Удивительное человѣколюбіе заботиться о богатомъ, у котораго все есть, оставляя бѣднаго въ его ужасной нищетѣ! Неужели бѣдному нельзя дать хоть одну радость въ этомъ свѣтѣ,—чистый и здоровый воздухъ? Неужели бѣдный не такой же человѣкъ, какъ и богатый, чтобы не могъ надѣяться на устройство въ своихъ кварталахъ разныхъ воздухоочиститель-

ныхъ средствъ, какъ-то парковъ, фонтановъ, хорошихъ трубъ для стока нечистотъ и т. д.? Вѣроятно, по мнѣнію многихъ, не такой, если до сихъ поръ въ большей части просвѣщеннѣйшихъ городовъ, а въ особенности въ Лондонѣ, всѣ улучшенія дѣлаются только въ аристократическихъ частяхъ города... Грустенъ этотъ фактъ, но что дѣлать—онъ на лицо...

Первая половина пребыванія въ Лондонѣ была посвящена наружному осмотру города вообще, но вторая—исключительно однимъ только замѣчательнымъ зданіямъ и мѣстамъ. Первое зданіе, которое привлекло особенное вниманіе, былъ парламентъ—политическій центръ Великобританскаго королевства, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ мірѣ и величайшее произведеніе готической архитектуры. Онъ находится на лѣвомъ берегу Темзы близъ Вестминстерскаго моста и Вестминстерскаго аббатства, на мѣстѣ древняго Вестминстерскаго королевскаго дворца, сгорѣвшаго до тла 16 октября 1834 года и въ которомъ помѣщалась верхняя и нижняя палаты. Строителемъ этого великолѣпнаго зданія, заложеннаго 27 апрѣля 1840 года, былъ знаменитый и талантливый архитекторъ Карлъ Берри (Cherles Barry), который въ продолженіе почти семи лѣтъ неустанно работалъ надъ своимъ произведеніемъ, превзошедшимъ всѣ его предъидущія. Зданіе это громадно и достойно Великобританіи; оно нарочно построено въ готическомъ стилѣ тюдоровскихъ временъ, чтобы не очень отличаться отъ стариннаго аббатства. Снаружи строеніе это имѣетъ четыре фасада, изъ которыхъ самый замѣчательнѣйшій восточный или параллельный Темзѣ, который, имѣя 900 футовъ длины, раздѣляется на пять главныхъ частей, украшенныхъ статуями и гербами королей Англіи со временъ Вильгельма-Завоевателя.

Это чудное зданіе украшено тремя главными башнями; изъ нихъ самая замѣчательная королевская, или башня Викторіи, имѣющая 340 футовъ въ высоту. Въ срединѣ красуется такъ называемая „средняя башня“ въ

300 футъ высоты и наконецъ, со стороны Вестминстерскаго моста возвышается „колокольная башня“, поднимающаяся на двадцать футъ выше предъидущей, Кромѣ того, длинныя линіи зданія прерываются еще другими меньшими башнями, которыя своими живописными формами и положеніями придаютъ парламенту чрезвычайно разнообразный, эфектный и привлекательный наружный видъ.

Надъ парламентомъ красуются самые большіе часы въ мірѣ, на которые слѣдуетъ каждому путешественнику обратить вниманіе, потому что онъ ничего подобнаго не встрѣтитъ въ другихъ городахъ. Они состоятъ изъ четырехъ циферблатовъ, имѣющихъ 22 фута въ діаметрѣ. Черезъ каждую минуту кончикъ минутной стрѣлки подвигается почти 14 дюймовъ. Часы эти идутъ восемь съ половиною дней, но бьютъ всего только въ продолженіе семи съ половиною и ихъ молчаніе краснорѣчиво показываетъ, что они забыты часовымъ мастеромъ, которому поручено надъ ними наблюденіе. Весь механизмъ часовъ чугунный, длина маятника 15 футовъ, боевой колоколъ 8 футъ въ вышину, 19—въ діаметрѣ и вѣситъ слишкомъ 900 пудовъ, между тѣмъ какъ молотокъ, ударяющій въ колоколъ, вѣситъ болѣе 10 пудовъ.

Часы бьютъ четверти и по нимъ парламентскіе стенографы повѣряютъ свои часы: черезъ каждыя четверть часа они смѣняются и идутъ печатать свои замѣтки. На заводъ этихъ чудовищныхъ часовъ требуется болѣе двухъ часовъ времени.

Вообще англичане отличаются своею оригинальностью: сдѣлать что нибудь выходящее изъ ряду вонъ, построить какую нибудь вещь, которой нельзя было бы найти во всемъ мірѣ—это дѣло ихъ затѣй...

Внутренность парламента совершенно соотвѣтствуетъ его наружному виду: таже величественность, роскошь отдѣлки и красота. Множество превосходныхъ залъ и комнатъ украшены великолѣпными фресками и живо-

писью; въ нихъ, кромѣ нижней и верхней палаты, помѣщаются разныя судебныя и присутственныя мѣста, библіотека, картинная галерея и пр.

Но замѣчательнѣе и великолепнѣе всѣхъ залъ—это старая Вестминстерская зала, одна только уцѣлѣвшая отъ королевскаго дворца во время пожара 1834 года; она была построена въ XI вѣкѣ знаменитымъ архитекторомъ Вилліамсомъ Руфусомъ, возобновлена въ царствованіе Ричарда II, въ XIV столѣтіи, и служила нѣкогда для засѣданій парламента. Длина ея 290 футъ, ширина — 68 и наконецъ высота — 110 футъ, и въ то же время она не поддерживается ни одною колонною. Въ ней расположены побѣдные трофеи Англіи; два ряда статуй знаменитыхъ государственныхъ людей стоятъ по срединѣ, а стѣны ея украшены превосходными картинами, изображающими различные эпизоды изъ войнъ Англіи съ врагами.

Старая Вестминстерская зала знаменита своими историческими воспоминаніями: здѣсь именно парламентъ произнесъ надъ злосчастнымъ Карломъ I смертный приговоръ, отсюда же этотъ самый парламентъ былъ выгнанъ Кромвеллемъ украшеннымъ въ этой залѣ въ пурпуровую мантію и возведеннымъ въ званіе лорда—протектора Англійской Республики. Въ этой же залѣ возникъ изъ-за жестокаго обращенія съ туземцами и рѣшался въ 1785 году, знаменитый процесъ Гастингса, генералъ губернатора Остъ-Индіи, чемъ адвокаты Буркъ и Шериданъ своимъ удивительнымъ краснорѣчіемъ затмили великихъ ораторовъ древности: Цицерона и Демосѳена. Здѣсь же приговоренъ былъ къ смерти извѣстный историкъ Томасъ Муръ, великій констебль, лордъ, герцогъ букингамскій Эдуардъ Стафортъ и наконецъ Сомерсетъ, братъ Іоанны Сеймуръ, супруги жестокаго короля Генриха VIII. Въ этой же залѣ судилась за двумужество герцогиня Кенгсигтонская и за убійство Чеуорта Байронъ, дѣдъ знаменитаго англійскаго поэта. Вообще эта зала знаменита по своимъ историческимъ

воспоминаніямъ; теперь же она служитъ ни болѣе, ни менѣе какъ пріемною комнатою дома парламента и высшихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ, т. е. суда лорда Канцлера (Court of Exchequer), Королевской Скамьи (Queen s Bench) и суда Общихъ Исковъ и Казначейства (Commonpleas and Chancellers court), помѣщающихся въ западной части зданія.

Въ другихъ залахъ парламента также висятъ превосходныя картины, изображающія разныя историческія событія, поставлены статуи законодателей, ораторовъ, судей и королевы Викторіи, которая является повсюду то на полотнѣ, то въ мраморѣ, то въ бронзѣ...

На другой день я осмотрѣлъ другое замѣчательное зданіе—Лондонскую башню (London Tower), построенную, по преданію, Вильгельмомъ-Завоевателемъ въ 1078 году. Она лежитъ на лѣвомъ берегу Темзы, на небольшомъ возвышеніи, въ полумили разстоянія отъ Лондонскаго моста. Это древнее зданіе, господствующее подъ Темзою отъ бухты Спасителя до пристани св. Олафа, состоитъ изъ массы валовъ, воротъ, стѣнъ съ бастіонами и башнями, изъ часовень и колоколенъ самой древней рыцарской архитектуры.

Смотря на эту массу зданій, покрытыхъ трещинами и выбоинами, невольно вспоминаешь грустныя страницы исторіи Англіи, когда невинная кровь смачивала можетъ быть тѣ самыя мѣста, около которыхъ проходишь теперь безъ всякаго сожалѣнія и содроганія, когда знаменитые и самые знатные люди Англіи, только вслѣдствіе жестокости и мнительности англійскихъ королей, томились въ этихъ мрачныхъ, душныхъ стѣнахъ; гдѣ измѣннически убивали ихъ, рѣзали, топили и душили. Смотря на эти мрачныя зданія, невольно вспоминаешь жестокосерднаго короля Генриха VIII и свирѣпаго герцога Глостера—убійцу и исполнителя подлыхъ порученій своего низкаго родственника короля Ричарда, позорными поступками очистившаго себѣ дорогу къ англійской коронѣ...

Два знаменитыхъ зодчихъ составляли планы главныхъ частей Лондонской башни: одинъ бѣдный монахъ Гундульфъ Плакальщикъ, а другой могущественный король Генрихъ Строитель. Въ пятнадцатомъ столѣтіи это замѣчательное зданіе служило королевскою резиденціею и въ это время невинная кровь смѣшивалась съ виномъ, крики веселья на славномъ пиру--съ воплями и плачемъ множества несчастныхъ жертвъ, заключенныхъ въ эти мрачныя стѣны... Пожаръ, бывшій 30 октября 1841 года, уничтожилъ часть Лондонской башни, этой государственной тюрьмы, при чемъ погибли всѣ государственныя сокровища, хранившіяся въ арсеналѣ, кромѣ великолѣпнаго герба, украшавшаго входную дверь. Этотъ пожаръ истребилъ также всю внутренность такъ называемой Круглой башни, въ комнатахъ которой совершались самыя ужаснѣйшія злодѣянія жестокаго герцога Глостера: въ одной изъ нихъ онъ утопилъ въ бочкѣ вина своего родного брата герцога Кларенскаго, а въ другой—зарѣзалъ своихъ племянниковъ: двѣнадцатилѣтняго короля Эдуарда V и восьмилѣтняго брата его Ричарда, герцога Іоркскаго.

Пожаръ 30 октября, едва не истребилъ также, такъ называемыя, Бѣлую и Новую башни, въ которыхъ хранились драгоцѣнности государства слишкомъ на два милліона фунтовъ стерлинговъ, но благодаря энергичнымъ мѣрамъ, эти башни вмѣстѣ съ церковью св. Петра, находящеюся при Лондонской башнѣ, были спасены. Въ этой церкви погребены: злосчастная жена короля Генриха VIII, Анна Болейнъ, несчастная Марія Шотландская, Кромвель и многія жертвы жестокости англійскаго деспота, казненные въ лондонской башнѣ.

Бѣлая башня, самая древняя и обширнѣйшая, представляетъ остатокъ нормандской архитектуры. Въ ней находится замѣчательная часовня, прозванная Кесарскою, въ которой хранятся модели различныхъ фортовъ, какъ англійскихъ, такъ и иностранныхъ. Передъ часовнею стоитъ мраморная статуя герцога Велингтона.

Башня, прозванная Бошанъ (Beauchamp), служила мѣстомъ заключенія многихъ знаменитыхъ лицъ Англіи, какъ напримѣръ: Анны Болейнъ, Екатерины Говардъ, Іоанны Грей, Дудлей и Филиппа—сыновей графа Норфолькскаго, историка сэра Вальтера Ралей, томившагося въ этихъ ужасныхъ стѣнахъ болѣе двѣнадцати лѣтъ и начавшаго здѣсь въ душной атмосферѣ свою всемірную исторію. Здѣсь же понесъ заслуженную кару лордъ-канцлеръ Джеффрезъ, самый подлый и жестокій изъ судей, долгое время позорившій англійское правосудіе. Такимъ образомъ среди всѣхъ этихъ невинныхъ жертвъ стоитъ только одинъ преступникъ!...

Другая башня, Векфильдская, извѣстна смертною казнью короля Генриха VI; третья, неизвѣстнаго имени, служила темницею королевѣ Елизаветѣ; на одномъ изъ дворовъ башни были казнены несчастныя жены Генриха VIII Анна Болейнъ и Екатерина Говардъ; здѣсь же погибъ знаменитый историкъ Томасъ Муръ, а также молодая, прекрасная соперница королевы Елизаветы—леди Грей, внучка короля Генриха VII. Однимъ словомъ, каждый уголокъ Лондонской башни замѣчателенъ какимъ нибудь грустнымъ историческимъ фактомъ, и путешественникъ, внимательно осмотрѣвшій все зданіе и основательно изучившій всѣ его достопримѣчательности, можетъ смѣло сказать, что ему извѣстна по крайней мѣрѣ четверть всей исторіи Англіи, а именно самыя черныя ея страницы.

Осмотрѣвши это замѣчательное въ историческомъ значеніи зданіе, я рѣшился бросить бѣглый взглядъ на знаменитые лондонскіе доки, лежащіе по близости, а за тѣмъ спуститься по рѣкѣ къ извѣстному Гринвичскому госпиталю для флотскихъ инвалидовъ. Лондонскіе доки съ перваго же взгляда поразили меня своею гигантскою постройкою; они представляютъ рядъ великолѣпнѣйшихъ бассейновъ, въ которыхъ вода можетъ по произволу возвышаться или понижаться помощью шлюзовъ,

находящихся въ сообщеніи съ Темзою. Эти исполинскіе бассейны могутъ вмѣстить въ себя болѣе 1,500 самыхъ большихъ кораблей и при томъ на столько глубоки, что по нимъ плаваютъ всевозможныя океанскія суда при полномъ грузѣ. Набережная этихъ бассейновъ, обстроена чудесными шести и даже семи-этажными амбарами и почти столько же этажными погребами, въ которыхъ сохраняются отъ порчи и воровъ всѣ привозимые товары до тѣхъ поръ, пока за нихъ не будутъ уплачены пошлины.

Ежедневно приходятъ сюда массы нагруженныхъ кораблей, которые въ самое короткое время разгружаются, нагружаются другими товарами и опять несутся въ море, въ далекія страны всего міра. Если войти внутрь бассейновъ, то они имѣютъ видъ огромнаго муравейника, въ которомъ кипитъ необыкновенно-дѣятельная работа: множество работниковъ и носильщиковъ переносятъ на плечахъ товары съ судовъ въ амбары и обратно, все движется, дѣятельно работаетъ изъ за куска хлѣба. Разнокалиберность этихъ работниковъ и носильщиковъ поразительная; тутъ вы встрѣтите людей всѣхъ возрастовъ, разныхъ націй и званій: бездомныхъ ремесленниковъ, старыхъ матросовъ, прежнихъ таможенныхъ, полицейскихъ, чиновниковъ, духовныхъ лицъ, выгнанныхъ со службы за какіе нибудь противузаконные поступки, освобожденныхъ преступниковъ, уволенныхъ слугъ, прикащиковъ, извѣстныхъ воровъ—однимъ словомъ, всѣхъ, кто хочетъ ѣсть и не можетъ другимъ трудомъ добыть себѣ кусокъ хлѣба.

Положеніе этихъ работниковъ ужасно: изнуренные голодомъ, худые—они производятъ на новичка подобнаго зрѣлища потрясающее дѣйствіе. Въ Лондонѣ устроено шесть доковъ, которые ежедневно могутъ доставить работу болѣе тридцати тысячамъ бѣдныхъ людей... Ѣсть или не ѣсть этой массѣ въ извѣстный день, получить или не получить кусокъ хлѣба — совершенно зависитъ отъ погоды: бываютъ дни, когда, вслѣдствіе

противныхъ сильныхъ вѣтровъ, приходитъ въ Лондонъ такое ограниченное число судовъ, что вся эта масса бѣдныхъ людей остается нѣкоторое время совершенно безъ куска хлѣба, и отчаянное положеніе губитъ многихъ изъ нихъ истинно бѣдныхъ, развращаетъ ихъ и бросаетъ въ среду воровъ и мошенниковъ, въ обществѣ которыхъ они поневолѣ дѣлаются сами ворами и мошенниками, которые ежегодно плодятся въ Лондонѣ въ поражающей прогрессіи. При этомъ большая часть воровъ не воруетъ въ одиночку, но образуетъ правильно организованныя шайки, которыя раздѣляютъ между собою всѣ извѣстные имъ способы воровства, вслѣдствіе чего лондонскіе воры и мошенники по справедливости могутъ назваться первыми въ свѣтѣ. Въ настоящее время извѣстны въ Англіи шесть способовъ воровства: 1) нахальное воровство съ грабежомъ, при чемъ члены этой шайки грабятъ публику чуть ли ни днемъ, врываются въ квартиры съ оружіемъ и обираютъ на улицѣ въ сообщничествѣ женщинъ, 2) воровство соединенное съ задушеніемъ жертвы [1]) или опаиваньемъ ее крѣпкими напитками; 3) тихое воровство, при чемъ отъ членовъ этой шайки требуется необыкновенная ловкость и проворство; 4) обдуманное воровство, при чемъ воры пріобрѣтаютъ сперва довѣріе своей жертвы и тогда только при удобномъ случаѣ обираютъ все до послѣдней нитки; 5) артистическое воровство; кругъ дѣйствія этой шайки ограничивается искусною подделкою разныхъ денежныхъ бумагъ, и наконецъ къ шестому разряду принадлежатъ укрыватели ворованныхъ вещей и

[1]) Воры этой категоріи наводили въ недавнее время необыкновенный ужасъ на лондонскихъ жителей, но въ настоящее время они не опасны. Они назывались душителями или рёфами, подкарауливали въ извѣстномъ мѣстѣ жертву, при чемъ одинъ изъ нихъ нападалъ на нее сзаду и сильно сжималъ ей горло, другой быстро очищалъ карманы и обиралъ все, что только можно было унести и сбыть; между тѣмъ остальные рёфы стояли насторожѣ и предупреждали во время своихъ товарищей о приближеніи полисмена или другой жертвы. Рёфы самые отчаянные убійцы и воры.

фальшивые монетчики. Съ ворами тѣсно связаны нищіе, которые, часто прикрываясь своею бѣдностью и жалкимъ видомъ, пробираются въ дома, высматриваютъ расположеніе комнатъ, снимаютъ слѣпки съ замковъ, узнаютъ о привычкахъ хозяевъ, о мѣстахъ, гдѣ хранятся драгоцѣнности и деньги, и обо всемъ этомъ передаютъ ворамъ, которые уже знаютъ какъ приступить и обдѣлать хорошее дѣло....

Осмотрѣвъ гигантское сооруженіе доковъ, я отправился внизъ по Темзѣ къ Гринвичскому госпиталю, красиво расположенному на лѣвомъ берегу рѣки среди чудесныхъ садовъ и дворцовъ; повсюду прекрасные виды и зелень. Чего лучшаго могутъ пожелать труженики моря! Темза, какъ на ладони, наводитъ ветерановъ, любующихся изъ своихъ садовъ на быстро несущіеся, покрытыя парусами суда, на веселыя, дорогія ихъ сердцу воспоминанія о своей молодости, путешествіяхъ, о испытанныхъ ими буряхъ и непогодахъ, и идутъ у нихъ разсказы о прежней веселой, удалой жизни, которымъ и конца нѣтъ. Англійское правительство не могло выбрать лучшаго мѣста, чтобы успокоить подъ старость своихъ матросовъ-ветерановъ. Даже самое зданіе, въ которомъ они помѣщаются, напоминаетъ имъ о ихъ былой, хотя трудной, но веселой жизни: передъ входомъ помѣщается огромный глобусъ, внутри зданія— модели судовъ, карты, картины морскихъ сраженій, миѳологическія статуи четырехъ главныхъ вѣтровъ, и наконецъ бюсты замѣчательныхъ морскихъ дѣятелей, принесшихъ посильную пользу флоту и морскимъ наукамъ...

Въ госпиталѣ помѣщается около 3,000 ветерановъ; ихъ отлично одѣваютъ, кормятъ и вообще заботятся съ отеческою добротою...

Кромѣ вышеописанныхъ лондонскихъ зданій, сооруженій и мѣстъ, достойны особеннаго вниманія: Вестминстерское аббатство, Хрустальный дворецъ, соборъ св. Павла, наконецъ Британскій музеумъ и Зоологическій садъ.

Вестминстерское аббатство самое величественнѣйшее и древнее зданіе всемірнаго города, построено въ 616 году, саксонскимъ королемъ Себертомъ, но возобновлено впослѣдствіи при Генрихѣ III и Эдуардѣ I. Въ немъ короновались и погребались всѣ англійскіе короли и королевы, начиная съ Эдуарда Исповѣдника до настоящаго времени.

Наружный видъ аббатства поражаетъ своею величественною и древнею архитектурою, смѣсью древней британской, греческой и готической; оно помѣщается противъ парламента, новый и прекрасный видъ котораго представляетъ огромную противоположность съ почернѣвшими и надтреснувшими стѣнами его предка, и черезъ это сочетаніе новизны со стариною много выигрываетъ Вестминстерская площадь, которой придается этимъ чрезвычайно величественный характеръ.

Внутренность аббатства отличается легкостью, соразмѣрностью и роскошью своей архитектуры; множество прекрасныхъ гробницъ, статуй и памятниковъ красовалось во всѣхъ предѣлахъ храма, изъ которыхъ самый замѣчательный предѣлъ Эдуарда Исповѣдника, артистической отдѣлки, съ чудесными гробницами и памятниками англійскихъ королей и королевъ.

Въ другихъ частяхъ храма англійскій народъ не забылъ поставить памятники всѣмъ тѣмъ, которые, какимъ-бы то ни было образомъ, способствовали къ возвеличенію его славы и могущества. Тутъ вы увидите героевъ, воиновъ, знаменитыхъ государственныхъ людей, замѣчательныхъ проповѣдниковъ и, наконецъ, въ такъ называемомъ поэтическомъ углу аббатства, поэтовъ, писателей, мыслителей и изобрѣтателей.

Этотъ знаменитый поэтическій уголъ находится при восточномъ входѣ аббатства; здѣсь возвышаются памятники величайшимъ поэтамъ: Вилльяму Шекспиру, Аддисону, Мильтону, Гольдсмиту и многимъ другимъ; но между ними, къ сожалѣнію, посѣтитель не найдетъ изображенія Байрона, знаменитаго пѣвца Чайльдъ-Га-

рольда, потому что прекрасная статуя этого поэта, сдѣланная талантливымъ Торвальдсеномъ, была отвергнута деканомъ храма, какъ статуя человѣка безнравственнаго и порочнаго... Другой замѣчательный храмъ всемiрнаго города, соборъ св. Павла, величайшее произведенiе знаменитаго англiйскаго архитектора Христофора Врена. Храмъ этотъ стоитъ на землѣ, которая, въ теченiе двухъ тысячъ лѣтъ, была посвящена богопочитанiю, потому что на этомъ же самомъ мѣстѣ во времена римлянъ, уже стоялъ храмъ посвященный богинѣ охоты Дiанѣ. Только въ 604 году епископъ Августинъ основалъ здѣсь христiанскiй соборъ, который два раза былъ разрушаемъ сильнымъ пожаромъ (въ 900 году и 1135 г.); но черезъ нѣсколько времени послѣ несчастья всегда красовался здѣсь новый соборъ еще величественнѣе и роскошнѣе.

Наконецъ въ третiй разъ (въ 1666 году) такое несчастье постигло вновь построенную церковь, и тогда только на ея мѣстѣ былъ воздвигнутъ настоящiй соборъ св. Павла — созданiе знаменитаго и талантливаго Христофора Врена. Тридцать пять лѣтъ (съ 1675 по 1710 годъ) трудился Вренъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ надъ этимъ чудеснымъ сооруженiемъ, трудился честно, бережливо и все-таки его обвинили въ обманѣ, въ утайкѣ значительныхъ суммъ, отпущенныхъ на постройку. Только по прошествiи нѣкотораго времени, назначенная для провѣрки его счетовъ комиссiя самымъ блестящимъ образомъ оправдала этого талантливаго и трудолюбиваго архитектора, которому приписываютъ, кромѣ постройки множества частныхъ и общественныхъ домовъ въ Лондонѣ, созданiе двадцати одной церкви и двадцати восьми часовень.

Самъ онъ похороненъ въ соборѣ св. Павла и надъ его могилою вырѣзаны слѣдующiя прекрасныя слова: „Здѣсь погребенъ строитель этого храма и этого города. Не для себя, но для общаго блага прожилъ онъ де-

вяносто лѣтъ. Ты ищешь его памятника? — посмотри вокругъ себя?".

Соборъ св. Павла имѣетъ форму латинскаго креста и своимъ наружнымъ видомъ много походитъ на римскій соборъ св. Петра; три красивыхъ портика украшаютъ три входа, и къ величайшему изъ нихъ, на западной сторонѣ, ведетъ великолѣпная лѣстница въ двадцать восемь ступеней изъ чернаго мрамора. На этой же сторонѣ помѣщается прекрасный барельефъ, изображающій славное обращеніе св. Павла, а нѣсколько выше поставлены изображенія св. Петра, св. Іакова и четырехъ евангелистовъ, а во главѣ всѣхъ, на вершинѣ фронтисписа—колоссальная статуя св. Павла.

Куполъ собора по величинѣ второй въ мірѣ послѣ купола св. Петра въ Римѣ, окруженъ 22 коринѳскими колоннами, которыя образуютъ такъ называемую „шепотную галерею", въ которой отъ купола такъ отражаются звуки, что на разстояніи ста слишкомъ футовъ слышенъ самый тихій разговоръ такъ ясно, какъ будто разговаривающіе стоятъ у самаго уха слушающаго.

Внутренность собора, раздѣленная на три части тремя рядами чудесныхъ колоннъ въ 100 футъ высотою и 10 въ поперечникѣ, украшена превосходною живописью, лучшимъ органомъ въ королевствѣ, красивѣйшею каѳедрою, множествомъ статуй, знаменами и другими трофеями войнъ. Подъ церковью помѣщается цѣлый городъ мертвецовъ, состоящій изъ лабиринта комнатъ, залъ и корридоровъ со сводами; но большая часть могилъ, которыхъ насчитываютъ до $3^1/_2$ тысячъ, остается до сихъ поръ незанятою и только въ нѣкоторыхъ лежатъ останки знаменитыхъ мужей Англіи, въ томъ числѣ знаменитаго морскаго героя Нельсона, сухопутнаго—герцога Велингтона и талантливаго Христофора Врена.

Вообще соборъ св. Павла достоенъ вниманія путешественника какъ по изящности отдѣлки и архитектуры, такъ и по историческимъ памятникамъ, статуямъ и гробницамъ... Самое величественное зданіе въ Лон-

донѣ, безспорно, Вестминстерское аббатство, самое великолѣпное — парламентъ, но хрустальный дворецъ можетъ почесться самое изящнѣйшее и фантастическое.

Это геніальное твореніе Пакстона, инспектора сада герцога Давонширскаго, созданное только изъ желѣза и стекла, представляетъ какой-то дворецъ изъ сказочнаго міра, въ которомъ живутъ однѣ только феи и волшебницы. Онъ занимаетъ пространство почти въ мильонъ квадратныхъ футъ; на основаніи изъ цемента и кирпича возвышаются легкія, вылитыя изъ желѣза въ 24 фута вышины, колонны перваго этажа; надъ нимъ поднимается новый этажъ съ колоннами въ 20 футовъ вышины, а надъ этимъ—третій, построенный точно также и на такой же высотѣ. Промежутки между колоннами покрыты стекломъ; крыша сдѣлана изъ того же матерьяла, и въ общемъ все это производитъ такой эфектный видъ, что невольно переносишься изъ здѣшняго міра въ міръ фантазій и чудесъ.

Чудеснѣйшее и колоссальное это зданіе было воздвигнуто менѣе чѣмъ въ пять мѣсяцевъ и предназначалось для первой всемірной лондонской выставки, 1851 года; по окончаніи выставки, парламентъ рѣшилъ уничтожить хрустальный дворецъ, и онъ былъ разрушенъ еще скорѣе, чѣмъ созданъ, но впослѣдствіи опять возобновленъ въ окрестностяхъ Лондона, Сейденгамѣ, въ двадцати минутахъ ѣзды отъ этой столицы по кройдонской дорогѣ.

Въ послѣдній день 1866 года его постигло первое несчастье, напугавшее все народонаселеніе Лондона, которое по справедливости, гордится этимъ удивительнымъ зданіемъ; творенію Пакстона угрожала большая опасность — пожаръ. Огонь показался въ воскресенье, во второмъ часу, въ нижнемъ этажѣ дворца, въ такъ называемомъ тропическомъ отдѣлѣ, въ которомъ помѣщалось множество дорогихъ растеній, деревъ и рѣдкихъ животныхъ. Пламя распространилось съ необык-

новенною силою, стекла лопались и сыпались на землю, колонны и желѣзныя стропила растоплялись и падали въ видѣ огненнаго дождя, растенія ярко горѣли, животныя выли и стонали отъ ужаса. Не смотря на энергичную работу прилетѣвшихъ пожарныхъ, часть Хрустальнаго дворца была совершенно истреблена, причемъ правительство понесло убытковъ слишкомъ на $^{1}/_{2}$ мильона рублей. Но черезъ нѣсколько времени онъ опять былъ возобновленъ, и въ настоящее время красуется во всемъ своемъ величіи, окруженный прекрасными садами, украшенный каменными колоннадами и чудеснѣйшимъ артезіанскимъ колодцемъ.

Внутреннее украшеніе дворца, чудесные предметы, хранящіеся въ немъ, превосходятъ всякое описаніе. Все въ немъ такъ прекрасно, такъ разнообразно, что глаза разбѣгаются отъ удовольствія и съ живымъ любопытствомъ перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому. Нѣтъ никакой возможности описать всего, что въ немъ хранится, и даже внимательно осмотрѣть, потому что для этого понадобилось бы ни день и ни два, а можетъ быть цѣлая недѣля и даже двѣ. Сюда собраны разнообразные предметы со всѣхъ концовъ міра; здѣсь выставляютъ свои произведенія всѣ желающіе: художники, скульпторы, фабриканты и т. д. Здѣсь же вы можете любоваться и русскими произведеніями; особенно обращаютъ на себя вниманіе англійской публики превосходныя картины нашего извѣстнаго профессора Верещагина, представляющія различные факты изъ азіятской жизни; передъ ними почти постоянно толпится много разнородной публики...

Другое замѣчательное собраніе рѣдкостей, но уже древнихъ, находится въ такъ называемомъ Британскомъ музеѣ (British Museum). Основателемъ этого замѣчательнаго и богатаго собранія, превосходящаго всѣ подобныя въ мірѣ, былъ сэръ Гансъ Слонъ (Sir Hans Sloane) завѣщавшій послѣ смерти, въ 1753 году, свои

неоцѣнимыя коллекціи англійскому правительству. Музей заключаетъ въ себѣ четыре главныя коллекціи, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются еще на второстепенныя. Главныя коллекціи слѣдующія: коллекція скульптуры и памятниковъ, предметовъ этнографіи и древностей, затѣмъ — предметовъ естественной исторіи и наконецъ библіотека.

Первая коллекція занимаетъ часть нижняго этажа и заключаетъ въ себѣ художественныя произведенія Рима, Греціи, Египта, Ассиріи и Ликіи. Изъ множества предметовъ, составляющихъ эту замѣчательную коллекцію, слѣдуетъ обратить вниманіе: въ греческомъ отдѣлѣ на обломки Аѳинскаго Парѳенона, найденные и присланные въ Англію лордомъ Эльджиномъ (Elgin); а въ египетскомъ, самомъ богатомъ и интересномъ,—на камень прозванный Розеттъ, исписанный египетскими іероглифами съ греческимъ переводомъ: этотъ камень служилъ извѣстнымъ филологамъ Шампильону и Юнгу первымъ средствомъ къ разбору египетскихъ письменъ. Далѣе замѣчательны: прекрасно сдѣланная голова сфинкса, верхняя часть статуи Рамзеса Великаго, взятая изъ Ѳивскаго мемноніума, и множество другихъ статуй королей и боговъ.

Ассирійская коллекція составлена изъ открытій Лайара въ Ниневіи, а Ликійская—изъ предметовъ, найденныхъ въ Малой Азіи. Коллекція предметовъ этнографіи и древности занимаетъ большую часть верхняго этажа и состоитъ изъ собранія домашней утвари, предметовъ туалета, орудій и матерій на платья изъ Египта, греческихъ, этрусскихъ и римскихъ вазъ, бронзовыхъ вещей и другихъ древностей, а также изъ оружія, идоловъ, утвари, одежды и орудій азіятскихъ, американскихъ, африканскихъ и австралійскихъ племенъ, и наконецъ тутъ же хранятся антики древней Великобританіи и Скандинавіи, временъ владѣнія Англіею римлянами и англо-саксонцами.

Въ этомъ отдѣлѣ хранится также деревянный гробъ

съ человѣческими костями, найденный въ пирамидѣ, построенной фараономъ Минкера. По мнѣнію Лапсіуса, эти кости принадлежатъ египетскому фараону, умершему 5170 лѣтъ тому назадъ.

Коллекція предметовъ естественной исторіи очень занимательна и обширна, но особеннаго въ ней ничего нѣтъ.

Библіотека же богата азіятскими рукописями, различными хартіями, грамотами и другими важными документами. Въ ней хранится экземпляръ первой Библіи, отпечатанной Гутенбергомъ, подлинникъ „Большой хартіи“ и многихъ другихъ хартій среднихъ вѣковъ, подлинникъ смертнаго приговора Карла I со всѣми подписями и наконецъ единственный автографъ Шекспира и Ньютона. Вообще библіотека богата разными историческими документами.

Лондонскій зоологическій садъ можетъ служить образцомъ для другихъ; богатство и разнообразіе ихъ удивительны; тутъ собраны всѣ представители царства животнаго, которые являются здѣсь въ особенно замѣчательныхъ экземплярахъ отъ самыхъ громадныхъ созданій, до самыхъ незамѣтныхъ.

Особенно замѣчателенъ отдѣлъ птицъ, и въ немъ постоянно толпится много любопытныхъ, не смотря на страшный шумъ, свистъ, пѣнье, щелканье и крикъ. Тутъ вы увидите всѣхъ птицъ стараго и новаго свѣта, во всѣхъ ихъ видахъ и видоизмѣненіяхъ, отовсюду, куда только ступала человѣческая нога.

Изъ отдѣла животныхъ замѣчательны два экземпляра: новый видъ сѣверныхъ оленей съ хвостомъ осла и коровьими ногами и, такъ называемая, кошка-медвѣдь. Послѣднее животное формою и величиною нѣсколько похоже на кота; шерсть у него густая и довольно длинная, на верхнихъ частяхъ тѣла темнокрасная, а на головѣ и хвостѣ, на которомъ находятся темныя кольца, нѣсколько свѣтлѣе.

Морда, подбородокъ и внутренность ушей кошки-

медвѣдя бѣлыя; наружное же ухо — въ сочлененіяхъ, брюхо, а также концы хвоста совершенно черные. Отъ глаза до отверстія рта идетъ широкая вертикальная полоса, въ которой очень красиво смѣшиваются цвѣта темно-красный и черный. Длина туловища болѣе двадцати двухъ дюймовъ, хвоста 16 дюймовъ, а вышива животнаго около десяти дюймовъ.

По описанію доктора Іердона, отечество этого красиваго животнаго въ юго-восточной части Гималайскихъ горъ, гдѣ оно встрѣчается на высотѣ отъ 7,000 до 12,000 футъ. Путешественникъ Годчсонъ говоритъ, что кошка-медвѣдь принадлежитъ къ травояднымъ лазунамъ; живетъ въ пещерахъ, разсѣлинахъ скалъ, питается кореньями, бамбуковыми почками, плодами, а также, если есть возможность, яйцами, молодыми птицами, молокомъ и мясною пищею; лазаетъ она превосходно, но по землѣ ходитъ медленно и неуклюже.

Когда кошка-медвѣдь разсержена, то шипитъ и хрипитъ какъ кошка и по временамъ издаетъ глухой ревъ, какъ молодые медвѣжата. Пойманная она безвредна, спокойна, понятлива и скоро приручается; ѣстъ только вечеромъ и утромъ, днемъ же, почти все время спитъ, причемъ ложится на бокъ, свертывается на подобіе шара и прячетъ голову подъ пушистый, чудесный хвостъ.

Другія животныя зоологическаго сада не представляютъ ничего особеннаго: тѣ же обезьяны, медвѣдь, тѣ же тигры, леопарды, львы, носороги, слоны и тому подобные представители животнаго царства...

Кромѣ вышеописанныхъ замѣчательныхъ зданій и мѣстъ, въ Лондонѣ поставлено множество памятниковъ, статуй и монументовъ, но всѣ они содержатся чрезвычайно небрежно и не отличаются изящностью и артистичностью постройки.

Только и стоитъ обратить вниманіе на величественную колонну (англичане ее называютъ просто монументомъ—monument), поставленную, по приказанію пар-

ламента, въ память страшнаго пожара, въ 1666 году, истребившаго большую часть всемірнаго города. Колонна эта, воздвигнутая Христофоромъ Вреномъ, имѣетъ слишкомъ 300 футовъ высоты и поставлена на границѣ прекращенія пожара. Внутри ея сдѣлана изъ чернаго мрамора великолѣпная лѣстница, по которой можно подняться на самый верхъ колонны и любоваться городомъ съ высоты, такъ сказать птичьяго полета. Вершина колонны покрыта, на подобіе клѣтки, толстыми желѣзными прутьями, потому что недавно явилось нѣсколько любителей лишать себя жизни, бросаясь съ верху и расшибая голову о мраморный пьедесталъ монумента. Теперь же, къ несчастью другихъ любителей отнята возможность лишать себя жизни подобнымъ образомъ и имъ приходится выдумывать новый способъ самоубійства, и навѣрное придумаютъ еще болѣе оригинальный, потому что англичанинъ, по своему темпераменту, любитъ чѣмъ нибудь выдаться изъ общей среды: это его страсть, на этомъ, кажется, онъ помѣшался...

Закончу теперь описаніе Лондона краткимъ обзоромъ сильнѣйшей страсти англичанъ пари или, лучше сказать, своего рода игорныхъ домовъ. Англичанинъ гордится не только своею породою и исторіею, но и тѣмъ, что на его островѣ нѣтъ игорныхъ домовъ. Дѣйствительно, въ Англіи нѣтъ, какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ на материкѣ, публичныхъ игорныхъ домовъ, нѣтъ рулетокъ и лотерей, потому что англійскіе законы запрещаютъ азартныя игры; но за то есть пари и рискъ, составляющіе господствующую страсть англичанъ, которые перенесли игру съ зеленаго стола на зеленый лугъ (Turf) вмѣсто рулетокъ и картъ держатъ пари на лошадиныхъ скачкахъ. Страсть къ этому пари явилась у англичанъ только въ XVII столѣтіи въ царствованіе Іакова I, ревностнаго покровителя скачекъ и пари. При слѣдующихъ короляхъ Карлѣ I и II, любителяхъ этой забавы, страсть къ пари развивалась въ

все больше и больше, и наконецъ при Георгѣ это удовольствіе, названное Murf (зеленый лугъ), сдѣлалось народнымъ учрежденіемъ. Множество разнаго званія людей стали жить отъ зеленаго луга, возникли интриги и спекуляціи, проигрывали и выигрывали баснословныя суммы въ азартной игрѣ риска и пари. Въ это же время возникло извѣстное заведеніе, подъ именемъ „Таттерсаля“, основанное въ 1777 году, коннозаводчикомъ герцога Кингстома Татерзалемъ, составившимъ на лошадиныхъ скачкахъ огромное состояніе.

Цѣль этого заведенія доставить возможность англійскимъ спортсмэнамъ сходиться въ одномъ мѣстѣ, обезпечивать условія и платежъ пари, однимъ словомъ Таттерсаль для нихъ все равно, что биржа и банкъ для купцовъ. Здѣсь пишутся условія пари, здѣсь же выплачиваютъ проигрышъ или получаютъ выигрышъ, здѣсь въ нѣсколько минутъ проигрываютъ или выигрываютъ цѣлое состояніе. Въ настоящее время страсть къ пари увеличилась до такой степени, что англичане держатъ ихъ о всякой бездѣлицѣ: о подачѣ голосовъ въ парламентѣ, о гонкахъ судовъ, о пѣтушьемъ и кулачномъ боѣ, о прибытіи перваго судна изъ Китая съ чаемъ, о правописаніи сомнительныхъ словъ и т. д.

Изъ этого небольшаго описанія читатель можетъ вывести заключеніе, на сколько Таттерсаль разнится отъ игорнаго дома и справедливы-ли англичане, гордящіеся, что въ ихъ королевствѣ нѣтъ настоящихъ игорныхъ домовъ...

ГЛАВА VIII.

Выходъ изъ Плимута.—Эддистонскій маякъ.—Атлантическій океанъ.— Саргассовое море. — Матросская жизнь. — Летучія рыбы. — Фрегаты, глупыши и другія морскія птицы. — Дельфины. — Свѣченіе моря.— Прибытіе въ Порто-Гранде.

Обратную поѣздку изъ Лондона въ Плимутъ я совершилъ по желѣзной дорогѣ, и тутъ-то я узналъ быстроту англійскихъ поѣздовъ, которая, какъ видно, до-

казываетъ, что англичане не менѣе американцевъ дорожатъ своимъ временемъ и что у нихъ „время также деньги". Едва только поѣздъ вылетѣлъ изъ вокзала, какъ понесся по крышамъ домовъ, надъ всемірнымъ городомъ: внизу кипѣла жизнь, всякій торопился и нисколько, повидимому, не обращалъ вниманія на несущійся надъ ихъ головами поѣздъ.

Но вотъ городъ остался позади и поѣздъ еще быстрѣе понесся среди обработанныхъ полей, сельскихъ домиковъ, теряющихся въ красивой зелени, аристократическихъ виллъ, окруженныхъ чудесными парками; по всѣмъ направленіямъ шли рельсовые пути, повсюду носилось множество поѣздовъ, пересѣкая другъ другу дорогу, перегоняя и встрѣчаясь одинъ съ другимъ.... Я каждую минуту ожидалъ, что какіе нибудь два поѣзда встрѣтятся и однѣ только дребезги скатятся подъ откосъ полотна, но ничуть не бывало: они двигались съ такою разсчитанностью, что, повидимому, не могло произойти никакого несчастья...

Переѣзавъ почти всю южную часть Англіи, отъ Лондона до Плимута, я былъ пораженъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ видовъ, при чемъ нужно замѣтить, что Англія вообще не богата особенно замѣчательными проявленіями силы природы, но за то богата разнообразіемъ картинъ, которыя придаютъ ей такой прелестный видъ, что невольно представляешь себѣ эту страну одною изъ прелестнѣйшихъ и красивѣйшихъ въ свѣтѣ. И дѣйствительно, съ каждою новою верстою открывалась новая картина, достойная кисти замѣчательнаго пейзажиста: здѣсь мелькаютъ мимо оконъ поѣзда высокія горы, дикія скалы, узкія ущелья, бурные потоки и прелестныя, плодородныя долины; дальше картина сразу мѣняется, и вы видите себя среди пустынныхъ болотъ, поросшихъ осокою и тростникомъ, среди необозримыхъ, безплодныхъ равнинъ, внезапно мѣняющихъ настроеніе путешественника. При видѣ горъ, дикихъ скалъ и ущелій невольно заносишься

въ міръ фантазій и романовъ; при видѣ же безплодныхъ равнинъ и степей впадаешь въ меланхолію, и вмѣсто романовъ и чудесъ, витаютъ въ головѣ не болѣе привлекательные, совершенно прозаическіе, петербургскіе виды... Но не болѣе какъ черезъ полчаса, вмѣсто безплодныхъ степей и топкихъ болотъ, глазамъ представляются поросшія чудесною зеленью луга, засѣянныя поля, пересѣкаемыя рѣками, небольшими рѣчками и множествомъ извилистыхъ, блестящихъ ручейковъ, которые, кажется, манятъ къ себѣ, предлагая хорошій отдыхъ подъ роскошными рощами, раскинутыми по ихъ берегамъ.

Среди этихъ засѣянныхъ полей и зеленѣющихъ луговъ виднѣются хорошенькіе домики поселянъ, небольшія селенія и зарождающіеся города; только изрѣдка мелькаютъ великолѣпныя сельскія жилища англійскихъ аристократовъ, окруженныя столѣтними рощами, прелестными лужайками и красиво расположенными кустарниками... Повсюду зелень, роскошная зелень, которой не увидишь въ Петербургѣ даже въ самое благопріятное время года. И немудрено: влажность и теплота здѣшняго климата поддерживаютъ въ поляхъ и лѣсахъ постоянную зелень; рѣдко, въ зимнее время, и то только въ самые холодные года, покрываются поля снѣгомъ, но не на долго: при первомъ западномъ вѣтрѣ повсюду опять таетъ и вскорѣ появляется новая зелень... У самаго Плимута, вмѣсто зелени и лѣсовъ, стали попадаться горные кряжи, небольшіе холмики, ровнины съ безплодною почвою, покрытою кой-какою степною травою, осокою и рѣдкимъ кустарникомъ; встрѣчались также гранитныя скалы, лишенныя всякой растительности, известняки и глинистые сланцы, богатые мѣсторожденіемъ мѣди, олова, свинца и тому подобныхъ металловъ.

Наконецъ, поѣздъ влетѣлъ въ Плимутъ и черезъ два часа я уже былъ на корветѣ, на которомъ еще

кипѣла усиленная работа, но уже приходившая, повидимому, къ концу.

Такъ какъ наше пребываніе въ Плимутѣ должно еще было продолжится до 2 февраля, т. е. почти полторы недѣли, то я рѣшился еще разъ внимательно осмотрѣть собственно городъ и его достопримѣчательности, и добавить новыми подробностями свѣдѣнія.

Плимутъ въ древнія времена былъ извѣстенъ подъ названіемъ Тамеоверта и позднѣе Соутоунъ. Онъ находится въ 315 верстахъ отъ Лондона, по желѣзной дорогѣ, и, представляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ морскихъ арсеналовъ въ мірѣ, расположенъ при устьѣ рѣки Плимъ, между устьемъ и впадающей въ тотъ же, такъ называемый Плимутскій лиманъ рѣкою Темеромъ. Лиманъ этотъ состоитъ изъ множества небольшихъ заливовъ, на рейдѣ которыхъ могутъ стоять на якорѣ флоты всего свѣта; самыя лучшія бухты -это Плимъ и Темеръ: первая изъ нихъ образуетъ прекрасный бассейнъ для купеческихъ судовъ; вторая, длиною почти въ семь верстъ, представляетъ прекрасный рейдъ Гамоза, глубиною, во время отлива, въ 50 футъ и достаточный для свободной стоянки болѣе ста самыхъ большихъ военныхъ судовъ.

Поперекъ всего Плимутскаго залива, для безопасности противъ сильныхъ морскихъ вѣтровъ, устроенъ вкось, еще въ 1841 году, огромный волнорѣзъ, почти въ полторы версты длиною и болѣе тридцати пяти футъ шириною.

Торговля Плимута довольно значительна; сюда привозятъ много лѣсу, въ окрестныхъ фабрикахъ кипитъ дѣятельная работа: фабрики парусныя, сахарныя, шелковыя, стеклянныя, заводы для приготовленія крахмала и тому подобныя мануфактурныя и промышленныя учрежденія.

Самый городъ не представляетъ ничего особеннаго: древній, съ узкими, но чрезвычайно чистыми улицами и неправильно построенный, производитъ непріятное впечатлѣніе.

Девенпортъ, прежде Докомъ, построенъ гораздо лучше, такъ какъ онъ созданъ уже въ новѣйшія времена, и защищается крѣпостью Моунтъ-Вайзъ, лежащею между нимъ и гаванью, и наконецъ двумя фортами, расположенными со стороны моря. Самый же Плимутъ защищается только одною, почти полуразрушенною, цитаделью, построенною въ 1676 году на небольшой возвышенности, господствующей надъ всею мѣстностью; но за то онъ богатъ многими другими военными и частными учрежденіями: госпиталями, тюрьмами, мастерскими, театрами, морскими купальнями и т. д. Особенно замѣчательны: большой морской госпиталь, королевскій военный госпиталь, большая военная тюрьма, въ которой можетъ помѣститься около 3,000 преступниковъ, и купальни, большое число которыхъ разбросано также и въ окрестныхъ рыбачьихъ деревняхъ...

Работы на корветѣ между тѣмъ быстро приходили къ концу, и въ началѣ февраля онъ былъ уже совершенно готовъ пуститься въ дальнѣйшее плаваніе.

2-го числа корветъ вышелъ изъ Плимута, на долгое время распростившись съ европейскими берегами; черезъ два часа мы прошли знаменитый Эддистонскій маякъ, одиноко стоящій посреди моря (въ пятнадцати миляхъ отъ берега), на подводной скалѣ, вышиною въ 600 футъ со дна океана, совершенно покрываемой водою во время высокихъ приливовъ.

Маякъ этотъ выстроенъ Смитономъ, въ 1759 году, въ видѣ башни, вышиною почти въ 130 футъ и въ 23 фута въ поперечникѣ; свѣтящійся же приборъ расположенъ на высотѣ 143 футъ надъ уровнемъ моря во время высокихъ приливовъ. Первый разъ былъ выстроенъ на этомъ мѣстѣ маякъ въ 1696 году, но онъ постоялъ не долго: въ 1703 году страшная буря сбросила башню въ море и бурныя волны смыли ее до основанія; неутомимые англичане, въ 1708 году выстроили на мѣстѣ стараго новый маякъ, который простоялъ

однако всего только до 1755 года, въ которомъ его постигло новое несчастье, и онъ былъ до тла истребленъ страшнымъ пожаромъ, случившимся отъ оплошности сторожей, наблюдавшихъ за фонаремъ, потому что пожаръ начался съ вершины башни, гдѣ помѣщался свѣтящійся приборъ...

Англичане, послѣ двукратной неудачи, не упали духомъ и опять на томъ же мѣстѣ воздвигли, въ 1759 году, новый маякъ, крѣпче и лучше всѣхъ предъидущихъ. И стоитъ теперь онъ гордо, уже болѣе столѣтія, какъ бы насмѣхаясь надъ безполезными усиліями разсвирѣпѣвшаго океана—сбросить башню опять въ море. Дѣйствительно, всѣмъ кажется подозрительнымъ, какъ до сихъ поръ стоитъ эта одинокая постройка; никакія усилія волнъ не производятъ въ ней ни малѣйшаго измѣненія, хотя у ея основанія неумолчно шумитъ свирѣпый бурунъ, а въ сильныя бури прибой волнъ до того силенъ, что гребни ихъ подымаются слишкомъ на 25 футъ выше самаго маяка. Этотъ величественный взбросъ воды, обдающій Эддистонскій маякъ сверху до низу, представляетъ по-истинѣ эфектную и изумительную картину! Можно себѣ представить силу удара волнъ, происходящаго на глубинѣ почти девяноста саженъ, подъ обрывомъ у Эддистона, когда онъ взбрасываетъ воду на высоту 188 футъ надъ уровнемъ моря, поднимая при этомъ столбъ воды объемомъ отъ семидесяти до ста тысячъ кубическихъ футъ и вѣсомъ болѣе двухсотъ тысячъ пудовъ!

Имѣя въ виду эту страшную массу воды, падающей на одинокій маякъ, невольно удивляешься крѣпости постройки, и думаешь, что человѣкъ побѣждаетъ даже стихіи своею удивительною настойчивостью, своимъ изобрѣтательнымъ умомъ!...

Но вотъ Эддистонскій маякъ остался далеко позади, и направо виднѣется мысъ Лизардъ, пустой и голый утесъ, далеко выдвинувшійся въ море при высотѣ почти въ 200 футъ. Впереди раскинулся океанъ, безпредѣль-

ный океанъ совершенно въ другомъ настроеніи, нежели при нашемъ первомъ съ нимъ знакомствѣ: кругомъ царствовала глубокая тишина и спокойствіе; небольшая зыбь [1]), оставшаяся отъ прежняго волненія плавно подходила подъ корпусъ корвета, легко, безъ всякаго сотрясенія, поднимала его и совершенно спокойно опускала въ объятія смирившагося океана, который казалось, хотѣлъ вознаградить насъ за перенесенныя въ немъ бѣдствія и доставить намъ пріятное плаваніе. Казалось онъ совѣстился прежняго невѣжливаго съ нами поступка и теперь, нѣжно лаская корветъ своими спокойными волнами, повидимому хотѣлъ показаться на этотъ разъ гостепріимнымъ и вѣжливымъ хозяиномъ...

И дѣйствительно, такой переходъ, какой совершили мы до острововъ Зеленаго мыса, по-истинѣ удивителенъ; все намъ благопріятствовало: все время погода стояла самая великолѣпная, тихая; море награждало насъ удивительными зрѣлищами, на вѣки запечатлѣвшимися въ нашей памяти.

Идя все время, при ровномъ попутномъ вѣтрѣ, подъ парусами (кромѣ двухъ первыхъ дней по выходѣ изъ Плимута, которые по случаю штилей мы прошли подъ парами), корветъ быстро добѣжалъ, безъ особенныхъ приключеній, до широты 45° и вошелъ въ такъ называемое Саргассовое море. Оно образуетъ между 20 и 45° с. ш. длинный травяной поясъ, который занимаетъ треугольное пространство, въ серединѣ могучаго водоворота, образуемаго теченіями Гольфстромомъ и экваторьяльнымъ. Въ этомъ, сравнительно спокойномъ, пространствѣ Атлантическаго океана съ удивительнымъ плодородіемъ развилась роскошная водяная растительность.

- - -

[1]) Зыбью вообще называется волненіе безъ вѣтра или несогласное съ направленіемъ дующаго вѣтра. Это явленіе, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того свойства жидкости, что она долго не успокоивается и продолжаетъ свои колебанія послѣ сильнаго волненія.

Долгое время ученые естествоиспытатели старались разъяснить фактъ, откуда и отчего появилось здѣсь такое громадное количество растеній, которыя обращаютъ огромное пространство океана въ одинъ почти сплошной плавучій лугъ. Одни естествоиспытатели утверждали, что эти растенія поднимаются со дна моря; но сколько ни старались они подтвердить фактами свое предположеніе, однакожъ не имѣли успѣха. Другіе же напротивъ доказывали, что эти растенія не имѣютъ рѣшительно никакого соотношенія ко дну морскому, но представляютъ ничто иное, какъ плавучій морской мохъ, занесенный сюда съ незапамятныхъ временъ теченіями и спокойно продолжавшій здѣсь, на сравнительно неподвижной поверхности воды, свое прозябаніе. Это послѣднее предположеніе совершенно справедливо, потому что на глубинѣ слишкомъ въ 10,000 футъ не можетъ подыматься со дна океана никакое растеніе; затѣмъ, осторожно вытаскивая изъ воды этотъ плавучій мохъ, видишь совершенную его законченность, и не замѣтно, чтобы онъ былъ отъ чего нибудь оторванъ. Этихъ фактовъ, да и многихъ другихъ, которыхъ я здѣсь не привожу, совершенно достаточно, чтобы опровергнуть предположеніе первыхъ естествоиспытателей.

Саргассовое море состоитъ собственно изъ двухъ большихъ группъ, соединенныхъ между собою множествомъ меньшихъ и разбросанныхъ полосъ моха, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прозябаетъ въ такой сплошной массѣ, что совершенно измѣняетъ цвѣтъ моря и даже, при тихомъ вѣтрѣ задерживаетъ ходъ парусныхъ судовъ. Большая изъ первыхъ двухъ группъ лежитъ вблизи Азорскихъ острововъ, другая же, меньшая,—на юго-западѣ (SW) Бермудскихъ.

Это море мха, по всей вѣроятности, было уже извѣстно первымъ мореплавателямъ—финикіянамъ, потому что они, по возвращеніи своемъ изъ дальнихъ путешествій, разсказывали, что по выходѣ за Геркуле-

совы столбы въ океанъ, море будто бы, до того густо, что ихъ суда насилу пробирались впередъ. Послѣ финикіянъ первое извѣстіе объ этомъ пространствѣ плавучаго моха мы получили отъ Христофора Колумба, который говоритъ въ дневникѣ своего перваго путешествія, что „рано утромъ увидѣли мы такое множество растеній, что море казалось какъ бы покрытымъ льдомъ". Съ тѣхъ только поръ оно получило свое настоящее названіе, потому что португальцы назвали его Mare de Sargasso, и со времени открытія Америки нисколько не измѣнило своего положенія, имѣя постоянно то же рѣзкое очертаніе по краямъ Гольфстрома.

На параллели Мадейры задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ (NO), который не мѣняясь, перешелъ въ благопріятный для мореплавателей пассатъ; наступило блаженное время, какъ для матросовъ, такъ и для офицеровъ. Небо ясно, воздухъ чистъ, тепло; матросики сняли сапоги и босикомъ или въ башмакахъ бѣгали по горячей палубѣ; всѣ переодѣлись въ лѣтнее платье, всѣ веселы на видъ и по цѣлымъ днямъ разгуливаютъ подъ теплымъ южнымъ солнцемъ, любуясь моремъ и его многочисленными прелестными обитателями.

Чрезвычайно правильное волненіе производитъ однообразную, убаюкивающую качку, отъ которой не появляется ни морская болѣзнь, ни даже головокруженіе. Отлично, да и только! настоящая дача, но не петербургская, пыльная и жаркая до духоты, а дача гдѣ нибудь въ Крыму, на берегу моря...

Дни шли за днями совершенно незамѣтно, днемъ одни ощущенія, а ночью другія, самыя разнообразныя и пріятныя.

Чтобы показать, какъ проводятъ всѣ эти дни матросы, возьму одинъ только какой нибудь буднишній день. Всѣ другіе дни будутъ совершенно въ общихъ, такъ сказать, казенныхъ чертахъ, походить на этотъ; но разнообразіе, приносимое постоянно моремъ, такъ

велико, что, съ другой стороны, одинъ день совершенно не походитъ на другой...

Рано утромъ, часовъ въ пять, раздаются въ палубу свистки и зычные голоса вахтенныхъ унтеръ-офицеровъ: „Полно спать, пора вставать".

Нехотя подымаются матросики со своихъ коекъ, разнѣженные убаюкивающею качкою и чудною погодою, лѣниво набрасываютъ на себя одежду, самую тропическую, состоящую изъ бѣлой рубахи съ воротникомъ и брюкъ, и начинаютъ скатывать свои постели въ форму муравьиныхъ яичекъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздастся новый свистъ, сопровождаемый молодецкимъ крикомъ:

„Койки на верхъ! На молитву"!

Какъ муравьи закопошились матросики, подхватили свои скатанныя койки и поползли черезъ люки на верхъ, торопясь поскорѣе уложить ихъ въ назначенное имъ мѣсто [1]).

Послѣ краткой молитвы, которая поется всѣми матросами безъ исключенія, сытнаго завтрака и скачиванія палубы [2]), матросики разбрелись въ разныя стороны и каждый занялся своимъ дѣломъ: кто скоблитъ блочекъ, мурлыча себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, кто плететъ матъ (коврикъ), весело перебрасываясь съ сосѣдомъ, занимающимся другою, какою нибудь легкою, тропическою работою, матросскими остротами и беззлобною руганью. И идетъ себѣ у всѣхъ работа, среди разговоровъ и балагурства, незамѣтно, легко и нисколько не утомляя матросовъ. Никто ихъ не понукаетъ, а работаетъ каждый по своей волѣ и съ удивительною охотою и стараніемъ. И работаютъ матросики повсюду — на бакѣ, на ютѣ, въ палубѣ, на марсѣ,

---

[1]) Матросскія койки укладываются въ так называемыя, коечныя сѣтки—особо устроенные ящики, расположенные поверхъ всего борта, кругомъ судна. Уложенныя койки закрываются чехлами, чтобы ихъ не мочило волною или дождемъ.

[2]) Мытье палубы.

и весело поглядываютъ на чистое, ясное небо, на спокойное море, изъ котораго изрѣдка вылетитъ стая летучихъ рыбъ и опять скроется въ зеленоватыхъ волнахъ, или покажутся вдали акула, дельфины, морскія свиньи и косатки....

Весело матросамъ, привольно...

— Экая благодать, говоритъ самодовольно Михайло своему другу, закадычному и однокашнику Архипу, поди, таперь въ деревнѣ зима, снѣгу навалило аршина на два, а мы себѣ въ привольѣ живемъ, босикомъ ходимъ, да въ однѣхъ рубахахъ...

— Вотъ бабамъ-то разскажемъ, какъ въ деревню придемъ! Эхъ-ма!

— А вѣтрило-то!? продолжалъ Михайло, подикось ужъ какой день идемъ, а все брасомъ [1]) шевельнуть не приходитца. Идемъ себѣ, да идемъ и долго такъ будемъ идти, потому, господа ахвицеры баютъ, въ такую полосу ужъ вошли, гдѣ вѣтеръ все въ одномъ направленіи дуетъ. Одно слово, пасатъ вѣтеръ, заключилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Незамѣтно пролетѣло время до 11 часовъ и раздается свистокъ боцмана, сопровождаемый громкимъ крикомъ:

„Кончить всѣ работы“!

Кончили работы, все убрали, подмели палубу, вынесли бранспойты, раздѣлись и начали, при громкомъ и веселомъ хохотѣ, окачиваться теплою, тропическою водою. Окатившись всѣ безъ исключенія, матросики собрались въ кучки и съ нетерпѣніемъ ждали желаннаго момента, когда просвистятъ къ водкѣ и обѣду.

Между тѣмъ штурмана вышли уже на верхъ ловить солнце и опредѣлять по полуденной его высотѣ широту мѣста; часто вмѣстѣ съ ними опредѣляютъ ее капитанъ, офицеры и гардемарины, однимъ словомъ

---

[1]) Брасы—снасти, которыми реи могутъ быть вращаемы въ горизонтальной плоскости и которыя удерживаютъ ихъ въ желаемомъ направленіи къ килю.

всѣ, у кого только есть секстантъ [1]) казенный или свой.

Глаза матросовъ обращены на группу наблюдателей и видно въ нихъ необыкновенное нетерпѣніе и желаніе, чтобы солнце какъ можно скорѣе пришло на меридіанъ, чтобы скорѣе раздался давно желанный призывъ къ водкѣ. Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія; наблюдатели зашевелились, отняли отъ глазъ инструменты и начали дѣлать свои выкладки на кусочкѣ бумаги или въ памятной книжкѣ.

Старшій штурманъ, окончивъ свои вычисленія, подходитъ къ вахтенному начальнику и докладываетъ, что наступилъ моментъ истиннаго полдня, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ ему градусы, минуты и секунды обсерваціонной [2]) полуденной широты. Вахтенный начальникъ докладываетъ о томъ же старшему офицеру, а тотъ наконецъ капитану. Эта формальность соблюдается даже въ томъ случаѣ, если бы самъ капитанъ и старшій офицеръ были на верху, дѣлали наблюденія и уже заранѣе знали бы свою широту.

- Восемь стклянокъ [3]) бить, говоритъ капитанъ, и

---

[1]) Секстантомъ называется морской отражательный угломѣрный инструментъ.

[2]) Обсерваціонная широта—опредѣленная по астрономическимъ наблюденіямъ, находясь въ виду берега, по пеленгамъ или угламъ.

[3]) Для измѣренія промежутка времени въ 30 или 15 секундъ, употребляются на суднѣ песочныя часы или склянки. Въ прежнія времена на суда отпускались склянки и большихъ размѣровъ (отъ получаса до четырехъ часовъ), которыя замѣняли на нихъ часы, но въ настоящее время онѣ вывелись изъ употребленія и уступили свое мѣсто обыкновеннымъ, пружиннымъ стѣннымъ часамъ; несмотря однако на это, выраженіе „склянка", означающее получасовой промежутокъ времени, и до сихъ поръ остался па судахъ во всеобщемъ употребленіи. Склянки бьютъ каждые полчаса. Если начать счетъ времени съ полночи, то въ 12½ часовъ бьется одна склянка (ударяется въ колоколъ, одинъ разъ), въ часъ бьется двѣ склянки (два удара) и т. д. Наконецъ въ 4 часа утра бьется восемь стклянокъ, начиная съ половины пятаго опять одна склянка и т. д. Такимъ образомъ, по восьми стклянокъ бьется на суднѣ шесть разъ въ сутки: въ полночь, въ 4 часа утра, въ 8 часовъ утра, въ полдень, наконецъ въ 4 часа и въ 8 часовъ вечера.

это приказаніе черезъ старшаго офицера переходитъ къ вахтенному начальнику.

— Восемь стклянокъ бить! громко командуетъ вахтенный начальникъ.

— На бакѣ, восемь стклянокъ бить! передается приказаніе на бакъ вахтеннымъ унтеръ-офицеромъ, и мѣрно, басомъ, звучитъ на бакѣ колоколъ, радостно отзываясь въ сердцахъ матросовъ, которые цѣлые полчаса съ нетерпѣніемъ ожидали эти удары. Почти въ то же время, какъ бы эхо, слышится въ палубѣ звонкій дискантовый колоколъ, торопливо отбивающій тѣ же восемь стклянокъ.

Не успѣли еще замолкнуть послѣдніе звуки колокола, какъ уже раздалась новая команда вахтеннаго начальника:

— Свистать къ вину и обѣдать!...

Между тѣмъ, всѣ боцмана и унтеръ-офицеры уже стоятъ вокругъ жбана съ водкою, приложивъ дудки къ губамъ, поднявъ локоть правой руки немного кверху и закрывая большимъ пальцемъ отверстія дудокъ, чтобы онѣ заранѣе не издали никакого звука.

Какъ только послышалась послѣдняя команда вахтеннаго начальника, старшій боцманъ махнулъ рукою и всѣ разомъ, наклонивъ головы нѣсколько на бокъ, покраснѣвъ отъ натуги, но въ то же время съ самодовольною улыбкою поглядывая на жбанъ съ водкою, засвистали такъ пронзительно и оглушительно, что могли бы этимъ молодецкимъ посвистомъ оглушить и самаго свистуна Соловья-Разбойника. Среди протяжнаго неумолкаема́го свиста, можно было различить соловьиныя трели, которыми заливались искусники на этомъ инструментѣ. Наконецъ все смолкло: и молодецкій свистъ, и радостныя восклицанія, и громкій смѣхъ совершенно просвѣтлѣвшихъ матросиковъ, теперь уже внимательно поглядывавшихъ на толстаго баталера, который развернувъ списки и помочивъ во рту кончикъ миніатюр-

наго, совершенно изгрызаннаго карандаша, медленно, въ носъ началъ выкликать къ водкѣ по порядку.

— Бабкинъ!

— Яу!! отзывается Бабкинъ, произнося это „яу“ со свойственною только одному матросу интонаціею.

— Бондаренко!

— Яё!

И подходятъ матросы одинъ за другимъ къ жбану съ водкою, зачерпываютъ ее чаркою и съ прищелкиваніемъ опрокидываютъ въ горло. Но въ жаркое время пьютъ матросы водку очень мало, „потому и безъ нея, окаянной, жарко“, но за то въ холодное время рѣдко кто пропуститъ свою чарку. Есть впрочемъ рекрута, которые водку „не употребляютъ“, и имъ она идетъ „въ заслугу“, то-есть вмѣсто нея получаютъ онѣ въ концѣ каждаго мѣсяца опредѣленное количество денегъ.

Между тѣмъ артельщики разостлали на палубѣ брезенты [1]), принесли баки [2]) съ горячими щами, сухари, соль, и все это аккуратно разложили на брезентахъ; матросы чинно усѣлись вокругъ баковъ и начали обѣдать съ уморительнымъ обдуваньемъ горячихъ щей, съ облизываніемъ ложекъ, со вздохами, почесываніями и тому подобными привычками русскаго мужичка. У каждаго бака слышатся разговоры, смѣхъ, матросскія остроты и каламбуры. Вокругъ ходитъ козелъ, заглядываетъ во всѣ баки черезъ плечи матросиковъ и съ уморительными гримасами ждетъ себѣ подачки.

— Стопъ! кричитъ веселый, развеселый матросъ Павловъ, лихой брамсельный [1]) и одно слово „выжига“, какъ его охарактеризовали товарищи, — давайте опять Ваську напоимъ!

---

[1]) Брезентъ—парусина, служащая половикомъ и вообще для покрышки.

[2]) Бакъ—родъ небольшой деревянной лоханки, изъ которой ѣдятъ матросы. Одинъ бакъ полагается на артель, въ которой обыкновенно считается отъ восьми до двѣнадцати человѣкъ.

[1]) Брамсельный — работаетъ на брамъ-реѣ, убираетъ и отдаетъ брамсель, третій снизу парусъ.

— Напоимъ, напоимъ! дружно загалдѣли его товарищи, разразившись здоровеннымъ, задушевнымъ смѣхомъ, заранѣе предвидя опять, „какъ будетъ имъ козелъ камедь ламать“! Живо принесли чарку водки, намочили въ ней сухари и начали кормить ими корветскаго козла; козелъ, охотникъ выпить, не прочь отъ предлагаемаго угощенія, фыркаетъ, морщится, но всетаки ѣстъ, да уплетаетъ за обѣ щеки намоченные въ водкѣ сухари.

Выпилъ онъ чарку, глаза заблистали, ноги заходили, и нашъ козелъ такія штуки началъ выкидывать, что матросики, упершись въ бока кулаками, хохотали „до животиковъ“. И дѣйствительно, нельзя было безъ смѣху смотрѣть на продѣлки подкутившаго козла: то начинаетъ онъ кружиться, „валсъ-танецъ танцовать“, то станетъ на заднія ноги и, свѣсивши бороду на грудь и нагнувши на бокъ голову, начинаетъ выплясывать съ уморительными гримасами „козлиный танецъ—ланцесъ“, какъ увѣряли матросики; то опустится онъ опять на всѣ четыре ноги, ощетинится, грозно выставитъ впередъ рога и со всего размаха бьетъ ими въ бортъ, орудіе, въ спину или бокъ перваго попавшагося матроса. Матросъ ругается при общемъ смѣхѣ расходившихся товарищей, хватаетъ козла за рога и начинаетъ возить его по палубѣ. Козелъ сердится еще болѣе щетинится какъ дикобразъ, наконецъ вырывается изъ рукъ матроса и со всего размаха хочетъ ударить его рогами, но встрѣчаетъ подставленный ганшпугъ [1]) или пустой бакъ; козелъ сердится пуще прежняго, становится на заднія ноги и опять бьетъ рогами въ бакъ или ганшпугъ, что очень потѣшаетъ веселыхъ матросъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не измучится и, видя безсиліе своихъ рогъ, не начнетъ кусаться. Тутъ матросъ бросаетъ ганшпугъ въ сторону и, ради увеселенія своихъ това-

—

[1]) Ганшпугъ—деревянный рычагъ, служащій для передвиганія станка, а при старыхъ орудіяхъ для ихъ повышенія и пониженія.

рицей, прыгаетъ на орудіе, съ орудія лѣзетъ на мостикъ, съ мостика скачетъ опять внизъ на палубу и т. д.; козелъ не отстаетъ и, ощетиня шерсть, ловко прыгаетъ по слѣдамъ убѣгающаго матроса до тѣхъ поръ, пока тотъ не устанетъ и не остановитъ его за рога. Тогда начинается укрощеніе расвирѣпѣвшаго козла сухарями, щами и, если есть зелень, то зеленью; наконецъ, нашъ козелъ успокоивается, забываетъ прошедшія оскорбленія и невзгоды, становится опять на заднія ноги и съ уморительнымъ выраженіемъ начинаетъ доканчивать, при общемъ дружномъ хохотѣ матросовъ, прерванный „козлиный танецъ—ланцесъ"...

Весело проходитъ время обѣда, послѣ котораго матросы обыкновенно отдыхаютъ, разлегшись по всей палубѣ въ самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ позахъ. Настаетъ на суднѣ совершеннѣйшая тишина, изрѣдка прерываемая только однообразными шагами вахтенныхъ, звучнымъ храпѣньемъ спящихъ, ворочаньемъ, чмоканьемъ, почесываніемъ...

Около двухъ часовъ раздается свистъ, сопровождаемый крикомъ:

„Вставать, умываться, грамотѣ учиться!!!"

Встаютъ матросики, умываются и дѣлятся на небольшія группы; приходятъ офицеры, гардемарины и священникъ и распредѣляются по своимъ „классамъ" (какъ называютъ матросы небольшіе участки палубы, на которыхъ они располагаются въ самыхъ живописныхъ, свободныхъ, но все-таки въ почтительныхъ позахъ), и начинаютъ преподавать грамоту, ариѳметику, географію, законъ Божій и даже отчасти физическую географію [1]).

Ученіе происходитъ самымъ домашнимъ, непринужденнымъ образомъ; никто матроса не понукаетъ, а учится онъ самъ съ необыкновенною охотою и стара-

---

[1]) Преподаваніе физической географіи ограничивается объясненіями всѣхъ морскихъ явленій въ самыхъ простыхъ, ясныхъ для матросовъ, выраженіяхъ.

ніемъ. Знающіе уже читать отдѣляются куда нибудь въ сторонку, подъ барказъ или къ орудію, и читаютъ вслухъ сказки, повѣсти, путешествія и другія болѣе или менѣе полезныя книги, выдаваемыя имъ изъ судовой библіотеки.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ время до четырехъ часовъ; въ четыре часа устраивается, въ видѣ моціона, артиллерійское ученье, бѣганье по вантамъ на салингъ [2]) или что нибудь въ родѣ этого; затѣмъ остальное время матросы совершенно свободны.

До шести часовъ устраиваютъ они на бакѣ пѣсни, и далеко разносятся по океану родные звуки, которые не замѣтно переносятъ нашу мысль далеко, далеко отъ корвета, туда, гдѣ оставили мы все родное и знакомое. И грустно становится иногда на душѣ и съ тоскою вздохнешь, да подумаешь: „скоро ли, скоро ли возвратимся мы на родину, скоро ли увидимъ дорогихъ и любимыхъ сердцу"?

Поютъ матросы свои родныя пѣсни съ чувствомъ и увлеченіемъ, и далеко проникаютъ онѣ въ сердце и душу. Кромѣ обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ, слышатся иногда пѣсни собственнаго матросскаго произведенія, какъ напримѣръ:

„На корветѣ молодомъ,
На Аскольдѣ дорогомъ,
Воцъ калина, воцъ малина!
Командиры молодцы,
Всѣ родные намъ отцы!
Воцъ калина, воцъ малина!" и т. д.

Такимъ образомъ проходитъ время до ужина, передъ которымъ матросы обыкновенно опять, окачиваются и пьютъ по чаркѣ водки; послѣ ужина невахтенные разбираютъ койки и ложатся спать, кто на верх-

---

[2]) Салингомъ называется небольшая площадка гораздо выше марса, состоящая изъ четырехъ, накрестъ положенныхъ, брусковъ.

ней палубѣ, а кто и въ жилой, такъ какъ всѣмъ въ жилой палубѣ, при удушливой жарѣ, спать нѣтъ никакой физической возможности. Вахтенные разбиваются на кучки, и, чтобы не уснуть, заставляютъ другъ друга разсказывать разныя сказки, въ которыхъ главную роль играютъ черти, домовые, лѣсовики, смерть, мертвецы, солдатъ, матросъ и все его начальство.

Какъ образчикъ подобной сказки приведу разсказъ стараго матроса, Козлова, который, какъ видно, обладаетъ очень пылкимъ воображеніемъ и притомъ — мастеръ разсказывать.

„Въ нѣкоторомъ государствіи, началъ Козловъ свою сказку, въ нѣкоторомъ царствіи, не въ томъ разумѣтца, въ которомъ мы живемъ, а немножко подалече, поближе къ китайской границѣ, жили матросъ да солдатъ. Разъ и говоритъ матросъ солдату: „давай, говоритъ, шкура барабанная, силу мѣрить: хто изъ насъ сильнѣе, хто изъ насъ хитрѣе и хто безстрашнѣе?“ Осерчалъ на эфти слова солдатъ, да какъ крикнетъ: „ахъ, ты матросъ... (слѣдуютъ непечатныя выраженія), я, говоритъ, сильнѣе, хитрѣе и безстрашнѣе, я говоритъ царю и амператору вѣрою и правдою служу, а ты, матросъ пьянствуешь только...“ и пошелъ ругаться. Матросъ и говоритъ: „не галди раньше, давай мѣриться, а тамъ и узнаемъ, хто изъ насъ хитрѣе, сильнѣе и безстрашнѣе. Вотъ таперича, говоритъ, задамъ я тебѣ задачу, а ты мнѣ, — хто ё сполнитъ, тотъ и хитрѣе будетъ. Задавай ты напередъ“. Солдатъ подумалъ, почесалъ поясницу, да и говоритъ: „возьми, говоритъ, ружьецо, сдѣлай мнѣ на плечо, на караулъ и къ ногѣ!“ (А насъ видь таперича эфтому учатъ, обратился Козловъ къ слушателямъ, а солдатъ-то вѣрно эфтого не зналъ и думалъ матроса забить).

„Матросъ взялъ рушьецо, хвать на плечо, хвать на караулъ, хвать и къ ногѣ, да такъ отчеканилъ, что солдатъ отъ удива глаза свои выпятилъ. „Ну, говоритъ, матросъ, таперь мой чередъ; вотъ говоритъ, тебѣ ку-

сокъ тросу, свайка и сдѣлай ты мнѣ аглицкій кнопъ!" Солдатъ еще больше глаза вытаращилъ. „Что, говоритъ, это за просо, это, говоритъ, веревка, и какже эфто я изъ эфтой самой веревки аглицкихъ клоповъ тебѣ понадѣлаю?!" Матросъ только сплюнулъ. „Дуракъ, говоритъ онъ солдату, какъ есть дуракъ, а еще въ споръ лѣзешь: это хитрѣе! И взялъ етта матросъ изъ рукъ солдата тросъ, да свайку, да такой англицкой кнопъ сдѣлалъ, что вамъ ужъ никогда такова не сдѣлать. И растолковалъ онъ солдату, что веревка не веревкой зовется и не просомъ, а тросомъ, и что онъ ни клопа велѣлъ ему сдѣлать, а кнопъ, то есть узелъ такой. Удивился солдатъ, да и говоритъ: „ну дѣлать нечего, ты хитрѣе меня, но за то я сильнѣе и безстрашнѣе!"

„Усмѣхнулся матросъ и одно слово только промолвилъ: „посмотримъ!"

„Разъ идутъ этта матросъ и солдатъ черезъ кладбище, на которомъ однѣхъ только матросовъ да солдаперовъ хоронили, идутъ этта они ночью, въ самый разъ, когда мертвецы встаютъ и по кладбищу пляшутъ и визжатъ. Солдатъ жмется, побаивается, значитъ; матросъ же идетъ себѣ да идетъ, да камаринскую посвистываетъ. Вдругъ одна этта могила открывается и... (въ слушателяхъ виденъ неподдѣльный ужасъ и начали они другъ къ другу жаться, а Козловъ между тѣмъ на нихъ посматриваетъ, да лукаво улыбается) и встаетъ изъ нея мертвецъ въ матросскомъ казакинѣ, страшный такой, синій, и ихъ къ себѣ манитъ, значитъ, въ могилу ложиться... (Въ слушателяхъ произошло движеніе; кто-то зашепталъ: „не приведи Господи, увидѣть!" „Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!"). Солдатъ побѣлѣлъ, продолжалъ Козловъ, самодовольно подсмѣиваясь надъ страхомъ своихъ слушателей, бросился было бѣжать, да такъ почти бездыханный и упалъ. Матросъ ничаво, только подошелъ этто къ мертвецу, да какъ крикнетъ во все горло; „ахъ ты... (слѣдуютъ непечат-

ныя выраженія) (а солдатъ еле живъ, ждетъ конца и молится) ахъ ты такой, сякой, да эдакой, я, говоритъ, адмиралъ, ленту черезъ плечо имѣю, только таперича дома се забылъ; я, говоритъ, нарошно пришелъ посмотрѣть всѣ ли вы на своихъ мѣстахъ, а ты, негодяй, какъ ты смѣлъ съ поста своего уйтить? Маршъ! говоритъ, въ могилу, а не то сто линьковъ велю отпустить!" Мертвецъ затрясся, посинѣлъ еще больше, да какъ взмолится: „Ваше высокопревосходительство, не погубите, жену, семеро дѣтей на эфтомъ свѣтѣ оставилъ, такъ хотѣлось на нихъ посмотрѣть. Никогда не буду, ей Богу, не буду. Въ послѣдній разъ, ваше высокопревосходительство!" молитъ мертвецъ, а самъ чуть на колѣнки передъ матросомъ не падаетъ. Матросъ немножко смягчился, потому отеческая любовь мертвеца ему очень по нутру пришлась, да и говоритъ: „возьми, говоритъ, этого солдата, да снеси на мою фатеру, да осторожнѣе, олухъ!...." Солдатъ совсѣмъ помертвѣлъ, когда мертвецъ подошелъ и его въ охабку заграбасталъ. Взмолился онъ къ матросу: „кормилецъ ты мой, ты сильнѣе, хитрѣе и безстрашнѣе, а я мразь передъ тобою! Не дай погибнуть въ рукахъ поганыхъ!"

„Матросъ сжалился и велѣлъ мертвецу солдата пустить, а самому во-свояси возвращаться. Мертвецъ солдата пустилъ, отдалъ честь и побегъ домой, значитъ, въ могилу.

„Тогды матросъ и говоритъ солдату: „ты, говоритъ, съ матросомъ никогда не спорься, онъ тя въ муку измелетъ!"...

— Слушаю, проговорилъ солдатъ, низко поклонился и пошелъ, понуря голову, домой; но съ той поры съ матросомъ никогда въ споръ не лѣзъ.

„Такъ вотъ какъ, молодцы, матросъ солдата отдѣлалъ, закончилъ самодовольно Козловъ свою сказку, какъ видно собственнаго изобрѣтенія.

— Да молодецъ, послышалось со всѣхъ сторонъ, неча сказать ловко отдѣлалъ сухопутную крысу.

— Значитъ, не замай, проговорилъ молодой матросъ Плюшкинъ, лихо покручивая пробивающійся усъ.

— А адмиралъ-то, адмиралъ-то, и мертвеца даже запугалъ, тихо промолвилъ одинъ изъ слушавшихъ сказку молодыхъ матросовъ.

— Что жъ дѣлать, отвѣтилъ Козловъ, чинъ таковъ, уваженьеце имѣй и почитанье, а ослушаться... ни-ни, потому одно слово—адмиралъ...

— Ишь, ты, говоритъ немного погодя одинъ рекрутъ другому, даже мертвецъ могилы своей не оставь, значитъ съ поста не уходи. Что же значитъ, живой человѣкъ?...

— Умри, значитъ, а не сходи...

— То-то, умри, а если не умрешь?

— Все жъ не сходи...

Въ такихъ разсказахъ и разговорахъ незамѣтно пролетаетъ для вахтенныхъ ночь, и не увидятъ они, какъ наступаетъ уже слѣдующій день, который разнообразится часто морскими обитателями и идущими тою же дорогою судами всѣхъ націй, чрезвычайно разнообразныхъ конструкцій.... Особенно развлекали насъ днемъ, вблизи Мадейры и Азорскихъ острововъ, стаи летучихъ рыбъ, которыя тысячами выскакивали изъ воды, поднимались часто на 15 и 20 футовъ надъ поверхностью моря, пролетали около пятидесяти саженъ и опять скрывались въ глубину безпредѣльнаго океана. Что и кто принуждаетъ этихъ красивыхъ рыбокъ, покрытыхъ серебристою чешуею, покидать свою родную стихію и отдаваться на время гибельному для нихъ воздуху? Преслѣдуемыя хищными дельфинами, бонитами и дорадами, лакомыми до ихъ нѣжнаго мяса, эти бѣдныя рыбы ищутъ своего спасенія внѣ родной стихіи, но это спасеніе только кажущееся, потому что, избѣгнувъ одной бѣды, онѣ подвергаются другой, еще болѣе ужасной; однимъ словомъ изъ огня онѣ попадаютъ въ полымя. Спасаясь отъ своихъ водяныхъ враговъ, несчастныя рыбы становятся жертвою крылатыхъ: фрегатовъ, чаекъ

и глупышей, которые съ жадностью и удивительнымъ проворствомъ ловятъ ихъ на лету, настигаютъ ихъ съ быстротою пущенной стрѣлы раньше, чѣмъ онѣ снова успѣваютъ скрыться въ нѣдрахъ океана...

Кромѣ фрегатовъ, чаекъ и глупышей, преслѣдуютъ несчастныхъ летучихъ рыбъ морскія ласточки, буревѣстники и альбатросы.

Всѣ эти птицы служили намъ также не малымъ развлеченіемъ во время девятнадцатидневнаго перехода къ островамъ Зеленаго мыса.

Фрегаты, въ сравненіи съ ихъ незначительною вышиною, надѣлены чрезвычайно длинными, превосходными крыльями; когда они раскрыты, то имѣютъ въ длину, отъ одного конца до другаго, около двухъ саженъ. Они летаютъ большею частью въ самыхъ верхнихъ слояхъ воздуха, такъ что ихъ едва можно различить простымъ глазомъ; но какъ только замѣтятъ они выскочившихъ изъ воды летучихъ рыбъ, то бросаются съ невѣроятною быстротою и производятъ въ рядахъ несчастныхъ бѣглянокъ страшное опустошеніе.

Глупыши походятъ на фрегатовъ, но только меньшихъ размѣровъ. Свое названіе они получили отъ природной глупости, которую самки обнаруживаютъ при извѣстныхъ процессахъ своей материнской обязанности; но въ дѣйствительности этихъ птицъ нельзя назвать глупыми, потому что всѣ ихъ движенія чрезвычайно осмыслены, а ихъ характеристическій способъ ловить рыбъ имѣетъ даже въ себѣ много привлекательнаго. Они обыкновенно быстро летаютъ взадъ и впередъ надъ поверхностью воды, и, какъ только замѣтятъ плывущую рыбу, моментально поднимаются вверхъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится добыча, и потомъ, поджавъ крылья, стремительно падаютъ на нее и уже она ни въ какомъ случаѣ не успѣетъ избѣжать страшныхъ для нея клюва и когтей.

Чайки, морскія ласточки и буревѣстники отличаются чрезвычайною легкостью и граціею своихъ движеній и

скользятъ по воздуху посредствомъ едва замѣтныхъ движеній крыльевъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ большое сходство съ ласточками, другія—съ голубями.

Образъ ихъ жизни нисколько не соотвѣтствуетъ наружной ихъ красотѣ, потому что всѣ онѣ отличаются хищничествомъ и удивительною прожорливостью. Жадность ихъ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ: съ какою завистью смотрятъ однѣ, какъ другія уносятъ лакомые кусочки изъ самыхъ клювовъ своихъ болѣе счастливыхъ подругъ. Съ какою поспѣшностью стараются онѣ затѣмъ проглотить завоеванный кусокъ, давясь имъ и задыхаясь, чтобы только другія птицы не завладѣли имъ точно также, какъ онѣ сами завладѣли этимъ кускомъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Такимъ образомъ постоянно происходятъ между ними ссоры, драки и похищенія, которыя обыкновенно доставляли нашимъ матросамъ большое развлеченіе.

Кромѣ птицъ придавали нашему переходу много прелести и пріятности разнообразныя рыбы, которыя массами играли почти на самой поверхности воды; разнообразіе оттѣнковъ и цвѣтовъ было удивительное! Тутъ были рыбы съ золотистыми и серебристыми отливами, съ разноцвѣтною чешуею, самыхъ фантастическихъ формъ и породъ. Въ нѣкоторыхъ рыбахъ видна была необыкновенная грація, нѣжность и изящество; движенія другихъ были неуклюжи и какъ-то грубы; однимъ словомъ, тутъ были рыбы всевозможныхъ видовъ, цвѣтовъ и воспитаній: круглыя, плоскія, широкія, узкія, большеголовыя и съ едва замѣтными головами, самыхъ красивѣйшихъ и самыхъ уродливыхъ формъ, аристократки и плебеи, граціозныя и неуклюжія, благовоспитанныя и неблаговоспитанныя, хищныя и кроткія, однимъ словомъ, въ хорошіе ясные дни всплывало на поверхность океана все его многочисленнѣйшее и разнообразнѣйшее населеніе, которое, особенно въ тихую погоду, при каждомъ своемъ движеніи въ прозрачной водѣ, представляло взору удивительныя картины, кото-

рыми можно было бы любоваться по цѣлымъ днямъ, не сходя съ мѣста.

Появлялись и дельфины, которые иногда слѣдовали за корветомъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, то перегоняя его, то опять возвращаясь и какъ бы насмѣхаясь надъ его небольшимъ ходомъ. Эти животныя имѣютъ большое сходство съ кашалотами, отъ которыхъ отличаются только болѣе пропорціональною головою. Они раздѣляются обыкновенно на три класса; гриндъ, косатокъ и морскихъ свиней, которыя въ свою очередь дѣлятся на нѣсколько видовъ, изъ которыхъ самый интересный — обыкновенные дельфины, достигающіе до десяти футъ длины и считающіеся самыми быстрыми изъ всѣхъ рыбообразныхъ млекопитающихъ животныхъ.

Морскія свиньи нѣсколько меньше дельфиновъ (онѣ достигаютъ только до восьми футъ длины) и считаются до сихъ поръ самыми маленькими изъ всѣхъ рыбообразныхъ млекопитающихъ животныхъ.

Косатка достигаетъ часто до 25 футъ длины и даже болѣе; она изъ всей породы дельфиновъ отличается наибольшимъ хищничествомъ. Ея обыкновенную пищу составляютъ ластоногія и нѣкоторые виды плоскихъ рыбъ, но также не прочь она поохотиться и за морскими свиньями. Это животное считается за самаго лютаго врага кита, которому оно особенно насаливаетъ въ то время, когда тотъ входитъ въ какую нибудь бухту для метанія дѣтенышей. Тутъ косатка нападаетъ на кита съ ужасною яростью, кусаетъ его своими всеразрушающими зубами и ударяетъ съ разбѣга въ бокъ, какъ стѣнобитная машина. Обыкновенно въ этомъ случаѣ китъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; но грозная косатка, быстрѣе его на ходу, догоняетъ его и все больше и больше прижимаетъ къ берегу до тѣхъ поръ, пока китъ не будетъ выброшенъ волнами на берегъ или разбитъ объ острыя береговыя скалы. Вообще ненависть косатокъ къ китамъ удивительная и до сихъ поръ не-

объяснена ея причина. Неужели косатки дѣйствуютъ безсознательно? Если безсознательно, то отчего не преслѣдуютъ онѣ своею страшною ненавистью другихъ животныхъ, кромѣ кита? Это подлежитъ тончайшему анализу естествоиспытателей, знакомыхъ съ привычками и нравомъ этого страшнаго животнаго...

Приближаясь уже къ островамъ Зеленаго мыса, пришлось намъ быть свидѣтелями, нѣсколько ночей подрядъ, чудеснѣйшаго явленія—мерцанія океана, которое своимъ великолѣпіемъ затмило все видимое раньше, потому что мы наблюдали подобное явленіе и въ высшихъ широтахъ, но въ очень слабой степени; теперь же, въ тропикахъ, это явленіе превзошло всѣ предъидущія и было въ сравненіи съ ними, точно огромный чудеснѣйшій алмазъ въ сравненіи съ простымъ булыжникомъ.

Вся видимая поверхность воды была покрыта безчисленнымъ множествомъ красноватыхъ, голубоватыхъ и зеленыхъ горящихъ точекъ, разнообразной величины и дивной красоты. Казалось, что всѣ звѣзды слетѣли съ неба и играютъ въ прозрачныхъ, зеленыхъ волнахъ безграничнаго океана; казалось Посейдонъ хотѣлъ затмить своею дивною иллюминаціею блескъ звѣздъ и луны... Хребты обрушивающихся на корветъ волнъ горѣли яркимъ пламенемъ, которое бросалъ на бѣлые паруса корвета восхитительный, неземной свѣтъ, какъ будто бы полная луна освѣщаетъ все судно черезъ чуднаго цвѣта голубое стекло, будто бы всѣ борта были освѣщены самыми нѣжными бенгальскими огнями. Вдали, хребты волнъ имѣли какой-то дрожащій голубоватый свѣтъ, который, по мѣрѣ уменьшенія силы вала, постепенно пропадалъ и превращался опять въ прелестныя разбросанныя звѣзды... Изъ нѣдръ океана поднимались свѣтящіеся шары, разливая свѣтъ на значительную глубину, постепенно становились они все больше и больше, ярче и ярче и, наконецъ, появлялись на самой поверхности воды въ видѣ огромныхъ, горящихъ нѣжнымъ пламенемъ, фонарей...

Играющіе дельфины и разнообразныя тропическія рыбы дѣлали зрѣлище еще прекраснѣе, еще великолѣпнѣе: казалось, они были облиты горящею массою, ихъ путь обозначался то блестящими искрами, то яркими, извивающимися линіями... Но великолѣпнѣе всего было однакожъ это зрѣлище тамъ, гдѣ носъ корвета, прорѣзывая волны, образовывалъ сильныя волны: пѣнящаяся у носа масса воды превращалась въ двѣ огненныя горы, переполненныя тысячами блестящихъ искръ и огней, которые съ шумомъ стремились вдоль борта и сливались въ струѣ, оставляемой корветомъ, въ одну длинную, свѣтящуюся, какъ бы усыпанную алмазами, полосу, которая далеко обозначала слѣдъ только что прошедшаго судна.

Вообще, картина чудеснаго мерцанія моря была до того восхитительна, что нѣтъ словъ описать ее такъ, какъ она представляется въ дѣйствительности, не хватитъ чувствъ высказать все испытанное при видѣ этого явленія!... Одно только скажу, что можно любоваться этою поражающею картиною всю жизнь и она все-таки не пресытитъ и всегда будетъ имѣть столько же привлекательности, имѣть столько же прелести, какъ будто бы видишь ее всего только въ первый разъ! Нѣтъ силъ оторваться отъ дивнаго явленія; взоры приковываются, чувства переполняютъ душу и сердце, мысль переносится въ самую глубину бездоннаго океана и пытливо старается разъяснить эту дивную иллюминацію, это чудное явленіе, затмѣвающее самыя прелестнѣйшія явленія въ мірѣ. Грустно становится, когда дневной свѣтъ понемногу появляется на востокѣ и чудесное явленіе блѣднѣетъ, блѣднѣетъ и наконецъ совершенно исчезаетъ, стушевывается передъ яркими лучами дневнаго свѣтила. Съ нетерпѣніемъ ждешь слѣдующей ночи, чтобы опять любоваться дивнымъ мерцаніемъ океанскихъ водъ, восхищаться имъ и удивляться!...

Многіе ученые старались объяснить это явленіе, долгое время не соглашались другъ съ другомъ, ошиба-

лись и только въ новѣйшія времена нашли истинную его причину. По всей вѣроятности, это чудеснѣйшее явленіе служило украшеніемъ морей и океановъ уже съ давнихъ временъ, но между тѣмъ древніе поэты и писатели рѣдко упоминали объ этой очаровательной картинѣ, а если и упоминали, то вскользь и какъ-то сухо, хотя она можетъ произвести необыкновенное впечатлѣніе даже на натуры самыя грубыя. Или, можетъ быть, въ древнія времена это явленіе было не столь блистательно, или же не пришлось никому наблюдать его во всей своей красѣ, въ тропическихъ водахъ? Гомеръ, столь знакомый съ моремъ и обожатель этой стихіи, нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ удивительномъ мерцаніи. Только Плиній и Эліатъ довольно сухо говорятъ о свѣтящейся рыбѣ и растеніи, не выражая при этомъ своего удивленія по случаю такого страннаго явленія. Однимъ словомъ, до XVI вѣка не было точнаго описанія мерцанія моря и никто не упоминалъ объ этомъ зрѣлищѣ. Только съ этого времени начали о немъ писать и говорить, а разъяснить причину этого явленія до XVII вѣка никто даже и не пытался, и прежніе ученые не думали отдавать себѣ въ немъ никакого отчета.

Первымъ взялся объяснить это явленіе Бэконъ Веруламскій, но попытка его была неудачна; послѣ него взялся за это дѣло Картезій, знаменитый преобразователь философіи, въ первой половинѣ XVII вѣка, причемъ онъ старался пріискать какое нибудь механическое объясненіе мерцанія моря и началъ доказывать, что оно происходитъ отъ взаимнаго удара частицъ соли, находящейся въ морской водѣ, которую онъ считалъ состоящею изъ негибкихъ атомовъ, плавающихъ въ водѣ. Но это объясненіе было отвергнуто и не принято, такъ какъ не было доказательствъ его справедливости.

Послѣ Картезія трудились надъ этимъ-же, но постепенно приближаясь къ истинѣ: Папинъ (въ 1647 году), Брантъ (въ 1669 г.), Веніаминъ Франклинъ, Форстеръ,

Гумбольдъ, Бастеръ (въ 1760 г.) и наконецъ новѣйшій ученый естествоиспытатель Эренбергъ. Изъ нихъ только Бастеръ и Эренбергъ достигли полныхъ результатовъ и объяснили чудное явленіе мерцанія моря, и то только благодаря усовершенствованному микроскопу. Папинъ же, Брантъ, Франклинъ, Форстеръ и Гумбольдъ переходили отъ одной ошибки къ другой, отъ одного предположенія къ другому, и все-таки, благодаря отчасти плохому состоянію микроскопа, не пришли къ положительнымъ результатамъ. Такимъ образомъ Папинъ утверждалъ, что свѣченіе моря представляетъ собою не болѣе, какъ химическій процессъ воспламененія соли; Брантъ приписывалъ его фосфору, выдѣляющемуся изъ кусковъ умершихъ животныхъ и который свѣтится на поверхности воды; но изъ морской воды онъ не могъ добыть фосфора и потому отказался отъ своего предположенія. Послѣ него В. Франклинъ старался объяснить мерцаніе моря способностью частицъ морской соли электризоваться отъ тренія и искриться, подобно проводнику электрической машины, а Форстеръ приписывалъ это явленіе тренію о морскую воду дегтя, которымъ бываетъ обыкновенно обмазано всякое судно. Но эти заключенія не имѣли достаточно доказательствъ, чтобы можно было ихъ принять за совершенно справедливыя, а потому считались только за предположенія, но не за дѣйствительные факты.

Знаменитый Гумбольдъ ошибался, какъ и всѣ, но только не по своей винѣ, а вслѣдствіи несовершенства микроскопа и господствующей ложной мысли, которая запутываетъ иногда даже самые ясные и геніальные умы. Хотя онъ уже зналъ, что въ морской водѣ существуютъ мелкія животныя, способныя издавать свѣтъ, но все-таки онъ не имъ приписывалъ явленіе свѣченія моря, а говорилъ, что оно происходитъ отъ слизи умершихъ животныхъ.

„Иногда, пишетъ онъ, даже при самомъ сильномъ увеличеніи нельзя было открыть въ морской водѣ ка-

кихъ бы то ни было животныхъ, между тѣмъ, какъ вездѣ, гдѣ она ударяется о твердое тѣло, пѣнится или приводится въ движеніе отъ какой-нибудь другой причины, появляется моментальный свѣтъ. Въ такихъ случаяхъ причина появленія его заключается, вѣроятно, въ гніющихъ волокнахъ умершихъ моллюсковъ, разсѣянныхъ по поверхности океана въ безчисленномъ количествѣ. Если процѣдить свѣтящуюся воду сквозь частую ткань, то эти волокна и перепонки остаются на ней въ видѣ свѣтящихся точекъ. Нельзя удивляться, что въ тропическихъ моряхъ, столь богатыхъ моллюсками, морская вода свѣтится и тамъ, гдѣ не видно волоконъ. При чрезвычайномъ измельченіи вещества мягкихъ медузъ, все море можно принять за жидкую массу, содержащую въ себѣ студенистое вещество, которое и свѣтится".

Послѣ Гумбольда большую пользу наукѣ въ этомъ отношеніи принесъ Бакстеръ, который, при тщательномъ разсмотрѣніи свѣтящейся воды черезъ сильно увеличивающій и усовершенствованный микроскопъ, нашелъ въ ней несмѣтное количество чрезвычайно малыхъ животныхъ, отъ которыхъ и зависитъ собственно мерцаніе морской воды.

Камень или палка, говоритъ онъ, движимыя въ морской водѣ, служатъ причиною образованія въ ней множества горящихъ точекъ, которыя ни что иное, какъ очень мелкія свѣтящіяся животныя, видимыя только при помощи сильно увеличивающаго микроскопа. Для полученія этихъ животныхъ въ достаточномъ количествѣ, нужно взять немного свѣтящейся воды и процѣдить ее сквозь пропускную бумагу, на которой останется не болѣе полунціи. Затѣмъ кисточкою или перышкомъ взять одну каплю такой воды, положить ее на вогнутое стекло и разсматривать черезъ микроскопъ: тогда можно будетъ видѣть, какъ эти животныя плаваютъ въ разныхъ направленіяхъ съ чрезвычайною быстротою".

Въ настоящее время, при добросовѣстныхъ наблю-

деніяхъ извѣстнаго естествоиспытателя Эренберга, наука обогатилась еще больше, и теперь несомнѣнно извѣстно, что почти всѣ низшія морскія животныя, въ особенности акалефы, инфузоріи, полипы, моллюски, червеобразныя и раки [1]) обладаютъ способностью издавать свѣтъ, и этимъ теперь только и обусловливается чудный феноменъ свѣченія моря.

Изъ всѣхъ органическихъ свѣтящихся животныхъ самый сильный, прекрасный яркій голубовато-зеленый свѣтъ издаютъ сальпы, при шести или восьми такихъ животныхъ, сгруппированныхъ въ одномъ мѣстѣ, можно читать даже книгу.

Сальпы—это маленькія мягкотѣлыя животныя, свободно плавающія въ морѣ большими обществами, въ которыхъ отдѣльныя особи соединены между собою отростками. Сквозь ихъ прозрачное тѣльце можно различить кольцеобразные мышцы, помощью которыхъ они движутся въ водѣ, попеременно сокращая и ослабляя ихъ. Позади рта у каждаго индивидуума лежитъ свертокъ кишекъ конической формы и красновато-бураго цвѣта; въ нихъ-то и появляется всегда свѣтъ, сначала слабый, но затѣмъ постепенно все усиливающійся до опредѣленнаго предѣла, послѣ чего онъ опять ослабляется и наконецъ совершенно исчезаетъ.

Свѣтъ отъ грушевидокъ (мелкія прозрачныя животныя) несравненно красивѣе; онѣ собираются въ большомъ числѣ на одномъ общемъ цилиндрѣ и образуютъ валикъ въ шесть или семь дюймовъ длины. Если прикоснуться пальцемъ къ какой нибудь части этого живаго цилиндра, то тотчасъ же, въ томъ мѣстѣ, появится сперва искра, которая, все усиливаясь, распространяется слегка трепещущими волнами все далѣе и далѣе и наконецъ весь цилиндръ загорается синевато-зеленымъ свѣтомъ, походя при этомъ на бѣло-накаленную пла-

—

[1]) Однихъ крошечныхъ раковъ считаютъ въ настоящее время пятнадцать породъ, способныхъ издавать свѣтъ. и они блещутъ на поверхности моря блѣдно-зелеными крошечными сафирами.

менѣющую желѣзную палку. Черезъ нѣсколько мгновеній этотъ свѣтъ начинаетъ исчезать въ обратномъ направленіи и наконецъ совершенно прекращается.

Вообще при подробномъ осмотрѣ отдѣльныхъ животныхъ видно, что свѣтъ у различныхъ породъ появляется весьма неодинаково; различенъ также и способъ его распространенія въ тѣлѣ. Обыкновенно свѣтъ появляется сперва въ опредѣленномъ мѣстѣ, но уже затѣмъ распространяется все дальше и дальше, постепенно усиливаясь и развиваясь до высшей степени, послѣ чего онъ ослабляется, гаснетъ и затѣмъ вскорѣ появляется снова, т. е. появленіе и исчезновеніе свѣта въ свѣтящихся животныхъ происходитъ періодически.

„Раздражите Photochasis, говоритъ Эренбергъ, и на каждомъ усикѣ ея появятся отдѣльныя молніеносныя искорки, которыя, постепенно усиливаясь, освѣщаютъ и весь усикъ; наконецъ живой огонь пробѣгаетъ и по спинѣ этого животнаго и оно представляется подъ микроскопомъ въ видѣ горящей зеленовато-желтымъ огнемъ сѣрной нити. Въ Oceaniahemis phaerica усики расположены иначе и свѣтъ появляется огненнымъ вѣнчикомъ. Появленіе этого вѣнчика ничто иное какъ жизненный актъ, все свѣтовое развитіе—органическій жизненный процессъ, проявляющійся у инфузорій на мгновеніе искрою, но появляющійся снова послѣ краткаго отдохновенія“.

Морскія звѣзды также участвуютъ въ мерцаніи моря и у нѣкоторыхъ изъ нихъ (у офіуровъ) свѣтъ имѣетъ видъ колецъ, лежащихъ по направленію нѣжныхъ мышцъ; но особенно великолѣпенъ свѣтъ, распространяемый студенистыми акалефами, которыхъ арабы очень удачно назвали „морскими фонарями“. Они подымаются изъ глубины моря въ видѣ большихъ свѣтящихся шаровъ и, появляясь на его поверхности, разливаютъ вокругъ себя прекрасный яркій свѣтъ.

Но особенно важны для свѣченія моря свѣтящіяся наливочныя животныя, открытыя въ новѣйшее время

вслѣдствіе усовершенствованія микроскопа. Они придаютъ всему морю однообразную, непрерывную яркость; милліоны мельчайшихъ искръ свѣтятся одновременно въ каждое данное мгновеніе и сливаются передъ глазами наблюдателя въ одно связное явленіе. Животныя эти имѣютъ только отъ $^1/_{15}$ до $^1/_{12}$ линіи въ поперечникѣ и состоятъ изъ слизистой ткани, окруженной ясною перепонкою, имѣютъ ротъ, желудокъ, отверстіе для изверженія и движутся особымъ нитеобразнымъ придаткомъ. Если отдѣльное такое животное разсматривать подъ микроскопомъ, то въ его тѣлѣ можно различить тысячи крошечныхъ свѣтящихся точекъ, которыя появляются въ разныхъ мѣстахъ, внезапно возникаютъ, исчезаютъ и возобновляются. Иногда эти крошечныя животныя образуютъ на поверхности непрерывный слой слизи, въ дюймъ толщиною, причемъ достаточно малѣйшаго сотрясенія, чтобы превратить все море въ свѣтящуюся фосфорическимъ свѣтомъ массу.

Вообще число свѣтящихся морскихъ животныхъ такъ велико, что нѣтъ никакой возможности пересчитать даже одни только ихъ разнообразные виды, и одинъ ученый естествоиспытатель по этому случаю остроумно выразился такимъ образомъ: „вмѣсто того, чтобы пересчитывать всѣхъ морскихъ животныхъ, издающихъ свѣтъ, несравненно легче указать только на тѣ, которыя не свѣтятся".

Прелесть свѣченія моря увеличивается еще потому, что оно не ограничивается одною только поверхностью, но распространяется также и въ глубину, такъ что въ прозрачной водѣ на значительной глубинѣ (отъ 2 до 8 сажень) можно любоваться разнообразными рыбами, какъ бы облитыми этимъ чуднымъ свѣтомъ.

У свѣтящихся морскихъ животныхъ нѣтъ особыхъ свѣтящихся органовъ, какъ думали нѣкоторые, но они только способны издавать свѣтъ при химическомъ или механическомъ раздраженіи. Такъ, напримѣръ, при спокойномъ состояніи моря иногда даже не видишь

совершенно никакого свѣченія, но при отбрасываніи волны носомъ судна, что наблюдалось мною нѣсколько разъ еще въ Балтійскомъ морѣ, является слабый свѣтъ въ видѣ разбѣгающихся искорокъ, которыя, по мѣрѣ прекращенія движенія отброшенной волны, ослаблялись и наконецъ совершенно исчезали, между тѣмъ, какъ отъ носа корвета опять и опять разбѣгались новыя подобныя же искры и въ томъ же порядкѣ опять исчезали... Такимъ образомъ, для произведенія мерцанія моря достаточно самаго ничтожнаго сотрясенія или даже одного приливанія прѣсной воды къ морской, но до извѣстнаго предѣла. Дѣйствительно, если зачерпнуть свѣтящейся воды въ ведро и влить въ него сразу небольшое количество прѣсной воды, то мгновенно появится яркій свѣтъ, который, послѣ непродолжительнаго колебанія, постепенно замираетъ и наконецъ совершенно исчезаетъ. Если подливать въ ведро прѣсной воды все больше и больше, свѣтъ будетъ появляться все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, при извѣстномъ количествѣ прѣсной воды, совершенно прекращается и уже нѣтъ никакой физической или химической возможности возбудить опять появленіе свѣта, потому что въ этотъ моментъ прекращается жизненный процессъ свѣтящихся животныхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ихъ способность издавать свѣтъ...

Ночныя иллюминаціи, устраиваемыя Посейдономъ въ своихъ мрачныхъ владѣніяхъ, придавали нашему переходу къ островамъ Зеленаго мыса невыразимую прелесть и разнообразіе, и мы были съ лихвою вознаграждены за всѣ непріятности, испытанныя нами при первомъ знакомствѣ съ Атлантическимъ океаномъ.

19 февраля, рано утромъ, открылись острова Зеленаго мыса; чѣмъ ближе подходили мы къ нимъ, тѣмъ ярче и ярче выказывалась ихъ удивительная бѣдность и безплодіе: повсюду виднѣлись однѣ только скалы, нагроможденныя другъ на друга и безъ всякаго признака прозябанія. Живо прошелъ корветъ мимо острововъ: Св.

Николая, С. Лучіа, С. Антонія и началъ входить въ прелестную бухту острова Св. Винцента, по берегу которой раскинулся предрянной маленькій городишко — Порто Гранде (Porto grande). Не успѣлъ корветъ стать на якорь, какъ уже на него полѣзли, выѣхавшіе на встрѣчу, оборванные и грязные негры, предлагая превосходные фрукты за такую ничтожную цѣну, что желающихъ пріобрѣсти ихъ явилось такъ много, что продавцы едва успѣвали отсчитывать свой товаръ и получать за него деньги.

Вокругъ негровъ собралась группа молодыхъ матросовъ, какъ видно въ первый разъ увидѣвшихъ такое чудо, и съ удивленіемъ со всѣхъ сторонъ осматривали они туземцевъ, чуть не пробуя ихъ руками.

— Эхъ, прости Господи, какъ ихъ то здѣсь припекло, ажно всѣ, бѣдняжки, почернѣли, проговорилъ съ видимымъ сожалѣніемъ стоящій тутъ же Архипъ.

А губища-то, а волосища-то, а глазища-то, глазища — точно съѣсть хотятъ, съ удивленіемъ подсказываетъ Михайло, страсти, да и только...

— Нехристь, какъ есть нехристь, увѣрялъ третій матросикъ, угрюмо поглядывая на новоприбывшихъ.

— Поди-жъ, всякіе на свѣтѣ есть народы, проговорилъ опять Архипъ, и православные, и басурмане, и нехристи такіе...

— И всякому этта отдѣльная земля Богомъ назначена, добавилъ Михайло, вотъ въ Европіи все бѣлый народъ живетъ, а какъ попали въ Африканію, ну, сичасъ этта ужъ и черные пошли, а дальше, баитъ Яковъ Матфеичъ, и красные пойдутъ, а тамъ можа и желтые, одно слово—всякихъ цвѣтовъ...

— Удивительная этта вещь! не красятся ли ужъ онѣ? спросилъ матросикъ, угрюмо поглядывавшій на продавцовъ-негровъ.

— Ннѣтъ! Яковъ Матфеичъ баитъ, что все эфто отъ воздуху больше.

— Отъ воздуху!? Ну, значитъ, и мы здѣся тожъ почернѣемъ, съ испугомъ проговорилъ матросикъ.

— Можетъ статься!...

— Ой-ли! А значитъ какъ къ желтымъ попадемъ, такъ пожалуй и пожелтѣемъ, добавилъ Архипъ.

— И эфто можетъ статься!....

А значитъ тогды только опять побѣлѣемъ, какъ въ Рассею возвратимся?

— Разумѣтца!....

— Эхъ, олухи, право олухи, вологодскіе мужланы, што вы тутъ брешете? проговорилъ стоящій въ сторонкѣ унтеръ и давно прислушивавшійся къ бесѣдѣ трехъ молодыхъ матросовъ; всѣ бѣлыми останемся, потому это народъ такой, чернымъ ужъ и родится....

— Ишь-ты! удивились въ одинъ голосъ собесѣдники и еще съ большимъ вниманіемъ стали поглядывать, да осматривать негровъ-торговцевъ.

Вмѣстѣ съ продавцами явился на корветъ представитель португальской власти, неизвѣстнаго происхожденія, потому что цвѣтъ его лица былъ не очень черенъ, а между тѣмъ губы и глаза очень походили на негритянскіе. Одѣтъ онъ былъ въ жилетъ, грязный фракъ съ галунами (нижняго бѣлья мы не видали) и старенькія брюки, украшенные неизбѣжною, при ветхости ихъ бахромою, которая едва-едва опускалась ниже колѣнъ и едва хватала до стоптанныхъ башмаковъ; на головѣ у этого субъекта красовался мятый, посѣдѣлый отъ старости, цилиндръ, но надѣтый съ шикомъ на бекрень, точь-въ-точь какъ носятъ его петербургскіе ловеласы. Съ необыкновенными ужимками началъ онъ выспрашивать о названіи судна, числѣ людей, нѣтъ ли на немъ больныхъ заразительными болѣзнями, и задавать тому подобные формальные вопросы. Записавъ всѣ отвѣты въ имѣвшуюся при немъ книгу, онъ привѣжливо со всѣми раскланялся, сѣлъ на шлюбку и возвратился на берегъ, а мы получили позволеніе имѣть съ городомъ свободное сообщеніе...

Корветъ съ перваго же дня началъ грузиться углемъ, запасаться зеленью и свѣжимъ мясомъ; въ первый же день явилось много желающихъ съѣхать, послѣ девятнадцати дневнаго перехода на берегъ и посмотрѣть хоть на городъ, который оказался до того плохимъ, какимъ-то тощимъ, что съ перваго же разу разочаровалъ многихъ. Онъ расположенъ у подошвы голыхъ горъ, на самой безплодной почвѣ: повсюду видѣнъ одинъ только песокъ и песокъ, и больше ничего; нигдѣ ни кусочка зелени, ни деревца. Городъ, состоящій всего на всего изъ какихъ нибудь четырехъ сотъ домовъ, былъ какъ-то пустъ, точно вымершій; только на берегу валялось въ пескѣ нѣсколько негровъ, которые съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрѣли на насъ и, казалось, нисколько нами не интересовались, изрѣдка проѣзжавшій на лошакѣ какой-нибудь джентльменъ съ лицомъ лимоннаго цвѣта, бросалъ на насъ проницательный взглядъ и проносился себѣ дальше... Видѣли и встрѣчали впрочемъ, и неизбѣжныхъ англичанъ, которые, повидимому, расплодились по всему свѣту, какъ тараканы, захвативъ почти всю торговлю въ свои могучія руки.

Вообще Порто-Грандe не можетъ похвалиться ничѣмъ, кромѣ какъ развѣ своимъ безплодіемъ, унылымъ и жалкимъ видомъ, который придаютъ ему въ одинаковой степени какъ пустынная и нагая мѣстность на которой онъ раскинулся, такъ и дрянные дома, какъ видно выстроенные на скорую руку. Есть впрочемъ, въ городѣ и порядочные дома, даже отели, но небольшое ихъ число совершенно стушевывается въ массѣ дрянныхъ построекъ, и кромѣ того они принадлежать большею частію, точно также какъ и красивыя загородныя дачи, окруженныя даже зеленью, богатымъ англійскимъ купцамъ, а не туземцамъ-португальцамъ, которые самымъ безпечнѣйшимъ образомъ проживаютъ свои дни въ плохенькихъ домикахъ, выстроенныхъ, какъ нарочно, на самыхъ безплодныхъ мѣстахъ.

ГЛАВА IX.

Географическое положеніе острововъ Зеленаго Мыса.—Раздѣленіе на группы —Пространство. -Наружный ихъ видъ.—Гидрографія.—Геологія —Почва.—Климатъ.—Флора и фауна.

Между Сенегаломъ и Гамбіею африканскій берегъ далеко выдается въ океанъ и образуетъ прекрасный мысъ, во всѣ времена года увѣнчанный зеленѣющими баобабами, отчего онъ и получилъ названіе Зеленаго Мыса. Не болѣе какъ въ 300 морскихъ миляхъ отъ этого мыса тянется небольшая группа острововъ, расположенная въ 250 миляхъ къ юго-западу отъ Канарскихъ и почти въ 2000 миляхъ отъ Плимута. Вся эта группа состоитъ только изъ четырнадцати острововъ: Сантъ-Яго (Sao-Thiago), Св. Антонія (Sao-Antao), Фого (Ilha do Fogo), Боависта (Boavista), Св. Николая (Sao-Nicolais), Св. Винцента, Саль (Ilha do Sal), Maio (Ilha do Maio), Брава (Ilha do Brava), Св. Лучіи (Sao Lucia), Рацо (Razo), Бранко (Branco), Ромбо (Rombo) и Гранде (Grande); но четыре послѣдніе острова, до того малы, что не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Острова Зеленаго Мыса расположены между 14°45′ и 17°13′ сѣверной широты и 22°40′ и 25°22′,5 западной долготы отъ Гринвича [1]), самый сѣверный изъ нихъ и въ то же время самый западный это островъ Св. Антонія, самый южный —Брава и наконецъ самый восточный — Боависта.

Весь архипелагъ острововъ Зеленаго Мыса дѣлится природою на двѣ отдѣльныя группы, совершенно различныя другъ отъ друга. Первая изъ нихъ, западная, состоящая изъ острововъ: Св. Антонія, Св. Винцента,

---

[1]) Если считать отъ Парижскаго меридіана до острова Зеленаго Мыса занимаютъ пространство между 25°46′ с. ш. и 27°47′ западной долготы.

Св. Лучіи, Св. Николая, Рацо, Бранко, расположенныхъ по прямой линіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и подверженныхъ болѣе всего вліянію господствующихъ вѣтровъ, называется „Навѣтренною“ (as ilhas do Balravento). Вторая же группа, восточная, заключающая въ себѣ остальные острова, лежащіе по кривой линіи, впадина которой приходится противъ первой вѣтви, называется „Подвѣтренною“ (as ilhas do Sotavento), такъ какъ она находится подъ вѣтромъ у первой группы.

Общая поверхность всѣхъ острововъ Зеленаго Мыса достигаетъ до 1,240 квадратныхъ миль, при чемъ эта величина распредѣляется на нихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Поверхность	острова	Сантъ-Яго	равняется	360	кв.	миль
„	„	Св. Антонія	„	240	„	„
„	„	Фого	„	144	„	„
„	„	Боависта	„	140	„	„
„	„	Св. Николая	„	115	„	„
„	„	Св. Винцента	„	70	„	„
„	„	Саль	„	68	„	„
„	„	Маіо	„	50	„	„
„	„	Брава	„	36	„	„
„	„	Св. Лучіи	„	8	„	„
„	4 острововъ:	Рацо, Бранко, Рамбо и Гранде	„	9	„	„
			Итого	1,240	кв.	миль

Острова Зеленаго Мыса считаются важною морскою станціею, потому что они находятся, по своему морскому положенію, какъ разъ на перепутьѣ судовъ, идущихъ изъ Европы черезъ мысъ Доброй Надежды въ Индію, Австралію, Китай, Японію и другія страны, лежащія по окраинамъ Индійскаго и Великаго океановъ, а также на перепутьѣ судовъ, идущихъ изъ Европы въ

Бразилію и обратно. Но въ настоящее время, послѣ прорытія Суэцкаго канала, ихъ важное значеніе уменьшилось, потому что большая часть купеческихъ судовъ избираютъ путь въ вышеупомянутыя страны черезъ Суэцкій каналъ, какъ кратчайшій путь и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣйшій. До прорытія же этого канала, острова Зеленаго Мыса были посѣщаемы гораздо большимъ числомъ купеческихъ судовъ, которыя заходили собственно для того только, чтобы захватить для дальнѣйшаго плаванія свѣжей провизіи, зелени и воды. На Мадейру же или Канарскіе острова суда не заходили, потому что они лежатъ совершенно въ сторонѣ отъ морской дороги, а для купца время дорого, и онъ лучше посѣтитъ безплодные острова Зеленаго Мыса, лежащіе по дорогѣ, чѣмъ свернуть въ сторону, чтобы только захватить необходимые припасы въ болѣе прелестныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, положеніе острововъ Зеленаго Мыса таково, что всѣ идущія изъ Европы суда подходятъ къ нимъ и уходятъ съ нихъ съ вѣчнымъ сѣверовосточнымъ пассатомъ, а для паруснаго судна лучшаго желать и нельзя...

Острова Зеленаго Мыса, самыя безплоднѣйшія и бѣднѣйшія владѣнія португальцевъ, имѣютъ почти во все время года чрезвычайно грустный и непривлекательный видъ: то взглядъ теряется въ нескончаемыхъ песчаныхъ пространствахъ, то останавливается на высокихъ скалистыхъ или базальтовыхъ горахъ, то наконецъ скользитъ по громаднымъ солянымъ грудамъ, составляющимъ главное богатство бѣдныхъ и безплодныхъ острововъ. Вообще наружный ихъ видъ представляетъ глазу много разнообразія, но въ то же время нѣтъ почти ни одного острова, на которомъ могъ бы отдохнуть утомленный взоръ. Изъ всего архипелага самые красивые острова это „Навѣтренные", по берегамъ которыхъ высятся высокія, оканчивающіяся пиками и снѣжными вершинами, горы, которыхъ основанія омываютъ теплыя воды Атлантическаго океана.

Изъ „Подвѣтренныхъ“ острововъ наружнымъ видомъ особенно выдаются: песчаный островъ Маіо съ двумя песчаными, круглыми, отдѣльными горами и съ пикомъ, при подошвѣ котораго расположены дрянные домики, такъ называемаго англійскаго города; островъ Сантъ-Яго, на которомъ вмѣсто песчаныхъ равнинъ, совершенно черныя базальтовыя горы, и наконецъ островъ Фого съ величественнымъ вулканическимъ пикомъ, вершина котораго теряется въ облакахъ.

Проникая въ глубь всѣхъ острововъ, приходится убѣдиться, что внутренній ихъ видъ совершенно соотвѣтствуетъ внѣшности: вся мѣстность, за исключеніемъ глубокихъ долинъ, подвержена жгучимъ лучамъ тропическаго солнца, совершенно пустынна и нага; въ сухое время года почти всюду распространяется невыносимый зной и страшная засуха; но при первыхъ зимнихъ дождяхъ высохшая почва всѣхъ острововъ покрывается на короткое время роскошною растительностію, не уступающею растительности американскихъ пампасъ. Только на островахъ: Сантъ-Яго, Св. Николая и Св. Антонія, даже и въ самое сухое время, живописныя ихъ долины, расположенныя среди высокихъ горъ, сохраняютъ достаточное количество воды, которая распространяетъ въ воздухѣ, въ это страшное время убивающаго зноя, пріятную влажность и даетъ пищу зелени и деревьямъ, въ тѣни которыхъ слышится пѣніе множества пріютившихся птицъ, раздаются крики обезьянъ и тому подобные звуки животной жизни.

Острова Зеленаго Мыса орошаются столь незначительными рѣками, что гидрографія ихъ можетъ имѣть только мѣстное значеніе. Однѣ обширныя долины острововъ: Сантъ-Яго и Св. Антонія орошаются въ теченіи цѣлаго года ручейками и горными потоками; въ другихъ же мѣстахъ вода въ ручейкахъ появляется только во время зимнихъ дождей, а съ наступленіемъ засухи опять исчезаютъ, не принеся рѣшительно никакой

пользы, потому что жители Зеленыхъ острововъ не принимаютъ до сихъ поръ никакихъ мѣръ для собиранія воды на остальное время года, не устраиваютъ бассейновъ и водоемовъ, но пользуются во время сухаго времени колодцами и ключами, которыхъ однако такъ мало, что ихъ можно пересчитать по пальцамъ: воды ихъ хватаетъ только развѣ на пищу, но никакъ ни на орошеніе засохшей почвы и поддержаніе растительности.

Общее бѣдствіе при сухомъ времени года много увеличиваетъ сама почва, которая состоя преимущественно изъ песку и известняка, совершенно не въ состояніи, сохранить въ себѣ влажность, вслѣдствіе чего испаренія здѣсь чрезвычайно быстры и почва почти постоянно раскалена до необычайной степени.

И такъ два величайшія бѣдствія острововъ Зеленаго Мыса--это недостатокъ воды и деревъ; послѣднія встрѣчаются здѣсь очень рѣдко: только на нѣкоторыхъ островахъ попадаются небольшіе оазисы или рощи разновидныхъ деревьевъ, которые можно назвать земнымъ раемъ въ сравненіи съ окружающею мѣстностью, по истинне достойную названія ада. Отсутствіе лѣсовъ имѣетъ сильное вліяніе на климатъ и плодородіе острововъ Зеленаго Мыса, потому что лѣса, если бы они были, значительно охлаждали бы окружающій воздухъ, корни деревъ разрыхляли бы почву, а ихъ отпадающіе листья образовали бы съ теченіемъ времени значительной толщины наземъ, который, сильно втягивая въ себя влагу, представлялъ бы уже нѣчто въ родѣ природнаго хранилища необходимаго количества влаги, которая бы питала множество ключей, далеко распространяющихъ вокругъ себя плодородіе и изобиліе. Вмѣстѣ съ тѣмъ густой лиственный покровъ лѣсовъ препятствовалъ бы жгучимъ лучамъ солнца проникать на землю и высушивать ее, и такимъ образомъ много содѣйствовалъ бы какъ сохраненію въ землѣ втянутой въ себя влаги, такъ и увеличенію числа и обильности источниковъ.

Изъ всего этого видно, что отъ человѣка зависитъ преобразовать климатъ страны и понудить природу къ болѣе равномѣрному распредѣленію своихъ даровъ; но жители острововъ Зеленаго Мыса, вмѣсто того чтобы разводить лѣса, начали въ первое время, по своему невѣдѣнію, напротивъ, истреблять и тѣ, которые были, и такимъ образомъ довели свою страну до безобразнѣйшаго безплодія. Хотя они въ настоящее время и опомнились, прекративъ дальнѣйшее истребленіе на топливо небольшихъ рощъ и начавъ разводить понемногу новыя, но къ несчастью, легко испорченные и вырубленные лѣса гораздо труднѣе подростить, и много пройдетъ еще времени до тѣхъ поръ, когда лишенные всякаго назема, горные хребты и безплодныя равнины покроются тѣнистою зеленью. Чтобы достигнуть этого, нужно много положить труда и энергіи, которыхъ, къ несчастью, у португальцевъ нѣтъ, а потому можно полагать, что пройдутъ еще вѣка, а острова Зеленаго Мыса останутся такими же безплодными, нагими и жалкими, если только они не перейдутъ въ болѣе энергичныя, трудолюбивыя и практическія руки...

Геологія острововъ Зеленаго Мыса еще мало изслѣдована; большую пользу въ этомъ отношеніи принесли только два знаменитыхъ ученыхъ: Дарвинъ, дѣлавшій наблюденія на островѣ Сантъ-Яго, и французскій геологъ Карлъ Сентъ-Клеръ-Девилль (Charles-Saint-Claire-Deville), изслѣдовавшій волканъ на островѣ Фого. „Удаляясь отъ береговъ острова Сантъ-Яго къ юго-западу, говоритъ Сентъ-Клеръ-Девилль, путешественнику прежде всего бросится въ глаза островъ Фого съ своимъ величественнымъ пикомъ Тейдъ (Teyde), рѣзко обрисовывающимся на свѣтлой лазури тропическаго неба; этотъ пикъ, несмотря на свою массу, покоится на группѣ высокихъ горъ, скрывающихъ значительную его часть, только съ сѣверо-восточной стороны его основаніе лежитъ на самомъ уровнѣ моря и затѣмъ онъ быстро возвышается почти до трехъ тысячъ метровъ.

Формою своею волканъ этотъ имѣетъ большое сходство съ Везувіемъ, потому что онъ представляетъ такой же конусъ, какъ и Везувій, съ одной стороны окруженный полукруглымъ валомъ и обвалившійся со стороны моря. Видъ пика правиленъ, съ наклономъ въ 35° или 40°, который кажется такимъ значительнымъ, что подняться на него очень трудно и даже невозможно".

И дѣйствительно, г. Девиль въ продолженіе трехъ часовъ поднимался на высоту почти трехъ тысячъ метровъ, и только послѣ страшныхъ усилій и совершеннаго изнеможенія достигъ до краевъ кратера. Къ несчастью, французскій геологъ не могъ достигнуть самой вершины пика, потому что уединенный и скалистый утесъ, образующій эту вершину, былъ неприступенъ именно съ той стороны, съ которой поднимался г. Девиль.

Въ нѣсколькихъ метрахъ ниже кратера, Девиль замѣтилъ широкое отверстіе, имѣющее по всей вѣроятности сообщеніе съ подземными глубокими гротами, изъ котораго свободно, безъ шума, вырывался паръ, неимѣющій никакого запаха, температура котораго доходила до 50° Р., почему знаменитый геологъ не могъ произвести подробнаго осмотра отверстія.

Діаметръ, почти круглаго кратера доходитъ приблизительно до пятисотъ метровъ, глубина же отъ 250 до 300 метровъ. Внутренность его, наружныя отлогости и скала у подошвы которой стоялъ Девиль, состоятъ изъ крѣпкаго базальта; изъ этого можно заключить, что весь пикъ острова Фого состоитъ изъ громадныхъ базальтовыхъ слоевъ.

По словамъ очевидцевъ изверженій этого вулкана, послѣдовавшихъ въ 1769, 1785 и наконецъ въ 1799 годахъ казалось, что пикъ треснулъ и изъ него по временамъ выходило множество прямыхъ ключей; лава стремительно текла по вогнутой части окружающей возвышенности въ море, гдѣ и образовала у самыхъ береговъ страшные буруны, препятствующіе судамъ приставать къ острову съ этой стороны. Всѣ эти подробности на-

поминаютъ изверженіе Везувія, только разница въ томъ, что западная часть острова, на которой раскинуто множество потухшихъ конусовъ, не подверглась нападенію лавы.

Дальнѣйшія геологическія наблюденія Девиля показали, что весь островъ Фого состоитъ или изъ слоевъ одного только базальта, или же (какъ напримѣръ возвышенность, окружающая пикъ и поднимающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти перпендикулярно на 1000 метровъ въ вышину) изъ соединенія слоевъ базальта и конгломерата [1]), прорѣзанныхъ вертикальными и наклонными рудными жилами.

Что касается до острова Сантъ-Яго, то геологическое строеніе его совершенно различно отъ острова Фого и представляетъ самый интересный отдѣлъ его естественной исторіи.

„При входѣ въ гавань Порто-Прая [2]), пишетъ Дарвинъ въ своемъ дневникѣ, путешественникъ прежде всего замѣтитъ въ стѣнѣ береговыхъ утесовъ почти горизонтальную бѣлую полосу, тянущуюся вдоль берега на нѣсколько миль, на высотѣ сорока пяти футъ надъ уровнемъ моря. По изслѣдованію эта полоса оказалась состоящею изъ известняка, заключающаго въ себѣ множество раковинъ, похожихъ на тѣ, которыя и до настоящаго времени встрѣчаются на сосѣднихъ берегахъ. Слой этотъ покоится на старыхъ вулканическихъ скалахъ и залитъ потокомъ базальта, вѣроятно еще въ то время, когда бѣлый раковистый известнякъ лежалъ на днѣ океана. Жаръ лавы, покрывающей эту рыхлую известковую массу, произвелъ въ ней интересныя измѣненія: такъ въ одномъ мѣстѣ она превратилась въ стекловидный камень, въ другомъ—въ пестрый плотный

---

[1]) Конгломератъ—отъ латинскаго conglomerare—свивать въ клубокъ. Куски разныхъ минераловъ, связанныхъ между собою какимъ нибудь посторонимъ минераломъ.

[2]) Порто-Прая—главный городъ архипелага.

известнякъ; а тамъ, гдѣ известь подверглась дѣйствію расплавленной лавы, она превратилась въ изящныя, лучеобразно-расположенныя жилки, имѣющія большое сходство съ аррагонитомъ [1]). Слои лавы постепенно возвышаются слегка наклоненными площадками къ центру острова, откуда по всей вѣроятности, потекли первоначально расплавленные потоки.

Со временъ историческихъ на островѣ Сантъ-Яго не было даже признаковъ волканической дѣятельности и въ настоящее время даже трудно найти какіе нибудь остатки прежнихъ кратеровъ; однако можно еще различить на берегу слѣды послѣднихъ потоковъ лавы, образовавшей ряды скалъ менѣе высокихъ.

Этимъ заканчиваются всѣ геологическія наблюденія на островахъ Зеленаго Мыса, достаточно доказывающія, что волканическаго происхожденія и что можетъ быть тысячи лѣтъ тому назадъ здѣсь дѣятельно работали подземные огни и выдвигали изъ нѣдръ океана одинъ островъ за другимъ...

Почва островов чрезвычайно разнообразна: на островахъ Саль, Боависта и Маіо — глинистая, каменистая, известковая и мѣстами волканическая; на Сантъ-Яго, Св. Антонія, Св. Николая и Фого — волканическая; наконецъ, на островѣ Брава — рухляковая и черноземная, и онъ, по своей роскошной въ сравненіи съ другими островами растительности, считается самымъ плодороднѣйшимъ изъ всего архипелага.

По своему прелестному положенію въ тропическихъ водахъ, острова Зеленаго Мыса могли бы быть плодороднѣйшими въ свѣтѣ и доставили бы своимъ жителямъ всевозможные продукты въ большомъ количествѣ, но все несчастье ихъ заключается въ недостаткѣ лѣса и воды. Вслѣдствіе перваго недостатка большая часть

---

[1]) Аррагонитъ отъ собственнаго имени. Родъ извѣстняка, кристаллизирующагося обыкновенно въ шестигранныя призмы. Названіе свое онъ получилъ отъ Аррагоніи, испанской провинціи, гдѣ былъ онъ въ первый разъ найденъ.

поверхности острововъ подвержена губительному дѣйствію тропическаго солнца, причемъ самая плодороднѣйшая почва превращается въ самую безплодную и непроизрастательную. Вслѣдствіе второго недостатка и бездождія не поддерживается въ воздухѣ и почвѣ необходимая для произрастанія влажность, почему острова представляютъ взору однѣ только выгорѣлыя равнины, какъ будто пробѣжало по нимъ пламя опустошительнаго пожара и истребило до-тла всю растительность, или совершенно голыя, лишенныя признаковъ прозябанія скалы, въ безпорядкѣ набросанныя другъ на друга и печально вздымающія къ небу свои угловатыя формы, или же наконецъ—пустынные и песчанные берега, подвергающіеся въ извѣстное время года полной свирѣпости совершенно сухихъ, дующихъ съ раскаленнаго африканскаго материка вѣтровъ.

Минеральное богатство острововъ Зеленнаго Мыса весьма ограничено: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ архипелага встрѣчается желѣзная руда, а на островахъ Св. Антонія и Брава находятъ желѣзные источники; кромѣ того, почва острова Брава представляетъ нѣкоторые признаки мѣди и селитры. Изъ благородныхъ металловъ находятъ золото въ глинѣ горы Wermelho (Красная гора), на островѣ Сантъ-Яго, изъ которой туземцы выдѣлываютъ превосходную посуду. Кромѣ того въ разныхъ частяхъ острововъ попадается мраморъ, известняковый камень, черный янтарь и громадное количество соли, которое поразило древнихъ мореплавателей до такой степени, что они назвали острова Зеленаго Мыса—Солеными островами. Въ настоящее же время соль производятъ только три острова: Маіо, Боависта и Саль....

Климатъ острововъ Зеленаго Мыса чрезвычайно знойный, не уступающій климату континентальныхъ странъ той же широты, несмотря на то, что они окружены океаномъ, доставляющимъ имъ постоянную влажность, морскіе вѣтра много освѣжаютъ окружающій ихъ воздухъ. За то утра и вечера здѣсь, вслѣдствіи сильнаго

испаренія окружающаго океана, причемъ большая часть теплорода переходитъ въ скрытое состояніе, довольно прохладны и часто даже свѣжи; роса въ большую часть времени года выпадаетъ въ большомъ изобиліи.

Въ нѣкоторыя времена года всѣ острова покрываются какъ бы туманомъ, что происходитъ отъ тончайшей „желтой" пыли, поднимающейся, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, съ засохшей почвы острововъ; она насаживается на проходящія суда въ такомъ изобиліи, что ихъ бѣлые паруса превращаются въ совершенно желтые, и поэтому случаю у иностранныхъ моряковъ существуетъ слѣдующая поговорка: „У острововъ Зеленаго Мыса бѣлые паруса перекрашиваются въ желтый цвѣтъ"! Знаменитый англійскій натуралистъ Дарвинъ опровергаетъ мнѣніе, что эта пыль поднимается съ засохшей почвы, но доказываетъ, что она идетъ изъ Африки. И дѣйствительно, судя по направленію вѣтра во время ея паденія, а также по времени когда она падаетъ, что всегда случается именно въ тѣ мѣсяца когда гарматтанъ [1]) высоко поднимаетъ въ воздухъ со степи Сахары цѣлыя облака пыли, можно съ увѣренностью сказать, что это не желтая, а коричневая пыль дѣйствительно приносится съ африканскаго материка. Она насаждается на судно уже за нѣсколько сотъ миль до острововъ и состоитъ, по изслѣдованію Эренберга, главнымъ образомъ изъ инфузорій съ кремнистыми панцырями и изъ кремнистыхъ частей растительной ткани. Онъ нашелъ въ ней около 67 различныхъ органическихъ формъ; а всѣ инфузоріи, за исключеніемъ только двухъ морскихъ видовъ, живутъ въ прѣсныхъ водахъ. Кромѣ того, въ этой же пыли Дарвинъ, собравшій ее на кораблѣ Бэгль, за 300 миль отъ береговъ, нашелъ даже кусочки камня, величиною въ одну тысячную долю квадратнаго дюйма.

Пыль эта чрезвычайно вредна для глазъ и затем-

---

1) Гарматтаномъ называются восточные вѣтры, дующіе у западныхъ береговъ Африки изъ степи Сахары.

няетъ иногда воздухъ до такой степени, что острова Зеленаго Мыса кажутся задернутыми нѣсколько разъ сложенною коричневою кисеею.

Съ іюня по сентябрь здѣсь время зимнихъ дождей (o tempo das agoas), послѣ которыхъ наступаетъ всегда самое нездоровое и опасное состояніе воздуха, при чемъ свирѣпствуютъ часто смертоносныя болѣзни. Въ продолженіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ идутъ самые сильные дожди, и это время столь же необходимо для населенія острововъ, какъ и разлитіе Нила—жителямъ Египта, потому что образуется множество рѣкъ, ручейковъ и потоковъ, которые развиваютъ вокругъ себя роскошную растительность и плодородіе, но плодородіе скоро проходящее, потому что при первыхъ жарахъ все опять засыхаетъ, а жители острововъ нисколько не заботятся о сохраненіи хоть небольшаго количества зимнихъ дождей на лѣтнее время, такъ какъ не устроены водоемы, гдѣ могла бы сохраняться эта вода, нѣтъ также искусственныхъ каналовъ или хоть бы маленькихъ канавъ, помощью которыхъ можно было бы изъ болѣе плодородныхъ и богатыхъ водою мѣстъ проводить ее въ болѣе сухія, и такимъ образомъ распространять плодородіе и растительность до возможной степени. Этого повторяю, ничего нѣтъ вслѣдствіи удивительнѣйшей безпечности жителей и самаго португальскаго правительства, которое нисколько не заботится о своихъ владѣніяхъ и совершенно ихъ не поддерживаетъ, а между тѣмъ они часто подвергаются страшнымъ бѣдствіямъ, такъ какъ бываетъ время, когда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ [1]) не падаетъ здѣсь ни капли дождя и всеобщая засуха производитъ ужаснѣйшій голодъ и болѣзни. Владѣли бы этими, безплодными въ настоящее время, островами англичане, они навѣрное черезъ нѣсколько столѣтій обратили бы ихъ въ самыя плодороднѣйшія владѣнія.

[1]) Какъ напримѣръ съ 1770 года по 1773 и съ 1831 по 1833 годъ.

Съ октября по май включительно погоды на островахъ Зеленаго мыса совершенно мѣняются; вмѣсто дождей наступаетъ самая ясная, жаркая и сухая погода; роскошная растительность, появившаяся было во время зимнихъ дождей изъ каждой расщелины скалъ, на склонахъ горъ и громадныхъ равнинахъ, опять засыхаетъ и обращается въ естественное сѣно, которымъ кормятся въ сухое время большія стада рогатаго и домашняго скота. Въ это время дуютъ постоянные восточные вѣтра, почему оно извѣстно подъ названіемъ „береговыхъ вѣтровъ“ или „бризовъ“. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцѣ эти вѣтра достигаютъ наибольшей своей силы (потому что въ это время происходитъ сильное охлажденіе Сахары) и приносятъ большой вредъ всему архипелагу, но особенно „Подвѣтреннымъ островамъ“, какъ лежащимъ ближе всѣхъ къ африканскому материку.

На климатъ различныхъ острововъ имѣетъ большое вліяніе положеніе въ группѣ и составъ ихъ почвы, вслѣдствіе чего онъ на разныхъ островахъ совершенно различенъ, такъ напримѣръ на островѣ Сантъ-Яго, считающемся самымъ нездоровымъ и смертоноснымъ въ группѣ, свирѣпствуютъ мѣстныя вредныя лихорадки извѣстныя подъ туземнымъ названіемъ carneiradas; между тѣмъ на островѣ Maio эта болѣзнь появляется только въ дождливое время іюля и августа мѣсяцевъ. Что же касается до острововъ Св. Антонія, Св. Винцента и Брава, то по своему здоровому климату, они занимаютъ первое мѣсто во всемъ архипелагѣ.

Флора острововъ Зеленаго Мыса, не смотря на отличное положеніе этого архипелага въ тропическихъ видахъ, очень бѣдна, и это происходитъ только вслѣдствіе недостатка воды.

Единственное богатство острововъ Саль, Maio и Боависта, какъ я уже говорилъ, — соль, и потому они, вмѣстѣ съ островомъ Св. Винцента, заселеннымъ лѣнивыми пастухами, не изобилуютъ растеніями и продуктами. Наиболѣе засѣваются на нихъ турецкіе бобы и

маисъ, а также встрѣчается, какъ и на прочихъ островахъ архипелага, лакмусовый ягель (licher rocella), растущій преимущественно на вершинахъ и крутыхъ склонахъ. Это естественное богатство, не требующее за собою рѣшительно никакого ухода, приноситъ жителямъ довольно большой доходъ. На островахъ Сантъ-Яго и Св. Антонія обработывается только третья ихъ часть; на—Св. Николая и Фого—пятая, и наконецъ на островѣ Брава почти все его пространство, потому что онъ считается самымъ плодороднѣйшимъ изъ всего архипелага. Всѣ эти пять острововъ производятъ также маисъ и бобы, но въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что ихъ хватаетъ только на мѣстныя потребности и только въ очень урожайные годы небольшое количество этихъ продуктовъ вывозится на островъ Мадейру.

Изъ другихъ главныхъ продуктовъ, произрастающихъ на островахъ Зеленаго Мыса, замѣчательны: кофе, клещевина (они служатъ даже предметомъ вывоза), наконецъ хлопчатникъ, индиго, табакъ, драконовое дерево, кактусъ съ кошенилью, сахарный тростникъ и виноградъ. Кофе въ первый разъ былъ привезенъ на островъ Св. Николая въ 1790 году, затѣмъ, черезъ короткое время его уже начали разводить на Сантъ-Яго, и наконецъ въ настоящее время онъ разводится даже на островѣ Св. Антонія. Этотъ продуктъ до того здѣсь преуспѣлъ, что соперничаетъ съ самымъ лучшимъ кофе—мокскимъ.

Клещевина, или Palma Christi, не приносила въ прежнее время по невѣдѣнію жителей, рѣшительно никакой пользы и ее истребляли тогда въ большомъ количествѣ только на топливо; но въ настоящее время о ней заботятся, не срубаютъ и даже разводятъ. Она растетъ на какой угодно почвѣ и не требуетъ за собою рѣшительно никакого ухода. Въ концѣ втораго года она даетъ плодъ, изъ котораго жители въ настоящее время выжимаютъ превосходное горючее масло, вывозимое ежегодно со всѣхъ сторонъ въ количествѣ почти

200,000 боченковъ, на сумму около 25 милліоновъ франковъ.

Хлопчатникъ на островахъ Зеленаго Мыса встрѣчается двухъ сортовъ: бѣлый или растущій деревомъ, и желтый или травянистый. Онъ разводится чрезвычайно легко, но съ трудомъ собирается и плохо очищается.

Индиго растетъ въ дикомъ состояніи на различныхъ островахъ, но въ особенности на островѣ Св. Антонія.

Сборъ и приготовленіе табаку не представляетъ здѣсь особеннаго труда; онъ хорошо разводится на островѣ Фого, почва котораго совершенно благопріятствуетъ его произрастанію. Готовый табакъ не уступаетъ своею добротою кентукійскому и виргинскому.

Драконовое дерево не только полезно для жителей, но даже необходимо собственно для острововъ Зеленаго Мыса. Оно растетъ въ мѣстахъ каменистыхъ, самыхъ сухихъ и безводныхъ, не требуя за собою рѣшительно никакого ухода. Не болѣе какъ черезъ десять лѣтъ оно становится чрезвычайно вѣтвистымъ и тѣнистымъ, и такимъ образомъ первая его польза, и самая главная, заключается именно въ томъ, что оно поддерживаетъ вокругъ себя хорошую растительность; во вторыхъ изъ ствола его вытекаетъ чудесная смола, извѣстная подъ названіемъ „драконовой крови", которая вывозится отсюда уже съ XVII столѣтія, почти въ такомъ же количествѣ, какъ соль и мѣдь. Каждое дерево выдѣляетъ изъ себя ежегодно до двухъ фунтовъ этой смолы.

Кактусъ coccionilifera въ первый разъ былъ привезенъ съ Тенерифа въ 1840 году и разросся чрезвычайно хорошо, но только кошениль его нѣсколько хуже мексиканской.

Сахарный тростникъ разводится на нѣкоторыхъ островахъ архипелага двухъ сортовъ, но сахару выдѣлываютъ очень мало, а больше всего гонятъ изъ него, такъ на-

зываемую сахарную водку. Виноградники даютъ довольно хорошіе сборы: самый вкусный виноградъ растетъ на волканической почвѣ острова Фого, но приготовляемое изъ него вино плохо. Кромѣ этихъ главнѣйшихъ произведеній почвы острововъ Зеленаго Мыса встрѣчаются и другія, но въ менѣе значительномъ количествѣ, какъ напримѣръ различнаго сорта деревья, кустарники, образующіе въ иныхъ мѣстахъ довольно хорошенькіе оазисы. Изъ нихъ особенно замѣчательны: рожковое дерево, дерево ameixoeira, плоды котораго похожи на большую сливу, но вкусъ имѣютъ горькаго миндаля; акація катéху, дающая смолистый сокъ гуява или грушевое индѣйское дерево lolo, волокнистыя листья котораго идутъ на приготовленіе веревокъ; затѣмъ ананасныя, лимонныя, шафранныя, орѣховыя, имбирныя, миндальныя [1]) и разныя банановыя деревья; алой, апельсиновыя деревья [2]) съ превосходными плодами, и наконецъ встрѣчаются огромныхъ размѣровъ баобабы и другія менѣе замѣчательныя деревья, но все это въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что общій видъ острововъ все таки какъ-то унылъ и совершенно голъ: только изрѣдка покажется между горами плодородная долина или небольшой оазисъ сгруппированныхъ деревъ.

Изъ огородныхъ растеній разводится здѣсь для мѣстныхъ потребностей чеснокъ, лукъ, салатъ, крессъ, щавель, двухъ или трехъ сортовъ капуста, тыква, дыни, арбузы и огурцы. Изъ нихъ дыни, хотя очень сочны и вкусны, но чрезвычайно нездоровы; спѣлыя—имѣютъ свѣтло-лимонный цвѣтъ; въ нихъ находится множество черныхъ и шероховатыхъ сѣмячекъ, острыхъ на вкусъ... Что касается до фауны острововъ Зеленаго Мыса, то она, по количеству разнообразныхъ животныхъ, далеко оставляетъ позади себя флору.

Всѣ острова изобилуютъ крупнымъ рогатымъ ско-

---

[1]) Растутъ только на островѣ Фого.
[2]) На островѣ Сантъ-Яго самые лучшіе.

томъ, постепенно размножающимся до довольно большихъ размѣровъ. Это небольшая порода, но сильная и хорошо откормленная, приносящая жителямъ большую пользу: быки употребляются на всевозможныя работы, нисколько ихъ не изнуряющія и не портящія; съ нихъ снимаютъ шкуры и выдѣланныя высылаютъ въ другія страны, мясо ихъ солятъ и сушатъ, которое также распродается въ значительномъ количествѣ, и наконецъ живыми быками снабжаются всѣ проходящія суда, которыя имѣютъ обыкновеніе, при плаваніи въ Бразилію и кругомъ мыса Доброй Надежды, заходить на острова Зеленаго Мыса и запасаться здѣсь свѣжими продуктами для поддержанія въ экипажѣ, при большихъ переходахъ, здороваго состоянія, которое много зависитъ въ морѣ отъ качества и рода пищи.

Само населеніе не употребляетъ въ пищу бычье мясо, кромѣ небольшаго числа живущихъ здѣсь иностранныхъ негоціантовъ и купцовъ, а также португальскихъ властей, — но питается преимущественно маисомъ, а если кто и ѣстъ изъ нихъ мясо, то козье и ослиное.

Число козъ и козловъ на островахъ очень значительно, не смотря на то, что ежегодно убивается ихъ огромное количество, какъ ради выдѣлки кожъ, которыя высылаются въ Сѣв. Америку, такъ и для пищи жителямъ средняго сословія всѣхъ островов. Собственно козъ впрочемъ истребляютъ очень мало и о нихъ заботятся потому, что молоко ихъ смѣшанное съ маисомъ и бананами, служитъ главною пищею поселянъ; изъ него же приготовляется сыръ и масло, но послѣднее чрезвычайно не вкусно. Козы приносятъ ежегодно отъ семи до десяти козлятъ. Кромѣ козъ разводится на островахъ Сантъ-Яго, Фого и Брава довольно большое количество свиней; онѣ откармливаются здѣсь маисомъ, почему мясо ихъ чрезвычайно вкусно и сочно.

Изъ вьючныхъ животныхъ водятся здѣсь значительное количество ословъ, небольшое—лошадей и лоша-

ковъ. Порода здѣшнихъ лошадей небольшая ростомъ; онѣ чрезвычайно быстры, сильны и неутомимы. Большею частію неподкованныя, онѣ очень легко взбираются на крутыя горы и скалы, и твердою поступью ходятъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, по самымъ узкимъ тропинкамъ, вьющимся на краю страшныхъ пропастей и расщелинъ горъ.

Изъ другихъ животныхъ встрѣчаются здѣсь: кошки собаки, кролики [1]), обезьяны [2]), мыши и крысы.

Что же касается до птицъ, то ихъ красотою острова Зеленаго Мыса похвастаться не могутъ. Тутъ встрѣчаются: куры, индѣйки, утки, изрѣдка прилетающія со стороны Гвинеи, гагары, чайки, вороны (въ несмѣтномъ количествѣ), ястреба, коршуны, затѣмъ—множество ласточекъ, зимородки, жаворонки, скворцы, черные дрозды, воробьи и наконецъ пеликаны, пустельга и замѣчательной величины фламинго, одѣтые въ изящныя красныя перья и съ длинными ногами.

На островахъ нѣтъ рѣшительно ни одной змѣи, но за то встрѣчаются: жабы, небольшіе скорпіоны, занесенные сюда мореплавателями, ящерицы, лягушки и водяныя черепахи; прилежащія къ берегамъ воды изобилуютъ такимъ количествомъ самой разнообразной и вкусной рыбы, что рыбаки, безъ особеннаго труда, зарабатываютъ въ нѣсколько часовъ больше, чѣмъ ремесленники въ три или четыре дня самаго усидчиваго и старательнаго труда.

Несмѣтное количество насѣкомыхъ постоянныхъ и въ то же время непріятныхъ воздушныхъ и земныхъ обитателей всѣхъ тропическихъ странъ, дѣлаютъ и безъ того скучные непріятные острова Зеленаго Мыса еще болѣе отвратительными, особенно въ дождливое время

---

[1]) Значительное количество ихъ развелось и на островѣ Сантъ-Яго; но ихъ въ настоящее время истребляютъ всевозможными способами, такъ какъ они постоянно портятъ и поѣдаютъ посѣвы.

[2]) Эти животныя водятся только на островахъ Сантъ-Яго и Брава принадлежащіе къ породѣ макакъ.

когда отъ мошекъ, мухъ и комаровъ рѣшительно нѣтъ никакого отбоя. Присоедините къ нимъ множество непріятныхъ пауковъ, черныхъ и бѣлыхъ таракановъ, муравьевъ, кузнечиковъ, сверчковъ и другихъ самыхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, — и вы можете посудить объ удовольствіяхъ прогулки по безплоднымъ горамъ, равнинамъ и скаламъ острововъ, гдѣ на каждомъ шагу вмѣсто львовъ, тигровъ, пантеръ и тому подобныхъ кровожадныхъ животныхъ, встрѣчаемыхъ въ другихъ тропическихъ странахъ, васъ на каждомъ шагу осаждаютъ цѣлыя полчища то однихъ, то другихъ самыхъ непріятныхъ насѣкомыхъ, которыя надоѣдаютъ вамъ въ высшей степени, залѣзаютъ подъ платье, кусаютъ и всѣми силами, по видимому, хотятъ доказать свое преобладающее господство на островахъ Зеленаго Мыса.

ГЛАВА X.

Число жителей.—Первое заселеніе острововъ.—Различныя расы.—Основаніе городовъ и деревень.—Характеръ поселянъ.—Ихъ обычаи, сохранившіеся съ древнихъ временъ.—Пища.—Одежда.—Городскіе жители.—Языкъ.

По послѣдней переписи, общее народонаселеніе острововъ Зеленаго Мыса достигало до 103,700 человѣкъ, изъ которыхъ считалось 97,200 свободныхъ и 6,500 невольниковъ; оба эти сословія распредѣляются по островамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

		Свободн.	Невол.
На островѣ	Св. Антонія считается . .	30.000	200
„ „	Сантъ-Яго	25,000	2,500
„ „	Св. Николая	20,000	100
„ „	Фого	6,000	1,500
„ „	Боависта	4,100	400
„ „	Брава	4,000	300

		Свободн.	Невол.
На островѣ	Маіо	3,500	600
„ „	Св. Винцента	2,000	100
„ „	Саль	300	700
„ „	Св. Лючіи, Бранка, Гранде и Раца	2,000	100

Большая часть жителей стремится въ города, расположенные, какъ нарочно, въ самыхъ безплодныхъ мѣстахъ, но за то у берега, и остается лишь небольшое количество поселянъ, занимающихся обрабатываніемъ своихъ полей. Такимъ образомъ жители распредѣлены по всей поверхности острововъ чрезвычайно неравномѣрно; хотя среднимъ числомъ приходится на одну квадратную милю около 83 человѣкъ; но въ одномъ мѣстѣ считается на то же пространство нѣсколько тысячъ, а въ другомъ—на сотню квадратныхъ миль не найдешь ни одного человѣка. Это происходитъ отъ того, что жители главнымъ образомъ группируются въ городахъ и въ самыхъ плодородныхъ долинахъ острововъ, оставляя остальныя мѣста въ совершенномъ забытьѣ, между тѣмъ какъ нужно приложить только стараніе и умѣнье, чтобы большое число совершенно незаселенныхъ мѣстъ обратить въ достаточно плодородныя и удобныя для вспашки.

Населеніе острововъ чрезвычайно разнообразно и пестро, и чтобы показать, откуда появилась эта пестрота, нужно прослѣдить за его развитіемъ съ самаго заселенія архипелага Зеленаго Мыса. О времени этого важнаго эпизода происходило между нѣкоторыми португальскими историками и писателями большое разногласіе. Такъ, напримѣръ, писатель Фейджою (Feijoo), жившій въ XVIII столѣтіи, утверждалъ, что въ эпоху открытія острововъ Зеленаго Мыса, островъ Сантъ-Яго уже былъ заселенъ однимъ африканскимъ племенемъ Волофовъ (Volofs), которое преслѣдуемое своими сосѣдями Фелупами (Feloups), бѣжало изъ своихъ городовъ, сѣло на лодки и пустилось отъ свирѣпыхъ

преслѣдователей въ открытое море. Долго странствовали волофы по океану и, наконецъ были пригнаны пассатомъ къ острову Сантъ-Яго, который и заселили. Другіе писатели отвергаютъ это мнѣніе и утверждаютъ, что до заселенія острововъ португальцами они были совершенно необитаемы. Послѣдній фактъ имѣетъ больше вѣроятія, потому что португальцы съ самаго заселенія острововъ и до настоящаго времени не встрѣчали ни одного человѣка изъ вышеупомянутаго племени. Можетъ быть и правда, что волофы были пригнаны пассатомъ на Санто-Яго, но вѣроятно въ скоромъ времени оставили его и неизвѣстно куда скрылись, такъ какъ этотъ островъ своимъ безплодіемъ не могъ ихъ привлечь.

По самымъ вѣрнымъ историческимъ источникамъ, заселеніе всѣхъ острововъ Зеленаго Мыса происходило въ слѣдующемъ видѣ и порядкѣ: въ 1461 году (черезъ пять лѣтъ послѣ открытія) инфантъ донъ Генрихъ приказалъ снарядить суда, посадилъ на нихъ нѣсколько португальскихъ семействъ и, подъ предводительствомъ Антонія де-Нолли (Antonio de Nolli), брата его Бартоломея и племянника Рафаэля, послалъ ихъ къ островамъ Зеленаго Мыса.

Антоній де-Нолли прежде всего отправился въ Гвинею, закупилъ тамъ необходимое число невольниковъ для обработыванія новой земли и высадилъ затѣмъ привезенныя португальскія семейства и пріобрѣтенныхъ невольниковъ на острова Сантъ-Яго и Фого.

Такимъ образомъ, съ перваго же времени заселенія появляются на островахъ Зеленаго Мыса три расы: бѣлая, которую составляли португальцы; черная, представителями которой были привезенные гвинейцы-невольники, и наконецъ, такъ называемая мулатская, происшедшая отъ сближенія первыхъ со вторыми. Число мулатовъ первое время было весьма ограничено, потому что не всѣ португальцы-поселенцы желали сближенія съ своими невольниками; къ этому принуждала нѣкоторыхъ изъ нихъ одна только необходимость, такъ какъ

чувствовался сильный недостатокъ въ женщинахъ, потому что новыхъ поселенцевъ, въ первое время, португальское правительство не высылало. Но, начиная съ XVII столѣтія, число мулатовъ начало значительно увеличиваться, такъ какъ съ этого времени португальское правительство обратило острова Зеленаго Мыса въ мѣсто ссылки своихъ преступниковъ, которые по неволѣ отвергнутые первыми поселенцами, принуждены были вступать въ сношенія съ неграми.

Что касается до заселенія остальныхъ острововъ, то оно произошло, по словамъ Фейджоо, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

„Португальское населеніе острововъ Сантъ-Яго и Фого, говоритъ Фейджоо, проникнутое состраданіемъ къ бѣднымъ, несчастнымъ невольникамъ, освободило большую ихъ часть, оставя себѣ только самое необходимое число, и позволило селиться имъ, гдѣ будетъ угодно. Такимъ образомъ новые отпущенники, избѣгнувъ владычества бѣлыхъ и изнурительныхъ работъ, переправились на смежные острова, заселили ихъ и начали понемногу разработывать болѣе плодородныя мѣста. Въ это время привезены были новые невольники, и поселены на тѣ же острова, куда перебрались отпущенники. Такимъ образомъ острова, смежные съ Сантъ-Яго и Фого, были заселены только неграми, и это послужило причиною того, что жители этихъ острововъ почти всѣ черные (въ XVIII столѣтіи), за исключеніемъ небольшаго числа мулатовъ, происшедшихъ отъ негровъ и португальцевъ или другихъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ сюда торговать.

Постепенно однако три вышеупомянутыя расы начали смѣшиваться все больше и больше, и въ настоящее время это смѣшеніе дошло до такой сильной степени, что на нѣкоторыхъ островахъ даже трудно опредѣлить, къ какой расѣ принадлежатъ ихъ жители. Дѣйствительно, первыя три расы: бѣлая, черная и мулатская, сдѣлались основателями другихъ неизвѣстныхъ

расъ, потому что мулатская раса, такъ сказать добавочная, стала смѣшиваться съ бѣлою и черною. Дѣти, происшедшія отъ смѣшенія, подходили ближе или къ бѣлымъ португальцамъ, или къ чернымъ гвинейцамъ, представляя такимъ образомъ отъ мулатовъ восходящую и нисходящую ступень. Эти послѣднія сдѣлались въ свое время опять основателями новыхъ, еще болѣе смѣшанныхъ расъ, потому что вступая въ сношеніе уже съ мулатами, черными и бѣлыми, дѣти ихъ стали болѣе подходить къ той или другой расѣ, и такимъ образомъ представляли слѣдующія восходящія и нисходящія отъ мулатовъ ступени. Смѣшиваясь постепенно все больше и больше, жители острововъ Зеленаго Мыса создали самые разнообразнѣйшіе и удивительнѣйшіе типы, изъ которыхъ—одинъ подходитъ больше къ европейскому, другой, напротивъ,—имѣетъ сильное притязаніе назваться африканскимъ, третій—мулатскимъ, четвертый наконецъ колеблется между всѣми вышеупомянутыми типами, не дѣлая однако ни къ одному изъ нихъ особеннаго перевѣса, и т. д. Такъ напримѣръ, встрѣчаются въ настоящее время на нѣкоторыхъ островахъ [1]) жители съ европейскими, пріятными чертами, но между тѣмъ имѣющіе бронзовый цвѣтъ кожи и курчавые волосы; на другихъ же встрѣчаются какіе-то выродки, не помнящіе совершенно отъ какой расы они происходятъ, потому что начиная съ головы, видна на нихъ печать самыхъ разнородныхъ расъ.

Впрочемъ, внутри острова Сантъ-Яго сохранился у жителей въ большей или меньшей степени африканскій типъ, какъ видно передающійся въ крови гвинейскихъ жителей; но это произошло, по всей вѣроятности, отъ ихъ изолированности и малаго сношенія съ бѣлыми, которые останавливаясь въ портахъ, рѣдко заходятъ во внутренность острововъ.

---

[1]) На «Навѣтренныхъ островахъ» и островѣ Брава.

Первые португальскіе поселенцы прежде всего заняли приморскія мѣста, около болѣе или менѣе удобныхъ бухтъ и заливовъ, заложили города и завели торговлю съ проходящими купеческими судами, снабжая ихъ мясомъ, зеленью и даже живностью. Переходя постепенно съ одного острова на другой, они все-таки выбирали приморскія мѣста, такъ какъ внутрь островов, видя ихъ безплодіе, они не рѣшились пуститься, опасаясь погибнуть тамъ отъ голода и жажды. Но въ началѣ XVIII столѣтія частые набѣги испанскихъ пиратовъ произвели въ заселеніи острововъ неожиданный, но благодѣтельный переворотъ. Эти ужасные изверги, не вѣрующіе въ Бога, безжалостные убійцы и свирѣпые грабители навели на поселенцевъ такой ужасъ, что большая часть португальскихъ семействъ возвратилась на родину, оставя дома, скотъ и невольниковъ на разграбленіе жестокимъ пиратамъ. Оставленные невольники, желая избѣжать ужасной участи, которая ждала ихъ во власти свирѣпыхъ испанскихъ разбойниковъ, покинули въ большомъ числѣ всѣ приморскіе зарождавшіеся города и села и бѣжали во внутрь островов, гдѣ и скрылись отъ грабителей въ неприступныхъ горахъ. Живя здѣсь на свободѣ и видя, что пираты прекратили свои опустошительные набѣги, они разбрелись по островамъ въ разныя стороны, выбрали самыя плодороднѣйшія долины, стали обработывать землю и заниматься посѣвами. Такимъ образомъ образовались внутри островов небольшія села и деревни, но отстоящія другъ отъ друга на такомъ большомъ разстояніи, что благодаря трудностямъ сообщенія, они не могли имѣть ничего общаго между собою и приморскими городами, которые опять начали уже заселяться новыми переселенцами; жители отдѣльныхъ деревень первое время должны были довольствоваться только обществомъ своихъ родныхъ и односельцевъ. Впослѣдствіи однако ближайшія къ городамъ села и деревни завели съ ними небольшую торговлю, присылая нѣсколько разъ въ году на ихъ рынки

разные сельскіе продукты и пріобрѣтая въ замѣнъ ихъ необходимыя для себя и своего хозяйства вещи.

Уединенность зарождавшихся городовъ и португальцевъ и удаленіе отъ свѣта, уже приближавшагося къ цивилизаціи, имѣло сильное вліяніе на характеръ и нравственность поселянъ; вслѣдствіи чего они весьма недовѣрчивы, нелюдимы, мало сообщительны, ужасно безпечны и лѣнивы; сѣютъ большею частью только то, что необходимо имъ, чтобы не умереть съ голоду, потому что они не имѣютъ достаточныхъ средствъ пересылать свои продукты, по причинѣ допотопныхъ сообщеній въ приморскіе города; не заботятся о будущемъ и не желаютъ увеличивать своего благосостоянія необходимою дѣятельностью. Только ближе къ городамъ поселяне довольно трудолюбивы и вывозятъ свои продукты на городскіе рынки. При всемъ томъ поселяне вообще кротки, переимчивы, подчиняются законамъ, если они только не обременительны, и однимъ словомъ безъ пороковъ, но и безъ особенныхъ добродѣтелей.

Приморскіе жители болѣе цивилизованы, трудолюбивѣе, но къ сожалѣнію, и развращеннѣе, потому что имѣютъ постоянные сношенія съ ссыльными и матросами проходящихъ судовъ, которые учатъ ихъ пьянствовать, играть въ карты и кости, распространяютъ среди ихъ заразительныя болѣзни и вообще портятъ ихъ нравственность до чрезвычайной степени, однимъ словомъ, цивилизуютъ ихъ, но цивилизуютъ посвоему.

Жители городовъ и портовъ состоятъ главнымъ образомъ изъ иностранныхъ купцовъ и негоціантовъ, португальцевъ, цвѣтныхъ туземцевъ и, наконецъ, изъ ссыльныхъ, часть которыхъ несетъ на себѣ обязанности военной стражи, и только нѣкоторые изъ нихъ находятся подъ строгимъ надзоромъ португальскихъ властей.

Большая часть ссыльныхъ живетъ совершенно свободно, не имѣетъ никакихъ занятій и не желаетъ ихъ найти, вслѣдствіи чего они служатъ заразою всего населенія; побуждаемые дурными наклонностями, они

большею частью, пользуясь своею свободою, уходятъ изъ городовъ въ отдаленныя мѣста, гдѣ занимаются грабежами, воровствомъ и тому подобными промыслами. Они вносятъ безпорядокъ даже въ села и деревни, лежащія внутри острововъ, и вообще гибельно дѣйствуютъ на низшее сословіе, сильно подвергающееся ихъ вліянію...

Обыкновенною пищею массы населенія служатъ: кислое козье молоко, отчасти козье мясо, маисъ, бобы и тыква. Маисъ ѣдятъ въ приправѣ къ жареному мясу или варятъ его въ кисломъ молокѣ, или же наконецъ, пекутъ изъ маисовой муки небольшіе плоскіе пирожки, носящіе туземное названіе — ботангасъ (botangas). Турецкіе бобы и тыкву ѣдятъ преимущественно съ кислымъ молокомъ, и это кушанье считается у туземцевъ самымъ любимымъ и вкуснымъ. Какъ и всѣ африканцы, жители острововъ Зеленаго Мыса любятъ опьяняющіе напитки, и можно съ увѣренностью сказать, что сладкая водка, приготовляемая изъ сахарнаго тростника, единственно побуждаетъ ихъ разводить и заботиться объ этомъ растеніи... Обыкновенная одежда мужчинъ состоитъ изъ рубашки и штановъ, сшитыхъ изъ грубой бумажной бѣлой ткани съ синими полосками, и соломенной шляпы собственнаго приготовленія. Какъ видно, эта одежда самая тропическая, легкая и недорогая; впрочемъ, болѣе зажиточный классъ поселянъ и низшее городское сословіе носятъ еще сверхъ рубашки бумажной или полотняной ткани, синій жилетъ, украшенный большею частью блестящими металлическими пуговицами. Женская одежда состоитъ изъ рубашки, съ манжетами, узкихъ панталонъ изъ полосатой ткани и, изъ той же матеріи юбки съ поясомъ. Голову свою женщины покрываютъ ярко-красною, желтою или какою нибудь пестрою длинною косынкою, носящею мѣстное названіе игуаладо (igualada) и расположенною въ видѣ тюрбана съ необыкновеннымъ вкусомъ и кокетствомъ; уши, шею и руки онѣ украшаютъ кораллами и стеклянными ве-

щицами, а болѣе зажиточныя носятъ, кромѣ того, на пальцахъ бронзовыя, серебряныя и даже золотыя кольца. Ко всему этому прибавьте еще большія шали, которыя носятъ онѣ черезъ плечо, закрывая такимъ образомъ только одну сторону груди, оставляя другую едва прикрытою тонкою рубашкою. Въ деревняхъ и селахъ, расположенныхъ внутри острововъ, мужчины и женщины, всѣ безъ исключенія, ходятъ съ босыми ногами.

Сельскіе жители острововъ, какъ и всѣ обитатели тропиковъ, чрезвычайно любятъ празднества, которымъ предаются съ необыкновенною страстью и при всякомъ удобномъ случаѣ; праздность развита у нихъ до необычайной степени; они готовы на каждый случай въ жизни сочинить празднества: женится ли кто или выходитъ замужъ — устраиваются празднества на всю деревню; выздоровѣлъ ли кто нибудь, умеръ ли, родился и т. д.— вся деревня опять празднуетъ, и такимъ образомъ ихъ празднествамъ нѣтъ конца, и больше дней въ году проводятъ они въ плясках и обжорствѣ, нежели за работою. Если нѣтъ причины предаться какимъ нибудь празднествамъ, то они ихъ выдумываютъ, и рѣдкій праздникъ они не растягиваютъ на нѣсколько дней. Вообще какъ видно, они хотятъ обмануть самихъ себя: ни съ того, ни съ сего неловко же сидѣть имъ безъ дѣла и не идти на работу, вотъ и выдумываютъ веселія, на которыя обыкновенно приглашаются всѣ жители той деревни или села, въ которомъ устраивается какое нибудь празднество. Разумѣется, никто отъ приглашеній не отказывается, потому что представляется удобный случай не идти на работу, попить, поѣсть и даже потанцовать. Танцы ихъ отличаются необыкновеннымъ сладострастіемъ: движенія ихъ медленны, какъ-то вялы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающія, глаза горятъ страстью и дѣлаются во время танцевъ какими-то влажными, полузакрытыми и какъ бы утомленными. Особенно женщины танцуютъ съ необыкновенною граціею, нѣгою и въ то же время съ сладострастными движеніями, ко-

торыя считаются совершенно приличными и необходимыми движеніями въ танцахъ даже для молодыхъ дѣвушекъ. Этой страсти и медленности движеній въ танцахъ много способствуетъ тропическая, возбуждающая необыкновенную нѣгу, жара.

Хотя всѣ жители христіане, но нѣкоторые ихъ обычаи имѣютъ какой-то варварскій, полудикій характеръ, ясно показывающій, что христіанство не привилось еще къ нимъ какъ слѣдуетъ и ихъ религія имѣетъ что-то среднее между древними языческими и христіанскими обрядами. Это особенно замѣтно въ жителяхъ, живущихъ во внутренности острововъ, которые по видимому, сильно придерживаются своихъ прежнихъ варварскихъ обычаевъ. Такъ, напримѣръ, на островѣ Сантъ-Яго свадебный обрядъ имѣетъ слѣдующій дикій характеръ: женихъ съ приглашенными гостями отправляется къ невѣстѣ, которая уже ждетъ его, окруженная подругами въ хижинѣ своихъ родителей, и оставя гостей у дверей, входитъ самъ въ комнату своей возлюбленной и ударами кулака разгоняетъ ея подругъ, которыя притворно защищаютъ невѣсту, но послѣ слабаго сопротивленія разбѣгаются и оставляютъ ее наединѣ съ женихомъ. Пробывъ съ невѣстою нѣсколько времени, женихъ отворяетъ окно и выстрѣломъ изъ ружья извѣщаетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Сигналъ этотъ обыкновенно сопровождается радостными криками, и жениха съ невѣстою торжественно ведутъ въ церковь. Послѣ обыкновеннаго католическаго обряда вѣнчанія новобрачные устраиваютъ праздники, продолжающіеся нерѣдко нѣсколько дней сряду и на которыхъ приглашенные гости напиваются и наѣдаются до отвалу.

Еще болѣе интересны своеобразныя похороны, которыя въ употребленіи почти на всѣхъ островахъ и представляютъ собою остатокъ древнихъ языческихъ похоронъ, перемѣшанныхъ съ христіанскими погребальными обрядами. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: умершаго, съ перваго же дня его смерти, начинаютъ въ продол-

женіе нѣсколькихъ дней подрядъ носить, по три раза въ день, изъ дома въ церковь и обратно; въ церкви всѣ приглашенные и родные проводятъ время въ молитвѣ, въ оплакиваніи покойнаго и въ кропленіи тѣла святою водою; дома же, когда покойникъ стоитъ у себя, гости, изнуренные продолжительною молитвою и притворными слезами, съ жадностью набрасываются на приготовленныя явства и питье, и уничтожаютъ все съ удивительною прожорливостью. Кромѣ этихъ переносокъ умершаго изъ дому въ церковь и обратно, въ день его смерти всѣ родные и знакомые собираются ровно въ полночь къ закрытымъ дверямъ-церкви и хоромъ поютъ различныя религіозныя пѣсни, которыя служатъ какъ бы проводами души умершаго въ другой, нетлѣнный міръ.

По исполненіи всѣхъ вышеупомянутыхъ церемоній, покойника, уже почти разложившагося отъ жары, погребаютъ съ обыкновенными католическими обрядами.

Вдова должна послѣ смерти своего мужа плакать и горевать или хоть показывать видъ, что плачетъ и горюетъ въ продолженіи одного мѣсяца. Это время она проводитъ въ истинныхъ или притворныхъ слезахъ, покрываетъ голову черною тканью и сидитъ на кровати съ скрещанными ногами. Ежедневно посѣщаютъ ее знакомые и родные, утѣшаютъ, кто какъ можетъ, и сѣтуютъ, большею частью притворно, о ея жалкой участи. Вдова, между тѣмъ, должна сидѣть въ полномъ молчаніи и, какъ бы убитая горемъ, не отвѣчать на утѣшенія своихъ родныхъ, но только плакать и плакать.

Всѣ эти обычаи точнѣе всего сохраняются у внутреннихъ обитателей островов; въ портахъ же и приморскихъ городахъ они искореняются, такъ какъ цивилизація коснулась ихъ гораздо больше, чѣмъ внутреннихъ мѣстъ. Это замѣтно во всемъ: въ образованіи, постройкахъ, языкѣ, въ нравственности, одеждѣ и т. д.

Высшее городское сословіе большею частью слѣдуетъ европейской модѣ: правительственные чиновники

ходятъ во фракахъ, обшитыхъ галунами, и цилиндрахъ; негоціанты и купцы въ пиджакахъ и сюртукахъ самаго моднаго покроя, въ шляпахъ всѣхъ фасоновъ и въ широкихъ модныхъ лѣтнихъ брюкахъ; жены иностранныхъ купцовъ одѣваются по послѣдней парижской модѣ, съ необыкновенною щеголеватостью и роскошью, между тѣмъ какъ жены португальскихъ властей и вообще живущихъ здѣсь португальцевъ носятъ свои дорогія платья съ какою-то небрежностью и даже безпорядочно, и часто вмѣсто шляпокъ покрываютъ голову igualado.

Внутренняя жизнь иностранныхъ купцовъ и негоціантовъ ни чѣмъ не отличается отъ европейской: мебель у нихъ самая модная и изящная; вся обстановка самая аристократическая и европейская; пища, соотвѣтствующая климату, легкая и освѣжающая.

Что же касается до домашней жизни португальцевъ, то о ней даетъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія госпожа Боудвичъ (Bowdiche), прожившая нѣсколько времени въ семействѣ одного самаго богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго представителя португальской власти на островахъ Зеленаго Мыса.

„Человѣкъ этотъ, пишетъ она въ своихъ запискахъ, одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ во всемъ архипелагѣ; онъ владѣетъ богатыми помѣстьями, разбросанными чуть ли не по всѣмъ островамъ, имѣетъ множество невольниковъ и ведетъ значительную торговлю“.

Описавъ свой пріѣздъ, г-жа Боудвичъ продолжаетъ:

„По толпѣ черныхъ, ворвавшихся въ нашу комнату, и по шуму, этими неугомонными людьми, мы сочли себя уже въ Африкѣ. Въ три часа позвали насъ обѣдать; выходя изъ комнаты, мы были грубо остановлены приставленнымъ къ нашимъ дверямъ часовымъ, одѣтымъ въ рубище, босоногимъ и при всемъ томъ вооруженнымъ старымъ изломаннымъ кортикомъ. Я была поражена его видомъ, а болѣе—дерзкимъ обращеніемъ; но онъ не обратилъ на это рѣшительно никакого вниманія

и, не говоря ни слова, пригласилъ насъ движеніемъ руки слѣдовать за нимъ. Пройдя рядъ домашнихъ построекъ и хижинъ невольниковъ, вонь которыхъ свидѣтельствовала объ ихъ неопрятности, мы подошли къ грязной лѣстницѣ, по которой поднялись въ залу, гдѣ и были представлены семейству губернатора. Оно состояло изъ жены, дѣтей и двухъ племянницъ; домашній костюмъ ихъ совершенно согласовался съ климатомъ и состоялъ изъ самой легкой, но дорогой ткани; при всемъ томъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лентъ и крючковъ причинялъ въ ихъ костюмахъ явный безпорядокъ, изъ за котораго можно было любоваться лишними прелестями и частями одежды, которыя, по настоящему, должны бы быть по возможности скрыты отъ постороннихъ и особенно мужскихъ глазъ...

„Когда собрались всѣ приглашенные къ обѣду, то составилось довольно большое общество, болѣе двадцати человѣкъ. Сѣли обѣдать, подали громадныя миски съ супомъ, не меньшихъ размѣровъ блюда, съ пирамидами вареннаго мяса; за ними слѣдовали блюда, также почтенной величины, съ такимъ же количествомъ жаркаго; наконецъ поставили сюда же на столъ различную зелень, фрукты и т. д., однимъ словомъ, совершенно загромоздили столъ съ одного конца до другаго. Всего было вдоволь, даже слишкомъ много для такого числа обѣдающихъ; я полагала, что половина поданнаго останется не съѣденною, но ошиблась: къ концу обѣда всѣ миски и блюда оказались до того опустошенными, что изъ остатковъ нельзя было бы накормить даже маленькую собаку,

„Нужно замѣтить, что подаваемыя кушанья были всегда аттакуемы множествомъ мухъ, мошекъ и другими какими-то воздушными, отвратительными насѣкомыми, которыя во все время обѣда, съ ужаснѣйшимъ азартомъ оспаривали у насъ каждый кусокъ. Чтобы избавиться отъ этихъ надоѣдливыхъ и непрошенныхъ гостей, стоящіе позади стульевъ слуги обмахивали

столь искусно приспособленною и растянутою вокругъ стола легкою тканью, которая производила надъ нимъ пріятное и прохладное движеніе воздуха, но какъ только прекращали это движеніе, хотя бы на минуту, столъ и всѣ поданныя кушанья мгновенно покрывались несмѣтнымъ количествомъ смѣлыхъ насѣкомыхъ, которыя своею прожорливостью не уступали сидящимъ за столомъ.

„Безпорядокъ приборовъ, шумъ отъ тысячи вопросовъ, задаваемыхъ въ одно время, громогласныя на нихъ отвѣты—все это напоминало мнѣ обѣдъ въ самой дрянной французской гостинницѣ. Обѣдъ былъ чрезвычайно обиленъ, точно также какъ и завтракъ, и я полагала что на этотъ день достаточно всѣ наѣлись, а потому, можно быть совершенно спокойною, такъ какъ гостепріимные хозяева были постоянно мною довольны, что я мало ѣмъ, но вдругъ къ своему ужасу узнаю, что вечеромъ будетъ еще ужинъ, нисколько не уступающій по своему изобилію завтраку и обѣду. Я не могла опомниться отъ этого извѣстія, моему удивленію не было конца, когда узнала еще что подобныя завтраки обѣды и ужины, не считая утренняго и послѣ-обѣденнаго кофе или чая, происходятъ ежедневно, я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета, какимъ образомъ всѣ эти мужчины и дамы не смотря на температуру доходящую до 80° и 90° Фаренгадту (21° и 26° Р.), пожираютъ такое громадное количество животной пищи.

„Такимъ образомъ я не могу пожаловаться на гостепріимство Мануэля Мартинса (имя губернатора) и я увѣрена, что онъ не измѣнилъ бы къ намъ своей благосклонности, если бы я прожила даже у него еще нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ; напротивъ онъ всегда очень сердился, что мы отказывались отъ участія въ угощеніяхъ другихъ, кромѣ завтрака и обѣда.

„За общій столъ дѣтей никогда не сажали, для нихъ накрывали другой, поменьше, около котораго

суетилась жена губернатора и заботливо угощала своихъ дѣтей и ихъ гостей сверстниковъ.

Дѣти, повидимому, ничѣмъ не занимались и все время проводили въ праздности и глупыхъ шалостяхъ, причемъ былъ у губернатора выписанъ изъ Лиссабона учитель музыки, которому поручено было обучить дѣтей; но знанія его были весьма ограничены и, онъ совершенно не понималъ какъ взяться за дѣло и чему учить порученныхъ ему бездарныхъ, какъ и онъ самъ, дѣтей. Весь его урокъ музыки заключался именно въ томъ, что онъ по вечерамъ садился за піанино и провѣрялъ свои знанія, играя какую нибудь сонату самаго жалкаго произведенія, при шумныхъ разговорахъ и крикѣ дѣтей, которымъ нисколько, повидимому, не запрещалось, во время игры учителя пѣть, играть, визжать, прыгать и производить вообще невыносимый хаосъ, среди котораго едва-едва, слышались разбитыя звуки жалкой сонаты.

Картина, нарисованная госпожею Боувичъ, какъ видно не совсѣмъ-то красива, но она нисколько не удаляется отъ истины, потому, что общественная жизнь португальцевъ, внутренняя, то-есть домашняя, не можетъ быть лучше. Оканчивая эту главу, скажу нѣсколько словъ о мѣстномъ, креольскомъ языкѣ (linpue creoula), образовавшемся изъ смѣси африканскихъ и древнихъ португальскихъ словъ. Онъ очень не гармониченъ, не имѣетъ опредѣленныхъ правилъ, и на разныхъ островахъ совершенно различенъ, потому что произношенія словъ, ихъ склоненія и спряженія совершенно зависятъ отъ говорящаго.

Большая часть жителей приморскихъ городовъ понимаетъ по португальски, но говорить на этомъ языкѣ не умѣетъ, и всюду слышится только коверканный креольскій языкъ. Этимъ языкомъ говорятъ даже переселившіеся сюда португальцы, подчасъ забывая свой родной языкъ. Особенно дѣти ихъ, окруженныя по-

стоянно прислугою, говорящею только на креольскомъ языкѣ, говорятъ исключительно по креольски.

Вообще этотъ языкъ во всеобщемъ употребленіи, и рѣдко кто не говоритъ на немъ или не понимаетъ его. Всякій иностранецъ, пріѣхавшій на острова, считаетъ своею непремѣнною обязанностью ему выучиться, потому что безъ него онъ не можетъ торговать, нанять туземной прислуги и имѣть сношенія съ низшими португальскими властями, не знающихъ другого языка, кромѣ креольскаго.

ГЛАВА XI.

Промышленность.—Торговля.—Пути Сообщенія.—Военная сила.—Народное просвѣщеніе.—Религія.—Духовенство.

Главная промышленность жителей острововъ Зеленаго Мыса заключается въ вывариваньи соли, въ приготовленіи глиняной посуды, мыла [1]), разныхъ матерій [2]) и тканей, въ выдѣлкѣ кожъ [3]), въ сборѣ ягеля и рыболовствѣ; но все это, вслѣдствіе господствующей лѣни, вы-

[1]) Мыло приготовляется самаго сквернаго качества; поташу кладется въ него въ громадной пропорціи, что дѣлаетъ его совершенно негоднымъ и чрезвычайно вреднымъ для стирки хорошаго и тонкаго бѣлья.

[2]) Самыя богатыя матеріи имѣютъ слѣдующія названія Pannos d'obra—изъ льна и бумаги; бываетъ разныхъ цвѣтовъ; Pannas de retro—изъ хлопчатника и шелку, и col-xas—изъ шелку, хлопчатника и льна. Всѣ эти матеріи прядутся на островахъ Фого и Св. Антонія; большая ихъ часть расходуется мѣстными жителями, а остальная—вывозится, точно также какъ небольшое количество разной ткани, во Французскую и Португальскую Гвинею.

[3]) Выдѣлываемая кожа идетъ въ обмѣнъ на необходимыя мѣстнымъ жителямъ вещи и матеріалы для постройки домовъ. Самое большое количество кожъ вывозятъ отсюда африканцы, которые въ обмѣнъ ихъ привозятъ сюда лѣсъ, мебель, орудія земледѣльческія и другія принадлежности сельскаго хозяйства.

варивается, приготовляется, выдѣлывается, сбирается и ловится въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что почти все расходуется мѣстными же жителями, а потому внѣшняя вывозная торговля развивается очень слабо.

На островахъ чувствуется сильный недостатокъ въ разнаго рода мастеровыхъ и работникахъ, какъ-то въ плотникахъ, каменщикахъ, кузнецахъ, конопатчикахъ, портныхъ, сапожникахъ и т. д. Существующее же въ настояще время небольшое число мастеровыхъ и рабочихъ состоятъ большею частью изъ ссыльныхъ и невольниковъ, послѣднія обучаются опредѣленному ремеслу на счетъ своихъ хозяевъ, которые позволяютъ имъ, по окончаніи курса ученія, заниматься своимъ дѣломъ сколько угодно, при чемъ часть выручаемыхъ за работу денегъ идетъ въ уплату хозяину за потраченную на невольника сумму, а также и на выкупъ. Когда невольникъ выплатитъ всю сумму, то дѣлается совершенно свободнымъ [1]) и можетъ продолжать заниматься своимъ ремесломъ не завися отъ своего бывшаго хозяина.

Внутренняя торговля островов находится въ самомъ жалкомъ видѣ; португальское правительство совершенно не старается чѣмъ нибудь обезпечить своихъ подданныхъ и позволило захватить почти всю торговлю иностраннымъ купцамъ, которые, пользуясь удобнымъ случаемъ, обираютъ бѣдныхъ жителей до отвратительной степени, продавая имъ необходимыя вещи за баснословную цѣну и покупая между тѣмъ отъ нихъ ихъ продукты за самую низкую.

Въ портахъ и приморскихъ городахъ лавокъ очень мало, а въ деревняхъ и селахъ о нихъ и помину нѣтъ, поэтому не можетъ быть никакой торговой конкуренціи, и бѣдные жители поневолѣ должны обращаться

---

[1]) Вообще, вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, число невольниковъ значительно въ настоящее время уменьшается.

все къ одному и тому же купцу, который знаетъ свое дѣло и обираетъ бѣдняковъ. Португальское правительство смотритъ на это сквозь пальцы и не думаетъ облегчить несчастную участь своихъ подданныхъ.

Соединенные Штаты, Англія и другія болѣе торговыя націи пользуясь ихъ безпечностью ведутъ, помимо ихъ, съ жителями внѣшнюю дѣятельную и въ высшей степени выгодную для себя торговлю. Американскія суда привозятъ лѣсъ, бѣлье, мебель, одежду и т. д.; англичане—чуть ли не всѣ свои мануфактурныя произведенія, металлическія вещи и каменный уголь, большіе склады котораго находятся на островѣ Св. Винцента и отчасти на Сантъ-Яго. Такимъ образомъ почти вся торговля, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, находится въ рукахъ иностранцевъ, что имѣетъ большое вліяніе на благосостояніе жителей, находящихся въ совершеннѣйшей зависимости отъ людей, мечтающихъ только о томъ, какъ бы поскорѣе составить хорошее состояніе. Внутренняя торговля большею частью ограничивается портами и приморскими городами, селами, деревнями, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабо проникаетъ во внутренность острововъ; успѣшному ея развитію много препятствуютъ неправильные пути сообщенія, находящіеся въ самомъ жалкомъ, первобытномъ состояніи. Большая ихъ часть состоитъ или изъ узкихъ, крутыхъ тропинокъ, природныхъ или искусственныхъ, вьющихся по окраинамъ страшныхъ пропастей и расщелинъ скалъ, или же изъ песчаныхъ дорогъ, на которыхъ въ жаркое время года, ноги вязнутъ по самое колѣно, а во время зимнихъ дождей онѣ превращаются въ какую-то жидкую массу, по которой нѣтъ никакой возможности проѣхать, а тѣмъ болѣе пройти. По тропинкамъ же могутъ отважиться пройти только привычные мѣстные жители или же ихъ лошади, которыя, совершенно неподкованныя и никѣмъ не управляемыя, слѣдуютъ по самымъ узкимъ и опаснымъ тропинкамъ съ удивительною твердостью и безстрашіемъ. Интересно

смотрѣть, какъ осторожно ступаютъ эти смѣтливыя животныя по самому краю тропинки, съ какимъ удивительнымъ инстинктомъ выбираютъ себѣ самыя надежныя опорныя точки, съ какою смѣлостью поднимаются и спускаются они надъ самыми страшными пропастями, гдѣ и у привычнаго туземца часто дѣлается головокруженіе и онъ безсознательно падаетъ въ глубокую пропасть, на днѣ которой превращается въ кусокъ окровавленнаго мяса. Въ такихъ мѣстахъ даже туземцы довѣряются инстинкту своихъ смѣтливыхъ и безстрашныхъ животныхъ, и тѣ съ честью выходятъ изъ самаго ужаснаго положенія, между тѣмъ какъ малѣйшее управленіе лошадью можетъ повлечь за собою какъ паденіе животнаго, такъ и всадника...

На островѣ Св. Антонія прежде не было даже и тропинокъ, и долгое время возвышенныя его части были почти неприступны: на нихъ взбирались и спускались по веревкамъ, опущеннымъ съ одного уступа на другой. Только въ послѣднее время возвышенная часть Св. Антонія соединена съ долинами искусственною тропинкою, высѣченною въ скалѣ; и она до того узка, что по ней едва можетъ пройти одинъ только оселъ или лошадь, и если на ней встрѣтятся два осла, то одно изъ животныхъ должно неминуемо погибнуть. Во избѣжаніе подобнаго несчастья, по отправленіи съ какой нибудь одной стороны въ дорогу осла или лошади, тотчасъ же вывѣшивается особый знакъ, видимый на другомъ концѣ тропинки и означающій, что путь уже занятъ, а потому всѣ отправляющіеся съ другой противуположной стороны должны обождать, пока пущенный оселъ не пройдетъ всю дорогу...

Остальные пути сообщенія состоятъ изъ небольшаго числа довольно плохихъ шоссе [1]) и болѣе или менѣе удобныхъ естественныхъ дорогъ...

---

1) Шоссе проложено напримѣръ на островахъ: Фого (отъ внутреннихъ деревень къ морю), Св. Антонія (отъ Санта-Круцъ къ берегу) и Сантъ-Яго (отъ Порто-Прая въ Рибейра Грандэ и другія ближайшія мѣстечки).

Острова Зеленаго Мыса составляютъ самую обширную часть, такъ называемой провинціи Зеленаго Мыса (Provincia de Cabo verde), къ которой причислено также большое число португальскихъ колоній, расположенныхъ на африканскомъ материкѣ, большею частью по теченію рѣкъ, впадающихъ въ Атлантическій океанъ у мыса Рохо (Roho) и противъ архипелага Биссао (Bissagos). Другія колоніи раскинуты на всемъ протяженіи португальскихъ владѣній въ Африкѣ, начиная съ рѣки Гамбіи, отдѣляющей ихъ отъ французскихъ владѣній, и кончая рѣкою Кабба, служащею южною границею континентальной части провинціи Зеленаго Мыса.

Главнымъ городомъ этой провинціи считался до 1780 года Рибейра-Гранде (Ribeira-Grande), расположенный на южномъ берегу острова Сантъ-Яго; въ 1780-же году резиденція генералъ-губернатора была перенесена въ Порто-Прая, гдѣ и находится по настоящее время; но нездоровый климатъ этого города и вообще всего острова Сантъ-Яго принуждалъ губернатора и всѣхъ высшихъ португальскихъ сановниковъ выѣзжать почти на полгода на сосѣдніе, болѣе здоровые острова, что, разумѣется, имѣло вредное вліяніе на общій ходъ управленія. Чтобы искоренить зло, соединенное съ выѣздомъ губернатора изъ своей резиденціи, декретомъ отъ 11 іюля 1836 года, повелѣно было португальскимъ правительствомъ основать на самомъ здоровомъ островѣ архипелага Св. Винцента новую столицу и перенести туда генералъ-губернаторскую резиденцію; но это до сихъ поръ не осуществилось и все-таки губернаторъ живетъ въ Порто-Прая, а въ нездоровые мѣсяцы покидаетъ столицу и удаляется вмѣстѣ съ помощниками въ свои помѣстья, расположенныя въ самыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ архипелага, отчего происходитъ большой застой во всемъ управленіи и случаются разные безпорядки, не рекомендующіе португальское правительство, не обращающее вниманіе на раздробленіе центральнаго правленія...

Въ административномъ отношеніи весь архипелагъ дѣлится на восемь совѣтовъ (conselhos); каждый совѣтъ находится въ вѣдѣніи особыхъ лицъ, поставленныхъ генералъ-губернаторомъ, которые пользуются на островахъ чрезвычайно обширною властью. Для обсужденія важныхъ вопросовъ и рѣшенія не менѣе важныхъ дѣлъ собирается подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ и духовныхъ лицъ; но это собраніе не имѣетъ вліянія на власть губернатора, потому что совершенно отъ него зависитъ принять или не принять какое нибудь предложеніе, высказанное членами совѣта, согласиться или не согласиться съ ними на счетъ рѣшенія какого нибудь дѣла и т. д. Однимъ словомъ, онъ сбираетъ совѣтъ не для того, чтобы его члены указывали ему что дѣлать, но только съ цѣлью выслушать ихъ разнорѣчивыя мнѣнія и разнообразные взгляды на дѣло и вывести изъ нихъ уже собственное мнѣніе. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ считается полновластнымъ правителемъ всей провинціи Зеленаго Мыса, и только въ исключительно важныхъ случаяхъ сносится съ лиссабонскимъ правительствомъ.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ должностныхъ лицъ, имѣется еще на каждомъ островѣ военный комендантъ и сборщикъ податей: первый считается прямымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ учрежденій и войскъ, расположенныхъ на его островѣ, а второй—заботится о правильномъ и своевременномъ сборѣ съ туземцевъ королевской подати, выплачиваемой большею частью мѣстными продуктами.

Впрочемъ, военные коменданты носятъ это званіе только ради эффекта; а въ сущности оно не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ военныхъ учрежденій и войскъ на островахъ Зеленаго Мыса очень мало. Оборонительныя же ихъ сооруженія могутъ имѣть нѣкоторый внушительный видъ, развѣ только, для сотни

какихъ нибудь дикарей, вооруженныхъ стрѣлами и дубинами и въ первый разъ увидѣвшихъ ружья, пушки и каменную постройку, возвышающуюся въ видѣ слабенькихъ фортовъ и батарей, уставленныхъ ржавыми и попортившимися гаубицами, изъ которыхъ не только стрѣлять нельзя, но даже подходить къ нимъ нужно съ нѣкоторою осторожностью, чтобы древнія орудія не свалились какъ нибудь съ прогнившихъ станковъ и не отдавили бы случайно ноги. Изъ всѣхъ имѣющихся здѣсь укрѣпленій особенно замѣчательны (не своимъ грознымъ видомъ или образцовымъ вооруженіемъ, потому что такихъ укрѣпленій на островахъ Зеленаго Мыса нѣтъ, а просто—своею ветхостью): цитадель въ Рибейра-Гранде, два форта въ Порто-Прая (построены чуть ли не XVII столѣтіи и не видавшіе съ тѣхъ поръ ремонтныхъ работъ) и пять батарей, расположенныхъ вокругъ Порто-Прая и вооруженныхъ орудіями, снятыми съ фрегата Уранія, затонувшаго въ порто-прайской бухтѣ еще въ 1810 году. Кромѣ того въ Порто-Прая находится артиллерійскій паркъ съ тремя или четырьмя самыми древними орудіями, могущими служить развѣ только хорошимъ украшеніемъ музея рѣдкостей и древностей, но не на устраненіе и погибель враговъ отечества. Наконецъ, нѣкоторыя части острововъ: Сантъ-Яго, Св. Николая, Боависта, Фого и Брава защищены полуразрушенными плохенькими батареями, которыя въ былое время были даже вооружены нѣсколькими орудіями, но теперь стоятъ пустыми и служатъ безгласными представителями настоящаго португальскаго могущества и величія...

Что же касается до войска, то число его едва-едва доходитъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, изъ которыхъ самая наибольшая часть расположена въ Порто-Прая, а меньшая—разбросана по остальнымъ островамъ, гдѣ она исполняетъ полицейскую службу. О вооруженіи войска говорить нечего, такъ какъ оно совершенно согласуется съ первобытнымъ вооруженіемъ батарей

и фортовъ; а что касается до одежды, то она самая тропическая, легкая и нестѣсняющая движеній бравыхъ солдатъ, большая часть которыхъ могла бы служить интереснѣйшими натурщиками для любаго каррикатурнаго журнала... Остается теперь сказать нѣсколько словъ о народномъ просвѣщеніи и господствующей религіи, а затѣмъ перейти къ частному описанію острововъ всего архипелага, за исключеніемъ четырехъ самыхъ маленькихъ, не заслуживающихъ особеннаго вниманія

Народное просвѣщеніе на островахъ Зеленаго Мыса находится и до настоящаго времени въ довольно жалкомъ состояніи, потому что португальское правительство много о немъ не заботилось, чему служитъ доказательствомъ то, что до 1817 года не было здѣсь ни одной школы, хотя португальцы владѣли уже архипелагомъ почти четыре столѣтія. Впрочемъ, въ 1773 году правительство начало подумывать прислать сюда учителей и основать даже училище; но мысль эта осталась почему то безъ исполненія. Переселившіеся на острова португальскія семейства, желая дать своимъ дѣтямъ хоть нѣкоторое образованіе, начали съ 1794 года посылать ихъ учиться въ Лиссабонъ; но это дѣлали только люди зажиточные, обладающіе большими средствами, между тѣмъ какъ люди побѣднѣе и туземцы оставались до 1817 года во мракѣ невѣжества. Только въ этомъ году открыта была въ Порто-Прая первая школа; но до 1840 года она оставалась единственною во всемъ архипелагѣ; положеніе ея было самое жалкое; не получая отъ правительства никакой поддержки, она кое-какъ тянула свое существованіе; но съ 1849 года, благодаря неутомимой энергіи и заботѣ нѣсколькихъ болѣе просвѣщенныхъ губернаторовъ, число школъ стало быстро увеличиваться, и въ настоящее время ихъ уже основано около сорока; но все-таки это число на слишкомъ сто тысячъ жителей очень ограничено. Кромѣ того, отпускаемое на нихъ содержа-

ніе[1]) не покрываетъ ихъ издержекъ, а потому учителя школъ не отличаются особеннымъ знаніемъ своего дѣла, а самыя школы—своимъ благосостояніемъ...

Первыми распространителями христіанской вѣры между привезенными неграми были португальскіе переселенцы, и эти „закоренѣлые язычники", какъ называли ихъ португальцы, открыли имъ удобный случай выказать ревность къ католической религіи; но негры такъ упорствовали въ старыхъ языческихъ вѣрованіяхъ, что вся ревность первыхъ переселенцевъ къ религіи сокрушалась передъ варварскимъ упрямствомъ, не принося рѣшительно никакихъ плодовъ. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ заселенія острововъ, негры начали поддаваться францисканскимъ монахамъ, прибывшимъ изъ Португаліи, и нѣсколько ознакомились съ священнымъ писаніемъ и съ новою предлагаемою имъ религіею. Съ этихъ поръ паства и число пастырей стали быстро рости и рости, и уже въ 1532 году король донъ Іоаннъ III задумалъ даже учредить на островахъ Зеленаго Мыса епископство, основаніе котораго и было утверждено буллою папы Климента VII.

Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ дѣятельность поставляемыхъ епископовъ очень ограниченна; живя въ самомъ нездоровомъ мѣстѣ (Рибейра-Гранде), они заботились больше о своемъ здоровьѣ, чѣмъ о паствѣ, а потому духовное просвѣщеніе жителей было это время въ застоѣ, и хотя всѣ туземцы приняли наружно католическую вѣру, но все-таки сильно придерживались многихъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Чтобы предотвратить это зло, король донъ Іосифъ I просилъ у папы Венедикта XIV позволеніе перенести епископскую каѳедру въ болѣе здоровое мѣсто, выборъ котораго предоставить самому епископу, и даже въ случаѣ надобности переносить ее изъ одного города

---

[1]) Португальское правительство выдаетъ ежегодно, съ 1813 года, по 23,000 франковъ.

въ другой, чтобы онъ могъ дѣятельнѣе слѣдить за духовнымъ просвѣщеніемъ всей своей паствы. На все это получено было разрѣшеніе папы, и въ 1754 году епископъ донъ-Педро Джакинто Валенте покинулъ смертоносный Рибейра-Гранде, и съ этого времени всѣ епископы стали переселяться съ одного острова на другой, но жили не по помѣстьямъ своимъ, какъ губернаторы, а въ городахъ, почему результатъ этихъ переѣздовъ былъ совершенно другой. Съ этого времени духовное просвѣщеніе жителей пошло нѣсколько быстрѣе, и до настоящаго времени уже основано на архипелагѣ двадцать восемь приходовъ, изъ которыхъ одиннадцать находятся на островѣ Сантъ-Яго, пять—на Св. Антонія, четыре—на Фого, по два на островахъ: Брава, Боависта и Св. Николая и, наконецъ, по одному на Маіо и Св. Винцента.

Большая часть духовныхъ лицъ въ настоящее время поставлена изъ цвѣтныхъ туземцевъ, и жители имѣютъ къ нимъ больше довѣрія, чѣмъ къ пріѣзжимъ патерамъ и монахамъ; только жаль, что образованіе поставляемыхъ духовныхъ лицъ не соотвѣтствуетъ ихъ положенію во главѣ церкви, и рѣдко кто изъ нихъ знаетъ въ точности всѣ христіанскіе церковные обряды, имѣетъ должное понятіе о всѣхъ христіанскихъ догматахъ, а главное—рѣдко кто изъ нихъ исполняетъ свою службу ревностно и притомъ безкорыстно. Однимъ словомъ, духовенство на островахъ Зеленаго Мыса не соотвѣтствуетъ потребностямъ страны, гдѣ нужны истинные просвѣтители Христовой вѣры, люди умные, ученые, твердые и энергичные, люди, посвятившіе всю свою жизнь одному только Богу и въ сердцахъ которыхъ нѣтъ мѣста корыстолюбію и честолюбію. Только такіе люди могутъ окончательно очистить настоящую религію отъ существующихъ еще языческихъ обрядовъ и обычаевъ, могутъ дать должное направленіе всей паствѣ, мало проникнутой новою религіею, просвѣтить ее, дать должное понятіе о всѣхъ христіанскихъ догматахъ и

обрядахъ, о которыхъ большая часть жителей имѣетъ понятіе совершенно превратное и не ясное.

Недостатокъ школъ увеличиваетъ всеобщее невѣжество, а потому сперва необходимо заботиться объ увеличеніи этихъ заведеній и о присылкѣ сюда хорошихъ учителей и патеровъ, могущихъ дать совершенно другой, истинный оборотъ настоящему духовному просвѣщенію всей массы, и тогда только можно будетъ сказать, что на островахъ Зеленаго Мыса жители исповѣдуютъ католическую религію; теперь же этого сказать нельзя, потому что жители, вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ и обстоятельствъ, исповѣдуютъ въ настоящее время какую то смѣшанную религію, не то католическую, не то языческую, но что-то среднее между тою и другою, потому что христіанскіе обряды подчасъ такъ сильно перемѣшиваются съ древними языческими (особенно во внутренностяхъ острововъ), что рѣшительно нельзя разобрать, какой религіи больше придерживаются мѣстные жители, католической или языческой, и которая изъ нихъ взяла у нихъ верхъ.

ГЛАВА XII.

Острова: Сантъ-Яго, Маіо Фого, Брава, Боависта, Сантъ-Винцента.

Островъ Сантъ-Яго, самый большой и въ то же время самый нездоровый изъ всего архипелага, имѣетъ около 25 миль [1]) въ длину и 22 мили въ самыхъ широкихъ мѣстахъ.

Съ сѣвера на югъ тянется черезъ его середину черная базальтовая горная цѣпь, раздѣляемая пикомъ Св. Антонія, лежащимъ почти въ центрѣ острова и подни-

---

¹) Повсюду я говорю о морскихъ миляхъ, равныхъ $^{5}/_{4}$ версты, или минутѣ меридіана.

мающимся на 4,950 футъ надъ уровнемъ океана, на двѣ части. Долины острова хорошо обработаны, большею частью очень живописны и отличаются отъ остальныхъ частей острова пріятнымъ освѣжающимъ воздухомъ, роскошною растительностью, массою населенія и благопріятною почвою, орошаемою здѣсь несравненно лучше, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ островахъ архипелага; здѣсь произростаетъ большое число разновидныхъ деревьевъ, доставляющихъ превосходные плоды; разводятся: виноградъ, кофе, сахарный тростникъ и овощи; сѣется большое количество маиса и проса и, наконецъ добывается много пальмоваго масла.

Съ начала XVIII столѣтія населеніе Сантъ-Яго постоянно колебалось между 20,000 и 27,000 душъ, то увеличиваясь отъ наплыва новыхъ поселенцевъ, то опять уменьшаясь отъ свирѣпствующихъ страшныхъ заразительныхъ болѣзней, пожиравшихъ большое число жителей, особенно въ несчастные года продолжительныхъ засухъ, какъ напримѣръ съ 1770 по 1773 годъ и съ 1831 по 1833 годъ. Жители группируются большею частью въ главномъ городѣ всего архипелага Порто-Прая и въ приморскихъ деревняхъ и селахъ, дома которыхъ разбросаны по всѣмъ направленіямъ среди плантацій, расположенныхъ на днѣ самыхъ живописныхъ и плодороднѣйшихъ долинъ, при которыхъ Сантъ-Доминго и Фуентесъ считаются самыми лучшими и населеннѣйшими. Особенно долина Сантъ-Доминго, лежащая почти въ центрѣ острова, поражаетъ своею красотою, совершенно неожиданною, судя по колориту преобладающему въ остальныхъ частяхъ острова. Прекрасное селеніе того же имени, состоящее слишкомъ изъ двухъ сотъ домовъ, расположено на днѣ долины и окружено высокими зубчатыми стѣнами наслоившейся лавы; черезъ всю долину затѣйливо извивается быстрый ручеекъ, берега котораго покрыты роскошною зеленью, рѣзко отдѣляющеюся отъ окружающихъ черныхъ скалъ. Вообще общая картина долины

Сантъ Доминго чрезвычайно эффектна и производитъ сильное впечатлѣніе на путешественника, пораженнаго раньше голымъ и безплоднымъ наружнымъ видомъ всего архипелага. Это прелестное и уютное мѣстечко можно сравнить съ чудеснѣйшимъ алмазомъ, сокрытымъ отъ жадныхъ взоровъ въ булыжникѣ...

Главный городъ острова и столица всей провинціи Зеленаго Мыса—Порто-Прая—находится въ 14°54′ сѣв шир. и 23°30′7 западной долготы отъ Гринвича и лежитъ по восточную сторону довольно обширной бухты въ которой проходящія суда могли бы найти отличное убѣжище отъ господствующихъ вѣтровъ; но различныя обстоятельства дѣлаютъ эту прекрасную бухту [1]) весьма неудобною для якорной стоянки. Во первыхъ, у береговъ постоянно бушуютъ огромные буруны, затрудняющіе сообщеніе съ городомъ; во вторыхъ, здѣсь свирѣпствуютъ страшныя заразительныя болѣзни и въ третьихъ—чувствуется сильный недостатокъ какъ въ прѣсной водѣ, такъ и въ необходимыхъ для судна свѣжихъ припасахъ, вслѣдствіе чего они здѣсь очень дороги и доставка ихъ чрезвычайно затруднительна.

Порто-Прая расположенъ на возвышенности, къ которой ведетъ отъ пристани крутая, песчаная и чрезвычайно утомительная дорога. Въ эпоху открытія острова ближайшія окрестности города были покрыты деревьями, но ихъ безразсудно уничтожили, что повело за собою почти совершенное безплодіе. Въ настоящее время окрестности эти со стороны моря до того голы и пустынны, что производятъ грустное впечатлѣніе; земля сдѣлалась до такой степени непроизводительною, что едва-едва питаетъ самую тощую траву, съ жадностью пожираемую стадами козъ, ословъ и коровъ. Почва скалы, разбросанныя глыбы базальта и другіе предметы, на которыхъ останавливается взоръ, ясно показываютъ вулканическое происхожденіе острова: кру-

---

[1]) Глубина бухты измѣняется между 5 и 8 саженями; грунтъ—илъ.

гомъ какъ-то пусто, уныло и жалко..... Ближе къ городу взоръ развеселяютъ небольшія группы клещевины, въ вѣтвяхъ которыхъ возсѣдаютъ, разодѣтые въ яркія перья, зимородки и зорко высматриваютъ въ сухой травѣ свое любимое кушанье—ящерицъ и кузнечиковъ. Усмотрѣвъ добычу, они стремительно налетаютъ на нее и, захвативъ въ крѣпкій клювъ, молча и съ удивительною важностью опять усаживаются на свое мѣсто уничтожая добытую пищу и снова принимая наблюдательное положеніе...

Самый городъ не представляетъ ничего особеннаго; главная или сѣверозападная его часть группируется вокругъ обширной площади Пелуриньо (Pelourinho), имѣющей видъ параллелограма, и состоитъ изъ весьма невзрачныхъ, выбѣленныхъ извѣстью, одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ тесомъ или черепицею. Улицы этой аристократической части города достаточно широки, хорошо вымощены и содержатся довольно чисто.

Юго-Восточная часть города состоитъ изъ неопрятныхъ, не выбѣленныхъ и построенныхъ изъ грубаго камня домовъ, крытыхъ пальмовыми листьями и только изрѣдко—черепицею; улицы содержатся здѣсь въ отвратительномъ состояніи и, повидимому, предназначаются скорѣе для отдохновенія и прогулокъ грязныхъ свиней и разной домашней птицы, но только не для прохода людей. На каждомъ почти шагу встрѣчаешь здѣсь, посреди дорогъ, то развалившуюся свинью, окруженную многочисленнымъ грязнымъ семействомъ, поднимающихъ на всю улицу страшный визгъ, то стаю нахохлившихся домашнихъ птицъ, возсѣдающихъ съ важностью на жердяхъ, выдвинутыхъ изъ подъ крышъ домовъ. Вообще эта часть города находится въ такомъ запущеніи, что кромѣ мѣстнаго жителя рѣдко кто туда заходитъ.

Среди города возвышается нѣсколько общественныхъ зданій, какъ-то: гостинницы, церковь, тюрьма, судъ и довольно красивый госпиталь, рядомъ съ кото-

С. Виндгукъ. (уличные типы).

Прачки.

рымъ красуется единственная на архипелагѣ мельница, построенная очень давно и въ настоящее время стоящая въ бездѣйствіи.

Послѣдніе дома западной части города обращены къ небольшой, но тѣнистой долинѣ общества (varzea del Companhia), по ней протекаетъ извилистый ручеекъ Фонте-Анна (Fonte-Anna); здѣсь растутъ пальмы, бананы, сахарный тростникъ, виноградъ, апельсины, лимонныя, кокосовыя и другія деревья, и въ сложности это мѣсто представляетъ одно изъ лучшихъ и ближайшихъ мѣстъ прогулокъ жителей Порто-Прая и пріѣзжающихъ моряковъ, которые находятъ здѣсь, въ тѣни разновидныхъ и довольно роскошныхъ деревъ, пріятное убѣжище отъ знойныхъ лучей тропическаго солнца, и утомленные грустнымъ и голымъ видомъ всего архипелага, отдыхаютъ здѣсь на берегахъ извилистаго ручейка.

Съ противоположной стороны, ограниченъ не менѣе роскошною долиною Бомъ-Кае (Bom-Cae), придающей ему довольно сносный видъ, и можно даже сказать, что это мѣсто одно изъ лучшихъ во всемъ архипелагѣ; но убійственный климатъ острова Сантъ-Яго ставитъ Порто-Прая на ряду съ самыми дрянными городами. Воды въ городѣ очень мало и она проведена изъ окрестныхъ мѣстъ; въ прежнее же время онъ снабжался ею ручейкомъ Фонте-Анна; но его мутная и нездоровая вода принудила городскія власти искать другихъ мѣстъ; въ настоящее время доставляется въ городъ довольно хорошая вода изъ ручья фермы Монтаджарро (Montagarro), лежащей въ восьми миляхъ отъ Порто-Прая...

Другихъ городовъ, кромѣ Порто-Прая, на островѣ Сантъ-Яго нѣтъ; отъ древней же столицы провинціи Зеленаго Мыса остались однѣ только развалины, лежащія въ нѣсколькихъ миляхъ къ востоку отъ Порто-Прая, на южномъ берегу острова... Настоящій видъ Рибейра-Гранде очень печаленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно живописенъ; развалины древней обширной крѣпости и роскошнаго когда-то собора придаютъ ему

какой-то величественный и гордый видъ. Въ прежнее время городъ велъ значительную торговлю и красовался своими многочисленными и, судя по развалинамъ, довольно сносными зданіями; но въ 1712 г. онъ былъ почти совершенно разрушенъ французами, причемъ большая часть жителей покинула его и поселилась въ другихъ частяхъ острова; этотъ случай нанесъ первый ударъ благосостоянію Рибейра-Гранде и, не смотря на то, что въ скоромъ времени наступило полнѣйшее спокойствіе, городъ уже не могъ достичь свего прежняго величія. Въ 1780 г. онъ перестал считаться столицею всей провинціи Зеленаго Мыса и резиденція генералъ-губернатора была перенесена въ только что зародившійся Порто-Прая;--послѣ этого Рибейра-Гранде палъ окончательно. Въ настоящее время жаль смотрѣть на его уединенныя развалины, груду мрамора и обдѣланнаго камня, среди которыхъ гордо возвышается полуразвалившійся соборъ и остатки епископскаго дворца около которыхъ, по видимому, группировались въ прежнее время самыя лучшія и аристократическія зданія города. Городъ защищался въ былое время цитаделью, построенною въ 1567 году отъ которой остались однѣ только жалкія развалины; невдалекѣ отъ нихъ раскинулось небольшое селеніе, живой остатокъ древней столицы, въ которомъ среди прекраснаго тѣнистаго сада, скромно притаился маленькій монастырь капуциновъ-миссіонеровъ, еще хорошо сохранившійся, хотя его основаніе относятъ чуть-ли ни ко времени перваго заселенія острововъ...

Паденію Рибейра-Гранде много способствовалъ вредный, убійственный климатъ; въ противномъ случаѣ, онъ, по всей вѣроятности, поднялся и остался бы во главѣ провинціи...

Островъ Маіо, лежащій всего только на 5 миль восточнѣе Сантъ-Яго, имѣетъ наибольшую длину 14 миль, а ширину 7. Восточная его часть гориста, между тѣмъ какъ остальная поверхность состоитъ изъ солончако-

выхъ равнинъ и довольно обширнаго болота, лежащаго позади главнаго центра населенія острова, такъ называемаго, Англійскаго города. На всемъ островѣ нѣтъ ни одного источника или ручейка; его голая, безводная поверхность имѣетъ чрезвычайно жалкій и непривлекательный видъ; здѣсь нѣтъ ни освѣжающихъ и распространяющихъ далеко вокругъ себя плодородіе и жизнь ручейковъ, тихо журчащихъ въ берегахъ, окаймленныхъ роскошною зеленью; не насладитесь живописными мѣстоположеніями; не залюбуетесь уже тою дивною картиною, которая поразила бы васъ при въѣздѣ въ долины Сантъ-Доминго и Фуентесъ, на островѣ Сантъ-Яго. Нѣтъ, вы здѣсь увидите вмѣсто всего этого обширныя солончаковыя равнины, покрытыя тощею, подъ знойными лучами тропическаго солнца, травою, увидите нескончаемое и распространяющее далеко вокругъ себя смертоносные міазмы болото, вредныя здоровью всего народонаселенія, такъ какъ оно бываетъ причиною свирѣпствующихъ здѣсь лихорадокъ и катаральнаго состоянія жителей. Наконецъ, глаза ваши остановятся на гористой части острова, въ надеждѣ увидѣть тамъ плодородныя долины и свѣтлые ручейки; но ваша надежда не оправдается: представятся повсюду глазамъ вашимъ совершенно нагія скалы и возвышенности, безводныя и жалкія долины... Такой голый, пустынный видъ островъ имѣетъ почти во все время года; только во время зимнихъ дождей встрѣтите здѣсь небольшія поля, засѣянныя маисомъ и овощами, а также роскошную зелень, появившуюся, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, изъ каждой трещины, изъ каждаго атома почвы; при первыхъ же жарахъ все это изсушается, все пропадаетъ...

Главное богатство острова Маіо — соль, вывозимая отсюда ежегодно въ громадномъ количествѣ, и всѣ почти жители занимаются легкимъ добываніемъ этого дешеваго и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимѣйшаго продукта. Лучшая соль добывается въ такъ называемомъ

Старомъ Салинѣ (Salina Vehla), но съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе скопленія въ солончикахъ ила, она теряетъ свои превосходныя качества.

Берега острова не изобилуютъ хорошими бухтами, на всемъ протяженіи береговой линіи встрѣчаются всего только два, довольно сносныя якорныя мѣста.

Въ 28 миляхъ къ западу отъ Сантъ-Яго лежитъ островъ Фого, извѣстный до конца шестнадцатаго столѣтія подъ именемъ Св. Филиппа, онъ имѣетъ почти совершенно круглую форму; въ центрѣ его возвышается величественный пикъ съ вулканомъ, спокойнымъ въ настоящее время, но иногда пробуждающимся и могучими движеніями приводящимъ въ сотрясеніе весь островъ. Вся поверхность Фого состоитъ изъ склоновъ этого величественнаго пика, мѣстами прорѣзанныхъ глубокими лощинами, идущими отъ самаго кратера до окружности острова. Вулканическая почва его чрезвычайно плодородна и при первыхъ зимнихъ дождяхъ покрывается необыкновенно роскошною растительностью: зерна всякаго рода, овощи и плоды произрастаютъ здѣсь въ это время въ большомъ количествѣ и лучшей доброты. Въ сухое же время года острова Фого не узнать: вся поверхность его обнажается, все засыхаетъ и принимаетъ самый жалкій и унылый видъ. Причина этой страшной перемѣны гнѣздится въ недостаткѣ воды; число источниковъ здѣсь такъ мало, что они даже не могутъ удовлетворить самымъ необходимымъ нуждамъ жителей во время бездожья. Ужасный недостатокъ прѣсной воды былъ причиною того, что во время страшной трехлѣтней засухи, начавшейся въ 1770 г., убыло до 13,000 жит.

Не смотря, однако, на весьма чувствительный недостатокъ прѣсной воды, все-таки Фого можно отнести къ наиболѣе плодороднымъ островамъ архипелага, потому что онъ во время зимнихъ дождей съ избыткомъ вознаграждаетъ жителей за всѣ понесенныя бѣдствія и лишенія. Въ хорошіе годы отсюда вывозится,

по большой части на Майдеру или въ Португалію, болѣе 600 бочекъ маису; кромѣ того, приноситъ жителямъ большой доходъ сборъ ягеля, а также добываніе разныхъ минеральныхъ продуктовъ, какъ-то: сѣры пемзы, нашатыря и камней для фильтрованія...

Въ трехъ миляхъ на юго-западъ (WSW) отъ Фого лежитъ островъ Брава (Brava—дикій); судя по названію, его можно отнести къ самымъ безплоднѣйшимъ и непривлекательнѣйшимъ островамъ; но это несправедливо, потому что онъ одинъ изъ самыхъ плодороднѣйшихъ и прекраснѣйшихъ острововъ и по справедливости долженъ былъ бы носить названіе рая всего архипелага. Настоящее же свое названіе онъ получилъ отъ первыхъ поселенцевъ острова Фого по первому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на нихъ своимъ наружнымъ, дѣйствительно дикимъ видомъ... Небольшой, гористый, съ безплодными берегами, вѣчно покрытыми густымъ туманомъ, онъ производитъ съ перваго раза самое непріятное впечатлѣніе; но, проникнувъ во внутренность острова, поражаетъ его удивительнымъ плодородіемъ, прелестными крошечными долинами, здоровостью и свѣжестью окружающей атмосферы... Островъ Брава можно весьма удачно сравнить съ человѣкомъ, обладающимъ непривлекательною, отталкивающею наружностью, но имѣющимъ за то золотую душу, сердце и умъ: такой человѣкъ съ перваго взгляда оставляетъ непріятное впечатлѣніе; но, поговоривъ съ нимъ, узнавъ его внутреннія качества, вы совершенно забываете его наружное безобразіе.

Стоитъ же только взобраться на одну изъ разбросанныхъ по берегу, довольно значительныхъ возвышенностей, какъ общій видъ острова совершенно измѣняется: вмѣсто поражающей пустоты и безплодія, всюду разстилаются превосходныя плантаціи маніока, кофе и папаія; всюду виднѣются изъ-за роскошной зелени хорошенькія жилища поселянъ; на всемъ окру-

жающемъ пространствѣ видны слѣды общаго благосостоянія, изобилія и довольства...

Главное мѣстечко острова, небольшая деревня (povoacao) Сантъ-Джоо-Баптиста (Sao-Joao-Baptisto), расположено на восточномъ берегу, со стороны Фого, на нѣсколькихъ невысокихъ холмикахъ; оно не имѣетъ вида сформированнаго городка, но состоитъ изъ прелестныхъ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ среди восхитительныхъ садовъ, богатыхъ плантацій и огородовъ. Вблизи этого мѣстечка лежитъ скала, пользующаяся на островахъ Зеленаго Мыса большою извѣстностью: изъ-подъ нея бьетъ превосходный ключъ, вода котораго служитъ предметомъ обширной внутренней торговли. При выходѣ изъ-подъ скалы она имѣетъ кисловатый вкусъ, но черезъ двадцать четыре часа теряетъ свою кислоту и дѣлается пріятною и освѣжающею; кромѣ того вода эта облегчаетъ пищевареніе и возбуждаетъ аппетитъ.

Боависта лежитъ въ 27 миляхъ къ с.-в. отъ Сантъ-Яго; онъ имѣетъ форму неправильнаго пятиугольника, съ поверхности котораго возвышаются два базальтовые пика; почва его почти такая же, какъ и на островѣ Маіо и столь же способная къ произрастанію хлопчатника и кокосоваго дерева; жители острова, занимаясь добываніемъ соли, главнаго ихъ богатства, жатвою ягеля, рыболовствомъ и прибрежнымъ плаваніемъ, предаются сельскому хозяйству съ меньшею охотою, чѣмъ жители Маіо; воды здѣсь, какъ вообще на всѣхъ островахъ Зеленаго Мыса, очень мало, а потому преобладающій видъ острова голый и пустынный.

Не вдаваясь въ описаніе другихъ незначительныхъ острововъ, я остановлюсь только на Св. Винцентѣ. Это голый и пустынный островъ, покрытый рѣдкимъ, низкимъ кустарникомъ; онъ имѣетъ форму неправильнаго параллелограма; отъ запада къ востоку, въ сѣверной и южной оконечностяхъ острова, тянутся двѣ параллельныя на всемъ своемъ протяженіи каменныя гряды,

среди которыхъ расположена безплодная, дикая долина, закрытая съ востока и доходящая до моря въ западной части острова, гдѣ низкій, песчаный берегъ образуетъ прекрасную бухту Порто-Гранде, на берегу которой пріютилась столица Сантъ-Винцента.

Бухта эта надежна во всякое время года и считается лучшимъ якорнымъ мѣстомъ не только во всей группѣ острововъ, но даже во всѣхъ португальскихъ владѣніяхъ; рейдъ можетъ вмѣстить слишкомъ двѣсти самыхъ большихъ судовъ, которыя находятъ здѣсь надежную и спокойную стоянку. Съ сѣвера бухта защищена отъ вѣтровъ высокими вершинами острова Св. Антонія, а съ остальныхъ сторонъ — своими берегами и возвышенностями. Порто-Гранде своимъ положеніемъ и здоровымъ климатомъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе; ни одно судно не пройдетъ мимо острововъ Зеленаго Мыса не зайдя въ Порто-Гранде, и это частое посѣщеніе рейда большимъ числомъ иностранныхъ судовъ имѣетъ по видимому хорошее вліяніе на городъ, который понемногу, но всетаки пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе благообразный видъ, и, судя, по довольно большому числу вновь строющихся зданій, можно утвердительно сказать, что современемъ Порто-Гранде приметъ болѣе европейскій видъ. Англичане предпочли безплодныя окрестности этого порта плодороднымъ и болѣе обитаемымъ островамъ архипелага и учредили здѣсь станцію для пароходныхъ линій на мысъ Доброй Надежды и въ Южную Америку; здѣсь находятся громадные склады каменнаго угля, который погружается на суда съ большими удобствами: на берегу, противъ складовъ, устроены пристани, поставлены краны [1]) и Мортоновъ элингъ [2])

---

[1]) Кранами называются особыя сооруженія, помощью которыхъ поднимаются большія тяжести; они бываютъ паровые и ручные, деревянные и желѣзные, и наконецъ постоянные и пловучіе.

[2]) Элингомъ вообще называется особая паровая машина, помощью которой судно, требующее починки или только осмотра подводной его части, вытаскивается изъ воды по наклонной плоскости

для баржъ; уголь нагружается помощью тачекъ въ вагоны; изъ вагоновъ перегружается въ шаланды [1]), которыя и ведутся буксирнымъ пароходомъ къ тому судну, которое желаетъ нагрузиться углемъ. Такимъ образомъ со стороны судоваго начальства не требуется особенныхъ хлопотъ; написалъ только, сколько требуется угля, какъ уже буксирный пароходъ, кряхтя и пыхтя, тащитъ нагруженныя верхомъ шаланды: только знай вываливать уголь въ угольныя ямы [2])...

Сантъ-Винцентъ еще дорогъ мореплавателямъ тѣмъ, что на немъ не свирѣпствуютъ болѣзни, свойственныя архипелагу Зеленаго Мыса...

ГЛАВА XIII.

Отплытіе съ острововъ Зеленаго Мыса.—Разсказъ Архипыча.—Плаваніе въ тропикахъ.—Море.—Жгуны.—Пузырники.—Ихъ наружный видъ и строеніе.—Медузы по Фредоллю.—Штилевая полоса—подготовительница бурь всего земнаго шара.—Шквалы.—Переходъ черезъ экваторъ.—Южное полушаріе.—Нѣтъ штилей!—Измѣненіе погоды.—Южный крестъ.—Чудныя ночи.—Ловля акулы.—Прилипала и лоцмана (рыбы).—Храбрецъ Архипъ.—Ожиданіе берега.—Устье Ріо-де-Ла-Платы.—Рыбы музыканты.—Монтевидео.—Видитъ око, да зубъ нейметъ!—Отъ Монтевидео къ Буеносъ-Айресу, столицѣ Аргентинской республики.—Памперо.—Малая глубина.—Удивительная мягкость грунта.—Бухта Барраганъ (Barragan).

Простоявъ недѣлю у негостепріимныхъ и непривлекательныхъ береговъ острова Санъ-Винцентъ, нагрузившись углемъ, свѣжимъ мясомъ и зеленью, тронулись

и роульсамъ (желѣзные катки, вращающіеся на оси) на берегъ; Мортонъ—собственное имя.

[1]) Шаланды—это плоскодонныя, большею частію, желѣзныя суда, перевозящія большія тяжести; носъ и корма ихъ имѣютъ полукруглую форму; это дѣлается съ цѣлью увеличить подъемную ихъ силу.

[2]) Такъ называются на судахъ особыя помѣщенія для угля; они бываютъ непремѣнно желѣзныя, потому что бываютъ случаи, что уголь самовозгорается.

С. Винцентъ.

Погрузка мяса на суда.

мы, 25 февраля, въ дальнѣйшій путь... Быстро выбѣжалъ корветъ изъ Порто-Грандской бухты; замелькали мимо насъ непривѣтливые берега лежащихъ по дорогѣ островокъ и впереди открылся широкій проходъ въ Атлантическій океанъ, въ который и нырнулъ нашъ корветъ, оставляя позади себя безплодные острова Зеленаго Мыса. Не прошло и часу, какъ отъ всей группы осталось на горизонтѣ только черное пятно, которое постепенно свѣтлѣло, свѣтлѣло и наконецъ совершенно скрылось за горизонтомъ...

Кругомъ насъ безграничный океанъ, береговъ уже не видать, а никто даже и не оглянулся на постепенно скрывавшуюся землю, никто не отдалъ послѣдній привѣтъ грустнымъ островамъ, потому что они произвели на всѣхъ самое непріятное впечатлѣніе. Всѣ покидали ихъ безъ всякой жалости, ожидая впереди лучшаго и привлекательнѣйшаго... Прошедшаго для насъ какъ бы не бывало; мы жили только настоящимъ и будущимъ; первое впрочемъ было очень непріятно, потому что однообразный скрипъ корветскихъ членовъ, завыванье довольно свѣжаго вѣтра, хлопанье снастей и парусовъ, постоянная качка—все это для насъ было не ново; за то будущее сулило намъ много хорошаго, пріятнаго и при всемъ томъ много новаго и интереснаго...

Быстро бѣжалъ „Аскольдъ", подгоняемый свѣжимъ попутнымъ пассатомъ (NO), плавно вздымался на ровныя, спокойныя и убаюкивающія волны, правильными рядами бѣгущія за корветомъ, который слегка вздрагивалъ отъ ихъ ударовъ и, какъ пришпоренный конь, быстро бросался впередъ. Десятки морскихъ птицъ провожали насъ съ рѣзкими криками; весело кружились онѣ надъ нами, то подымаясь къ поднебесью, то опускаясь внизъ, какъ бы желая отдохнуть на реяхъ нашего корвета; но, какъ будто чѣмъ-то встревоженныя, быстро бросались вверхъ, оглашая воздухъ какими-то плачевными, жалобными криками.

Наступила ночь; вахтенные матросики сидятъ неболь-

шими группами въ разныхъ концахъ верхней палубы и бесѣдуютъ себѣ о томъ, о семъ, но больше объ оставленныхъ только что мѣстахъ, охаютъ, ахаютъ, удивляются и даже мечтаютъ...

— Странная, братцы, этта вещь, тихо говоритъ молодцоватый матросикъ, вопросительно поглядывая на близь сидящихъ своихъ товарищей: кажись вѣдь Зеленые острова и не ахти какъ велики, да и не казисты больно, и лѣсу мало, и зелени тоже не видать, а посмотрико-сь какіе фрухты славные продаютъ чумазые арапы—куды нечета нашимъ россейскимъ фрухтамъ; а у насъ вѣдь лѣсамъ и конца нѣтъ, а зелени—такъ сколько хошь... Не заграничные ли какіе ужъ продаютъ, аль неужто такъ-таки здѣсь они и растутъ?..

— А ты думалъ, што нѣтъ? перебилъ его извѣстный уже читателямъ Храмцовъ; у насъ-то гдѣ эфтимъ фрухтамъ расти: не на еловыхъ же, аль сосновыхъ иль березовыхъ деревахъ, хотя такихъ лѣсовъ и взаправду много; а тутъ, братецъ ты мой, совсѣмъ другая статья: лѣсъ, смотришь, небольшой, паршивый, кажись, а фрухтовъ-то въ немъ много, потому ужъ дерева все такія въ немъ растутъ, что фрухты одни только даютъ, а не еловыя шишки и жолуди, какъ у насъ. И зачѣмъ этта намъ и фрухты-то, когды всего другаго вдоволь есть—кушай въ сласть, ну, и жизнь, вѣдь наша не та, что здѣшняя; у насъ-то повольготнѣе будетъ, потому жары такой нѣтъ, да и землицы-то побольше, да получше... А на Зеленыхъ островахъ ужъ не то: земли нѣтъ, все одинъ песокъ, да камень, ну, и горька жизнь здѣшнему народу; Царь нашъ Небесный, по добротѣ своей, фруховъ-то имъ далъ на то, чтобъ горечь заѣсть чѣмъ было...

— И то правда, рѣшили въ одинъ голосъ остальные собесѣдники, съ удивленіемъ поглядывая на Храмцова, досконально объяснившаго имъ такую мудреную, повидимому, вещь.

— Жаль, продолжалъ Храмцовъ, что на островѣ

не удалось намъ побывать: все-жъ посмотрѣть его поближе не мѣшало-бы... Я-то вотъ уже который разъ тамъ былъ, такъ надоѣло: больно плохъ островъ-то, да и городъ плохъ, потому кабаковъ мало.

— У тебя все кабаки, да кабаки на умѣ, проговорилъ какъ-то грустно сидящій вблизи унтеръ, что въ кабакахъ-то твоихъ?.. Одная только мерзость, да пакость! Вонъ хоть бы онамнясь ты въ Плимутѣ съѣхалъ на берегъ, такъ какой свиньей назадъ вернулся и больно ужъ не въ деликатномъ видѣ; страмно даже было смотрѣть; а все потому, что кабаковъ тамъ много... Вотъ что твои разлюбезные кабаки-то дѣлаютъ!.. Эхъ, Храмцовъ, Храмцовъ, водка тебя сгубитъ, повѣрь слову, сгубитъ!

— Что ты, Архипычъ, на водку-то такъ взъѣлся, укоризненно проговорилъ Храмцовъ, што она тебѣ сдѣлала?.. Не нравится—не пей, а кому нравится—пусть пьетъ себѣ, да попиваетъ... Да позволь тебѣ еще сказать, попрекнулъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, что ты и самъ-то знатнымъ пьяницей былъ, вѣдь помню, вмѣстѣ, кажись, кругомъ свѣта ходили и не разъ тебя тогда на гордешкѣ [1]) на палубу вздымали.

— Былъ, каюсь, что былъ тогда пьяницею, проговорилъ грустно Архипычъ: водку въ былое время больно любилъ, да теперь опротивѣла, окаянная, зарокъ далъ не употреблять ее и вамъ всѣмъ, други сердешные, тоже совѣтую: сгубитъ она, проклятая, право сгубитъ всякаго, кто возлюбитъ ее... Да что васъ, братцы-товарищи, совѣститься, тихо добавилъ Архипычъ, поднявъ опущенную было на грудь голову, разскажу ужъ я вамъ свою исторію, слушайте только: авось, Богъ дастъ, васъ отъ водки, окаянной, отвращу...

— Разскажите, Архипычъ, мы послушаемъ, прого-

---

[1]) Въ былое время, мертвецки пьяныхъ матросовъ подымали со шлюбки на судно съ помощью веревки (гордешка, какъ ее называютъ), которая подвязывалась кругомъ туловища. Въ настоящее же время ихъ выносятъ на рукахъ.

ворили въ одинъ голосъ матросики, ближе подвигаясь къ унтеру.

Храмцовъ сердито приподнялся, отошелъ въ сторону и, облокотившись на бортъ, сталъ какъ бы любоваться пробѣгающими мимо корвета блестящими волнами, но въ то же время видно было, какъ онъ старался вслушиваться въ разсказъ Архипыча.

— Видно сичасъ, что совѣсть не чиста, зашушукали матросики, искоса поглядывая на удалявшагося Храмцова, чуетъ шельма-кошка, чье мясо съѣла...

— До двадцать втораго года, братцы мои, тихо началъ Архипычъ, водки я и въ ротъ не бралъ; не любилъ я ее, окаянную, потому много добрыхъ людей на глазахъ моихъ она загубила... Была у меня избенка, была у меня и жена (тяжело вздохнулъ Архипычъ), бойкая славная, красивая баба, были и дѣтки—словомъ, все было... Жилъ я себѣ, братцы, припѣваючи: ни горе меня не тревожило, казалось, оно и дорогу-то къ избѣ моей забыло, ни горькія думки, ни злые люди. Жилъ я со своей Настасьюшкою душа въ душу: ни я ее, ни она меня попрекнуть ни въ чемъ не могла, даже въ грубомъ словѣ. Все шло до поры до времени хорошо, анъ, подикось, вдругъ и къ намъ горе заглянуло, дорожку, значитъ, отыскало, заглянуло—и съ тѣхъ поръ, точно клещъ, впилось въ меня. Видите ли, пришла очередь въ рекрута идтить; забрили меня, бѣднягу, и поволокли; тяжело было разставаться съ дорогою семьей, тяжело было покинуть молодую жену и малыхъ ребятъ, одинъ Богъ знаетъ, какъ было мнѣ тяжело; но противъ судьбы и приказанья царскаго не пойдешь... Распростился я и, какъ помѣшаный, отправился за партіей набранныхъ рекрутовъ; ничего я не помнилъ, ничего не видѣлъ: глаза помутились отъ горючихъ слезъ, только знаю, что жену свою я оставилъ въ безпамятствѣ: ужъ плакала она, сердешная, надрывалась, — видно жалко было разставаться съ мужемъ любимымъ (при этомъ Архипычъ какъ-то горько усмѣхнулся)... Какъ попалъ

я въ Управу, какъ обрили меня, какъ одѣли въ царскую шинель—не помню, какъ попалъ я въ службу суровую-матросскую — тоже не помню... Долго горевалъ я, да надрывался, бывало, сидя на нарахъ, много слезъ горючихъ пролилъ: бывало уткнешься головой въ подукшу, да такъ и заливаешься; спасибо только добрымъ товарищамъ—они меня успокоили, пообѣщавъ, что въ деревню скоро опять пойду. Повѣрилъ я сдуру ихнимъ словамъ и стала жисть моя идти веселѣе. Пожилъ я между новыми товарищами и привыкъ къ своей службѣ суровой, уже начальство стало отличать меня, какъ дѣльнаго и хорошаго матроса... Жилъ я прошлымъ, объ женѣ и дѣтяхъ вспоминалъ кажный день: одною радостью моею было получить отъ нихъ дорогія вѣсточки... Прошло два года, вѣсточки отъ жены уже съ годъ какъ не получалъ; ждалъ я еще годъ—все вѣсточки нѣтъ, прождалъ еще годокъ—все ничего, а я, горемыка, убивался и выдумать никакъ не могъ, что бы тамъ, въ деревнѣ, могло случиться?.. Писалъ я женѣ много разъ—молчитъ все—и шабашъ... Промаялся я такимъ образомъ еще годокъ; пришла къ намъ въ тое время новая партія рекрутовъ, а съ ними, узналъ я, изъ моей деревни и парень пришелъ... Узналъ я объ эфтомъ самомъ, обрадовался, ну, думаю, полно маяться, узнаю таперь о женѣ своей, и дѣткахъ, и взаправду узналъ (голосъ Архипыча задрожалъ и онъ замолчалъ, понуривъ голову).

— Что-жъ ты, Архипычъ, узналъ? съ любопытствомъ спросили слушатели, видимо интересуясь разсказомъ унтера.

— Узналъ я, товарищи, продолжалъ Архипычъ. горько улыбаясь, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, что жена моя измѣнила мнѣ, забыла значитъ, мужа законнаго... Узналъ я эту вѣсточку, да такъ объ полъ и грохнулся, а что было потомъ и не помню; опомнился и уже въ гошпиталѣ: товарищи говорили, что шесть недѣль въ лютой горячкѣ пролежалъ, да не помню...

Поправился этта я, вспомнилъ о своемъ лютомъ горѣ и затосковалъ; ужъ какъ я кручинился, какъ убивался, братцы мои, одинъ Богъ знаетъ... Подлизались въ тое время ко мнѣ два товарища, люди гулящіе, пьющіе, да и давай съ пути добраго совращать. „Эхъ, говорятъ, Архипычъ, полно кручиниться, горю слезами, да охами не поможешь; а вотъ выпьемъ, пойдемъ-ка, лучше, право точно рукой сниметъ—все забудешь, парнемъ развеселымъ станешь!“ Повѣрилъ я сдуру, да смолоду, ихъ бѣсовскому навожденію, захватилъ съ собой часть сбереженныхъ денжатъ, да и пошелъ съ новыми друзьями въ кабакъ... Ужъ они поили, поили меня, не забывая разумѣтца и себѣ промачивать горло, и въ концѣ концовъ вернулся я въ казармы пьяный и безъ копѣйки въ въ карманѣ: всю мошню мою вытрясли други мои застольные. Ужъ не знаю, какъ попалъ я въ тотъ же вечеръ въ карцеръ, вѣроятно въ пьяномъ видѣ набуянилъ; подъ утро протрезвился: выпустили меня, наказавъ на будущее время пьянымъ въ казармы не приходить; совѣстно мнѣ было смотрѣть на товарищей, а на душѣ еще тяжеле стало, еще грустнѣе; тоска точно змѣя подколодная, такъ подъ сердцемъ и сосетъ, а тутъ, какъ лисицы, извиваются застольные мои друзья и горе лютое водкой опять залить приглашаютъ... Поддался я ихъ дьявольскому навожденію и вторично, а тамъ и пошло катать?.. Сталъ я хуже всякой свиньи, опустился ниже всякаго послѣдняго матроса; стали меня наказывать, въ кутузку сажать—ничего не помогало... Маялись, маялись со мной грѣшнымъ и сослали меня наконецъ вмѣстѣ съ моими друзьями застольными въ арестантскія роты... Вотъ до чего, братцы мои, довела меня водка окаянная, зелье дьявольское; вышелъ изъ арестантскихъ—сталъ я съ горя за границу проситься, горе размыкать; плавалъ я съ годъ, плавалъ и два, а все горя своего размыкать не могъ; какъ вспомню, бывало, о женѣ своей измѣнницѣ, сейчасъ же за чарку принимаюсь и пью, пью до тѣхъ поръ, пока все изъ

памяти вышибетъ... За границей смотрѣли на пьянство не такъ строго, какъ въ Рассеѣ, и потому только вторично въ арестантскихъ ротахъ не побывалъ, да и трудно было тамъ часто напиваться, когда по нѣскольку очередей на берегъ не ѣздилъ; а ужъ на суднѣ напиться ни-ни: не откудова и водки-то достать, да и наказаніе-то за это больно строгое, престрогое кладется...

Пришли мы изъ-за границы; старыхъ матросовъ пустили домой, то-есть въ деревню, на побывку. Пошелъ, друзья мои сердешные, и я, и пошелъ этта я больше не ради жены своей измѣнницы, а ради дѣтокъ дорогихъ: хотѣлось ужъ больно на нихъ посмотрѣть... да что правду таить, долженъ вамъ правду сказать, что и на жену взглянуть сердце просилось — все рѣшилъ при свиданіи забыть и простить, такой ужъ у меня характеръ. Авось думалось мнѣ, увидитъ она меня и покается...

Путь мой былъ не близокъ, верстъ съ тысячу: гдѣ пѣшечкомъ, гдѣ пристроишься бывало на возку у добраго брата нашего—мужичка, а гдѣ и баринъ проѣзжій подвезетъ. Шелъ я, ѣхалъ ровнешенько двадцать деньковъ, послѣдній мой привалъ былъ въ сосѣднемъ съ моей деревней селѣ Горки; до дому оставалось еще съ верстъ тридцать. Принарядился это я на другой день, нельзя же было въ деревню родную грязнымъ показаться, и пустился въ дорогу чуть свѣтъ; повѣрьте, братцы мои, шелъ я, а ноги мои такъ ходуномъ и ходили—отъ радости ли, отъ горя ли—не знаю? Въ грудь точно молотомъ кто колотилъ, а въ лицѣ и не знаю что было: горѣло оно ажно въ огнѣ горючемъ, точно сто оплеувухъ сичасъ получилъ. Иду этта я себѣ: и радость меня разбираетъ, что дѣтокъ, жену и деревню родную увижу, да въ тожъ время и горе сердце гложетъ... Къ полдню подошелъ этта я къ горкѣ, не въ моготу было подняться, присѣлъ у дороги; а съ горки-то деревня моя должна была показаться, какъ на ладони; боязно было подняться на нее—все опасался, что отъ деревни моей родной и

щепокъ не осталось, а въ тожъ времячко духомъ хочется взбѣжать на нее, да ноженки дрожатъ, не держутъ. Собрался этта я наконецъ съ силою, перекрестился и пошелъ; поднялся на горку, анъ ничего и не вижу: глаза помутились такъ, что въ двухъ шагахъ, кажись бы, коровы не увидалъ? ужъ я теръ, теръ ихъ рукавомъ шинели—ничего не помогаетъ, а слезы-то, гости непрошенныя, такъ сами изъ глазъ и лѣзутъ. Успокоился наконецъ я маленько, трижды перекрестился, обтеръ рукавомъ послѣднія слезы и глянулъ... Ахъ, братцы, какъ былъ я въ тое время счастливъ, точно кто на седьмое небо меня поднялъ! Передъ глазами— родная деревня, точь-точь такая же, какъ оставилъ я ее восемь лѣтъ тому назадъ: слѣва — рѣчка, въ которой бывало Настасьюшка бѣлье полоскала, справа — мельница махала своими длинными крыльями... тѣ же покривившіяся избы, тотъ же плетень; словомъ все тоже, что и было при мнѣ. Не вытерпѣлъ я, припалъ этта къ родной землѣ, которая вспоила, вскормила меня, и трижды крѣпко поцаловалъ ее... Ахъ, братцы, мнѣ было тогда очень хорошо; сами испытаете, какъ послѣ десятилѣтней службы суровой въ деревню пойдете... Архипычъ замолчалъ и задумался; слушатели тоже призадумались, Богъ знаетъ о чемъ: можетъ-быть и о томъ, что скоро ли и имъ придется испытать такую радость, скоро ли и имъ придется въ деревнѣ родной побывать, и что-то тамъ теперь безъ нихъ дѣлается.

— Эхъ далеко до родной деревни, грустно проговорилъ наконецъ одинъ изъ слушателей, а думушка и туды небось забѣгаетъ—подикось какая прыткая!..

— Что-жъ, Архипычъ, доскажи-же исторію-то, послышался голосъ отъ борта. Это Храмцовъ пьяница разчувствовался и исторію просилъ досказать; стоялъ онъ тамъ грустный, угрюмый.

— Извольте, други, извольте, проговорилъ Архипычъ встрепенувшись... Исторіи моей сичасъ ужъ и конецъ, добавилъ онъ, грустно поглядывая на товари-

щей, а какой конецъ, вы, братцы, я думаю, и подумать не можете...

— Сбѣжалъ этта съ горки, откуда и ноги взялись, продолжалъ Архипычъ свою грустную исторію, и вошелъ въ деревню; собаки залаяли, въ ноги начали бросаться: не узнали, значитъ, своего... Поднялся лай на всю деревню—просто бѣда; хорошо еще, что пора была рабочая, такъ въ деревнѣ окромя стариковъ и малыхъ ребятъ никого не оставалось. Изба моя была съ другова краю, пошелъ я къ ней, а у самого руки и ноги такъ и дрожатъ; смотрю, изба подновлена, нечета прежней, подхожу къ оконцу: окромя двухъ малыхъ ребятъ никого не видать. Вошелъ въ избу, помолился образамъ и сталъ этта я у малыхъ ребятъ выспрашивать: чьи они, да изба чья, да мать гдѣ? Вытаращали на меня ребята глазенки, смотрятъ,—не сморгнутъ, а слова не вымолвятъ, значитъ, малы были еще, не понимали. Сѣлъ этта я на лавку, да призадумался, поглядывая на малыхъ ребятъ, сталъ поджидать не подойдетъ ли кто... Прошло безъ малаго три часа; вдругъ вбѣгаетъ въ избу мальчишка, а за нимъ и дѣвочка, славная такая, ну, настоящій Настасьюшкинъ портретъ. Вскочилъ этта я съ лавки и къ нимъ, сталъ, какъ бѣшеный, обнимать и цаловать ихъ, а они отъ меня рвутся, визжатъ — не узнали, значитъ, отца своего родного, да и немудрено: мальчишкѣ, какъ я уѣхалъ, всего только два года было, а дѣвчоночкѣ и году еще не минуло—куды имъ отца своего помнить. Успокоилъ я дѣтокъ, сталъ говорить, что я отецъ имъ родной... гостинцевъ припасенныхъ досталъ, приласкалъ. Успокоились дѣтки, ко мнѣ ласкаться стали; началъ я ихъ выспрашивать о томъ, о семъ, а объ женѣ своей, Настасьюшкѣ, все боюсь слово вымолвить. „Кто эфти малыя ребята?“ спрашиваю. — Братцы наши, говоритъ сынъ.—„Ишь-ты,—братцы“, а у самаго такъ сердце и замерло... Подошелъ я къ нимъ и ихъ гостинцами угостилъ, приласкалъ: вѣдь тоже Настасьюшкины дѣтки

были, Богъ съ ними, чѣмъ они-то виноваты... Наконецъ не вытерпѣлъ и спросилъ у сынка: „А гдѣ Настасьюшка, матка ваша, гдѣ она“?... а самъ этта я такъ и замеръ, на сынка глаза вытаращилъ и отвѣта ждалъ... „Матушку на кладбище снесли, проговорилъ всхлипывая сынишко, мертвая, значитъ“... я такъ и грохнулся, точно обухомъ кто меня въ лобъ ударилъ. Не ждалъ я эфтого несчастья, не гадалъ, все-жъ думалъ Настасьюшку въ живыхъ застать, помириться и зажить по старому, анъ вышло не то, какъ-то лихорадочно говорилъ Архипычъ, да не то, не привелъ Богъ мнѣ ее мою ненаглядную увидѣть,—а я какъ любилъ, ей Богу любилъ,—добавилъ онъ дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались горькія слезы.

Слушатели грустно переглянулись; видно было, что Архипычъ возбуждалъ всеобщее участіе.

— Пришелъ этта я въ себя, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, и пожелалъ узнать послѣднія минуты Настасьюшкины, вспоминала ли обо мнѣ, покаялась ли?... На ту пору пришла въ избу Настасьюшкина сестра, которая приняла дѣтей послѣ ея смерти на свое попеченіе: добрая была она женщина, все мнѣ разсказала... И узналъ я, что Настасьюшка съ горя померла, обо мнѣ тоскуючи; узнала этта она, что измѣна ея меня загнала въ пьянство губительное, узнала она, что за все эфто меня казнили, да наказывали меня, ея мужа, котораго и она когда-то сильно любила, пожалѣла она меня, сердешная, опомнилась, ненаглядная, и въ тоску впала. Тосковала она, бѣдняжечка, годъ, тосковала и два, письма слезныя мнѣ писала; но я на ту пору въ заграницѣ былъ и вѣсточекъ ея дорогихъ не получалъ; а она, сердешная, еще больше убивалась, все думала, что я простить ее не хочу. Промаялась она такъ, еще годокъ и отдала Богу душу, завѣщавъ сестрѣ позаботиться о дѣткахъ и испросить мое прощеніе; слезно желала также она, чтобъ водки я больше

не пилъ. Узналъ я и отъ дѣтокъ, что матка ихъ постоянно имъ говорила обо мнѣ, говорила имъ, что и у нихъ есть батька, да служитъ онъ далече, на службѣ суровой - матрозской, узналъ я все досконально... И радостно было мнѣ, что Настаюшка покаялась, и горько было, что она, бѣдняжечка, меня не дождалась... Ходилъ я на могилку къ ней, потосковалъ, поплакалъ и тамъ же зарокъ далъ водки, зелья окаяннаго, съ той поры и въ ротъ не брать, и всякого друга и недруга, отъ нея отговаривать... Вотъ до чего доводитъ водка, братцы, не пейте ее, право-слово, еще много людей на своемъ вѣку она загубитъ... Оставилъ я деревню, оставилъ дѣтокъ всѣхъ на рукахъ доброй женщины, а самъ въ экипажъ вернулся и сталъ въ „безвѣстную" проситься, чтобы горе злое сколько нибудь размыкать...

Архипычъ замолчалъ и грустно понурилъ голову.

— Вотъ послѣ похода ужъ совсѣмъ въ деревню пойдешь, срокъ тебѣ выйдетъ, съ участіемъ проговорилъ одинъ изъ слушателей.

— Дѣтушекъ своихъ опять увидишь, ласково добавилъ другой.

— Ахъ братцы, отвѣтилъ Архипычъ, безнадежно махнувъ рукою, до деревни-то еще подохнуть успѣешь!...

— Не дай, Господи, угрюмо промолвилъ, стоящій у борта Храмцовъ, въ деревню больно хочется идтить...

До самаго разсвѣта шли невеселые матросскіе разговоры; кто вспоминалъ о деревнѣ, кто объ оставленныхъ тамъ родныхъ и близкихъ сердцу, а кто даже о покинутой кудластой Жучкѣ или безхвостомъ Шарикѣ, вѣрныхъ псахъ деревенскихъ... Ночь вообще, да еще скверная, бурная, постоянно наталкиваетъ матросовъ на подобные разговоры, которые, можно сказать, сообразуются у нихъ съ погодою: хороша она—разговоры идутъ самые пріятные, худая—непремѣнно ужъ заведутъ они о чемъ нибудь жалостливомъ и тяже-

ломъ. При этомъ матросики откровенничаютъ другъ передъ другомъ на распашку, не стараются скрыть самыхъ сердечныхъ своихъ мыслей, самыхъ важныхъ семейныхъ тайнъ, выскажутъ другъ другу все, что лежитъ у кого на душѣ, и при этомъ нужно сознаться, что несчастный или обиженный судьбою всегда найдетъ участіе въ своихъ товарищахъ, потому что все, что онъ ни разскажетъ, ложится прямо въ ихъ душу, затрогиваетъ самыя сердечныя ихъ стороны. Каждый радъ, далеко отъ родины, послушать что нибудь родное, а надъ роднымъ кто осмѣлится смѣяться, кто осмѣлится не принять въ немъ участія, когда одинъ Богъ знаетъ, увидятъ ли они опять все то, что вспоминается у нихъ въ веселыхъ или невеселыхъ разсказахъ. Если и явится среди нихъ такой нравственный уродъ, который когда нибудь только подумаетъ потѣшиться надъ своею родиною и роднымъ, то всѣ товарищи оплюютъ его, осмѣютъ, изругаютъ на всякія манеры и уже никогда не вступятъ съ нимъ ни въ какіе разговоры; такимъ образомъ подобный негодяй будетъ отчужденъ своими же товарищами, смирится и закается въ другой разъ обидѣть ихъ чѣмъ нибудь подобнымъ.

И дѣйствительно, далеко отъ родины все въ ней кажется въ радужномъ видѣ, точно она вся обклеена новыми сторублевыми кредитками; даже худое и злое принимаетъ подъ такимъ одѣяніемъ пріятный и добрый видъ... Словомъ, пріятно всѣмъ жить воспоминаніемъ, потому что оно значительно облегчаетъ тяжелую разлуку!..

Дни шли за днями; корветъ, подгоняемый свѣжимъ попутнымъ пассатомъ, несся какъ лебедь, широко распустивъ свои бѣлыя крылья; погода стояла все время прекрасная, при постоянно ясномъ небѣ, дни были пріятно освѣжающіе и веселые!.. Тропическую погоду въ морѣ нельзя сравнивать съ такою же на сушѣ: дѣйствіе высокостоящаго тропическаго солнца, ничѣмъ не ослабляемые лучи котораго разливаютъ надъ зем-

лею невыносимый, удушливый жаръ, значительно ослабляются въ морѣ свѣжестью пассата, прохладнымъ вліяніемъ воды и холодомъ испареній. Вообще плаваніе въ предѣлахъ пассатовъ ни съ чѣмъ несравнимо; сѣверо-восточный вѣтеръ съ удивительнымъ постоянствомъ несетъ судно до самой штилевой полосы; случается, что, разъ установивъ паруса, не приходится шевельнуть брасомъ во все время плаванія въ предѣлахъ пассатовъ; небо постоянно ясно, воздухъ чистъ, океанъ спокойно катитъ свои правильныя, убаюкивающія волны. Испанцы прозвали эту часть Атлантическаго океана „Дамскимъ моремъ“ (el Golfo de las Dames), подразумѣвая, что здѣсь даже дамская ручка можетъ управлять кораблемъ.

Прибавьте къ этому тѣ нескончаемыя удовольствія, которыя доставлялъ намъ океанъ, и вы будете имѣть только нѣкоторое понятіе о плаваніи въ тропическихъ водахъ. Океанъ представляетъ величайшее богатство, великолѣпіе и самое большое разнообразіе жизни, и эта жизнь вполнѣ заслуживаетъ всеобщаго участія и вниманія. Океанъ привлекаетъ къ себѣ всеобщіе взоры не только богатствомъ формъ, блескомъ цвѣтовъ, странностью и разнообразіемъ наружности, но также законами, силою и явленіями, которые обнаруживаются въ такомъ разнообразномъ видѣ, что, кажется, не хватитъ у человѣка жизни изучить и объяснить ихъ. Какое видишь въ океанѣ на каждомъ шагу разнообразіе въ величинѣ и характерахъ формъ! Тутъ едва замѣтное микроскопическое растеніе, служащее пищею мелкимъ раковинамъ; рядомъ громадныя водоросли, достигающія иногда до тридцати сажень въ длину, и роскошные лѣса, сооруженные микроскопическими полипами; здѣсь замѣтная только черезъ сильно увеличивающій микроскопъ—инфузорія, тамъ исполинскій китъ; здѣсь царствуетъ кротость, доброта, нѣжность, изящество, умѣренность, красота и любовь, тамъ—кровожадность, свирѣпость, прожорливость гру-

бость, уродство... Словомъ, океанъ представляетъ дѣятельному изслѣдователю столько разнообразныхъ сторонъ, возбуждаетъ въ немъ тысячи идей и даритъ такое неисчерпаемое богатство самыхъ трудныхъ задачъ, касающихся естествознанія, что онъ не можетъ обнять всего, не можетъ всего изучить и долженъ ограничиться только частью, оставляя остальное на долю другимъ, не менѣе дѣятельнымъ изслѣдователямъ.

Гумбольдтъ говоритъ, что „море представляетъ роскошь и полноту жизни, о которой никакая другая часть земли не можетъ дать ни малѣйшаго понятія". Выраженіе Франклина еще лучше; онъ пишетъ, что „въ морѣ жизнь распространяется къ сѣверу, югу, востоку и западу; моря населены повсюду: въ глубинѣ бездны или на поверхности его трудятся и борятся существа: повсюду естествоиспытатель находитъ предметы для обогащенія своихъ знаній, а философъ—побужденіе къ размышленіямъ". И дѣйствительно стоитъ только самому увидѣть море, полюбоваться его жизнью, видѣть множество самыхъ разнообразныхъ и странныхъ животныхъ, густую чащу морскихъ растеній, поверхность которыхъ покрыта разными раковинами и полипами, среди которыхъ извиваются милліоны самыхъ удивительныхъ мелкихъ рыбъ, моллюсокъ, червей и другихъ животныхъ, чтобы имѣть хоть какое нибудь понятіе о полнотѣ и богатствѣ жизни въ морѣ. Дарвинъ справедливо замѣчаетъ; что „лѣса морей оживлены несравненно больше, чѣмъ лѣса материковъ. Какъ ничтожны стаи мошекъ и тучи саранчи въ сравненіи съ стадами какихъ нибудь моллюсокъ, покрывающихъ огромное пространство океана; уже доказано, что море безусловно и относительно богаче видами и числомъ животныхъ, нежели суша". „Вѣрно то общее мнѣніе, говоритъ Плиній въ своей естественной исторіи, что все, возникающее въ какой либо части природы, имѣетъ представителей въ морѣ; но, кромѣ того, въ немъ есть еще многое, чего на землѣ нигдѣ не встрѣчается".

„При сравненіи съ землею, говоритъ Шлейденъ, море кажется міромъ плодородія, а земля міромъ безплодія. Море освѣжаетъ подкрѣпляетъ и своею полносочностью и силою заставляетъ процвѣтать своихъ дѣтищъ и привязываетъ къ себѣ почитателей. Земля же съ знойнымъ, неумѣряемымъ жаромъ солнца, недостаткомъ воды и пылью изсушаетъ: бѣдные воспитанники суши смиренно и покорно становятся трусливыми травоядными. Море же знаетъ почти однихъ отважныхъ, сильныхъ мясоядныхъ, полныхъ подвижности и силы. Слонъ, величайшее животное земли, съ трудомъ влачитъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль свое существованіе, посвящаемое одной ѣдѣ, между тѣмъ какъ китъ, исполинъ моря, отступаетъ только отъ ослабляющаго жара тропическихъ водъ, проплываетъ тысячи миль и послѣ удовлетворенія голода, весело играетъ на поверхности океана. Насѣкомыя на землѣ, большею частью, рабы какого нибудь одного растенія, которымъ и питаются, между тѣмъ какъ инфузоріи, моллюски и насѣкомыя моря распространяются веселыми толпами на сотняхъ квадратныхъ миль. Единственный и даже дерзкій и безстрашный рыцарь суши есть тигрѣ; въ морѣ же существуетъ большое семейство акулъ съ такою же силою, подвижностью, отвагою, и безпощадностью“.

Суша пріучаетъ своихъ обитателей къ лѣни и нѣгѣ, между тѣмъ какъ море возбуждаетъ въ своихъ дѣтищахъ жизнь и энергію. При видѣ безбрежнаго океана и украшеннаго блестящими, роскошными созвѣздіями небосклона, невольно тѣснится въ душу идея о безконечности, невольно является мысль о томъ Высшемъ Существѣ, создавшемъ міръ и все существующее въ немъ, чувствуется присутствіе Великаго Творца во всякомъ атомѣ окружающаго воздуха, въ каждой каплѣ, бьющей въ бортъ судна волнѣ, въ едва мерцающей звѣздѣ, въ каждой планетѣ, испускающей ровный спокойный свѣтъ... Невольно чувствуешь, въ душу и сердце

проникающее благоговѣніе къ Премудрому Творцу, къ дивнымъ дѣламъ его, къ созданной имъ гармоніи всемірной жизни и движенія...

Особенно забавляли насъ во время плаванія до экватора, жгуны, плавающіе всегда обществами и весело играющіе въ ясную погоду на самой поверхности океана; въ видѣ изящныхъ колокольчиковъ, грибовъ и шаровъ, или прозрачныхъ, едва замѣтныхъ въ водѣ, или же молочно-бѣлыхъ со всѣми оттѣнками краснаго, желтаго, зеленаго и синяго цвѣтовъ,—эти прелестныя, граціозныя существа доставляли намъ нескончаемыя удовольствія. Съ какою легкостью и граціею плавали они, едва касаясь до поверхности воды! Съ какимъ удивительнымъ кокетствомъ производили они въ тактъ съ своимъ движеніемъ легкія, неслышимыя, колебанія колоколовъ, грибовъ и шаровъ! Какъ шаловливо выпячивались они изъ родной стихіи, едва касаясь до поверхности воды, какъ легко и кокетливо скользили по синимъ волнамъ океана, съ какою граціею колебали они въ воздухѣ своими разноцвѣтными щупальцами, какъ бы чего-то ища и не находя, какъ бы желая схватить какой-то невидимый для нихъ предметъ—и безъ успѣха! Одинъ жгунъ тѣснится къ другому и массою уже плывутъ въ опредѣленномъ направленіи. Съ какою невыразимою прелестью сплетаются они при этомъ другъ съ другомъ своими нѣжными щупальцами; у нихъ въ это время происходитъ какъ бы какая-то борьба, но борьба самая граціозная, прелестная! Кажется, что эти милыя существа задали себѣ задачу показать восхищеннымъ зрителямъ въ этой борьбѣ всю свою удивительную грацію, всю роскошь движеній!... Долго любовались мы этими нѣжными существами, какъ вдругъ произошло между ними что-то особенное, какъ будто чего-то они испугались и замерли въ ожиданіи невидимой опасности: игры ихъ и граціозныя движенія прекратились, и они представили на мгновеніе чудную живую картину, поражающую необыкновенно эффект-

нымъ сочетаніемъ разнообразныхъ, самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ... Но, вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла или по безмолвному приказанію главы всего общества, моментально закрылись всѣ колокола, грибы и шары, опрокинулись и скрылись въ нѣдрахъ океана, только для того, чтобы черезъ нѣсколько времени снова появиться на его поверхности, снова начать свои прелестныя игры, снова прельщать восхищенныхъ зрителей своею граціею, нѣжностью и дивною красотою...

Сколько усилій употреблено было нами, чтобы поймать хоть одно изъ этихъ прелестныхъ животныхъ; закидывали особо устроенными своими средствами сѣтки, старались ловить ихъ парусинными ведрами—напрасно. Жгуны, состоя изъ студенистаго вещества, нѣжные и мягкіе, легко портились даже при самомъ осторожномъ ловѣ; удавалось намъ, впрочемъ, вытаскивать иногда какой нибудь субъектъ, но ужъ непремѣнно безъ какого нибудь украшенія, оставляемаго, по неосторожности въ морѣ. Тѣло этихъ животныхъ имѣетъ до того мало плотности, что, поднятыя изъ воды рукою, проскальзывали между пальцами, почти какъ жидкость; поэтому не удивительно, что поймать ихъ въ цѣлости рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Удивительно только, какъ эти нѣжныя воздушныя существа сопротивляются ударамъ и движеніямъ волнъ и теченій, которыя не производятъ въ нихъ ни малѣйшаго измѣненія: волны раскачиваютъ ихъ безъ всякаго для нихъ вреда.

Кромѣ жгуновъ, случалось намъ любоваться великолѣпными пузырниками, около самаго борта корвета; они состоятъ изъ довольно большого плавающаго пузыря блестящаго пурпуроваго цвѣта, съ синеватою вершиною, состоящею изъ складчатыхъ брыжжей. Многочисленныя хватальца этого красиваго животнаго имѣютъ свѣтло-красный свѣтъ, перемѣшанный съ темными пурпуровыми пятнами; между этими хватальцами движутся свѣтлосинія нити, у основанія которыхъ находятся органы размноженія. Однако съ

прекрасными этими животными дѣло имѣть чрезвычайно опасно и они весьма тягостны и не рѣдко даже гибельны для купающихся, потому что имѣютъ страшное оружіе крапивный органъ, состоящій изъ мелкихъ круглыхъ или продолговатыхъ гнѣздышекъ, разсѣянныхъ на поверхности щупальцевъ, — такъ называемые, крапивные узлы. Въ гнѣздышкахъ лежатъ, спирально или комкомъ, чрезвычайно нѣжныя нити, усаженныя остріями. При прикосновеніи къ животному, гнѣзда на щупальцахъ раскрываются, изъ нихъ моментально выступаютъ спрятанныя нити и вонзаются въ прикасающееся тѣло, причемъ испытывается страшная боль, несравненно невыносимѣе, чѣмъ послѣ сильнаго ожога крапивы. По жгучести своей животныя эти носятъ названіе акалефъ или морскихъ крапивъ.

Крапивные органы пузырниковъ служатъ не только для обороны, но и для захвата добычи; щупальца этихъ животныхъ чрезвычайно подвижны; сокращаясь, они могутъ обратиться въ небольшія слизистыя бородавки, а когда вытягиваются, то образуютъ иногда нити въ сажень длиною. Добыча, схваченная такимъ органомъ, не можетъ уже вырваться отъ пузырника, а если и вырывается, то съ величайшимъ трудомъ и послѣ страшныхъ, сверхъ-естественныхъ усилій, потому что органъ этотъ парализируетъ жертву и лишаетъ ее силъ.

Какъ опасенъ, и ужасенъ этотъ крапивный органъ пузырника, можетъ доказать слѣдующій несчастный случай, происшедшій на глазахъ Мейена, во время его перваго кругосвѣтнаго путешествія.

„Однажды, разсказываетъ этотъ ученый естествоиспытатель, около корабля „Принцесса Луиза“ показался великолѣпный пузырникъ; самые лучшіе цвѣта служили украшеніемъ этого дивнаго животнаго. Пузырь и брыжжи его, наполненные воздухомъ, имѣли перламутровый блескъ, къ которому гармонически присоединились фіолетовый, пурпуровый и темносиній оттѣнки, безчисленныя щупальца, свѣшивающіяся отъ основанія

пузыря подобно волосамъ Горгоны, пышнаго голубого и фіолетоваго свѣта, достигали почти трехъ футовъ длины. Желая во чтобы то ни стало добыть это прелестное животное, я вызвалъ охотника поймать его. Вышелъ молодой, здоровый и отважный матросъ и, черезъ нѣсколько минутъ голый смѣло бросился съ борта въ море и ловко началъ подплывать къ пузырнику; но только что онъ прикоснулся къ животному, какъ былъ обхваченъ множествомъ длинныхъ щупальцевъ, произведшихъ въ моемъ молодомъ и смѣломъ матросѣ неожиданное превращеніе: лицо его исказилось, повидимому, отъ ужасныхъ страданій, судороги свели его ноги и руки, и онъ, громко взывая къ намъ о помощи, съ трудомъ подплылъ къ кораблю, на который и былъ вытащенъ вмѣстѣ съ обхватившемъ его пузырникомъ. Тотчасъ же оторвали животное и оскоблили кожу, причемъ пришлось молодому человѣку перенести страшную боль; черезъ нѣсколько времени развилось у него жестокое воспаленіе и сильная нервная горячка, такъ что жизнь его долгое время находилась въ опасности".

Изъ этого краткаго очерка видно, какъ опасно имѣть дѣло съ этими прекрасными на видъ животными, скрывающими въ себѣ страшное для всѣхъ оружіе.

Пузырникъ не представляетъ какое нибудь самостоятельное животное, но состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ особей, соединенныхъ вмѣстѣ и образующихъ родъ общины или государства; каждая особь имѣетъ особое положеніе и особенную дѣятельность. Общую связь образуетъ нѣсколько красноватая трубка, сверху совершенно прямая, а внизу змѣевидно извилистая. На самомъ концѣ этой трубки находится раздутая особь— воздушный пузырь, поддерживающій все животное на поверхности воды; затѣмъ слѣдуетъ красивый рядъ плавательныхъ пузырьковъ, имѣющихъ назначеніе удерживать трубку обращенною вершиною кверху и, кромѣ того, обусловливающихъ движеніе всей колоніи, при

чемъ особи эти то раскрываются, то захлопываются. Нерѣдко онѣ отдѣляются отъ общаго стебля, нѣсколько дней плаваютъ очень быстро и затѣмъ умираютъ, не развиваясь далѣе. Такимъ образомъ однимъ членамъ этого общества предназначается приводить все пловучее государство въ движеніе; на долю другихъ достается забота о воспринятіи и обработкѣ пищи [1]), чтобы поддерживать полученнымъ веществомъ всю колонію. Это сословіе кормителей охраняется другими особями, которыя подготовляютъ для всякаго гражданина этого маленькаго государства кровъ и домъ, и потому представляютъ касту ремесленниковъ. Четвертая каста особей, помѣщающихся между питающими существами попарно и состоящихъ изъ нѣжныхъ, чувствительныхъ существъ (щупальщики). Кромѣ того, есть въ этомъ миніатюрномъ государствѣ особи, принадлежащія къ кастѣ воиновъ, помѣщающіяся около каждаго питающаго полипа и состоящія изъ вышеупомянутыхъ уже хватальцевъ, усаженныхъ красными крапивными органами. Всѣ особи, составляющія колонію и состоящія изъ вышеупомянутыхъ кастъ, не имѣютъ, за исключеніемъ питающихъ особей, никакого значенія, какъ скоро онѣ отдѣлены отъ общей массы. Изъ этого видно, что всѣ особи находятся другъ отъ друга въ совершенной зависимости и не могутъ вести самостоятельной жизни.

Жгуны и пузырники принадлежатъ къ большему классу медузъ, о которыхъ даетъ хорошее понятіе извѣстный французскій ученый Альфредъ Фредолль, въ своемъ сочиненіи „Морской Міръ“.

„Медузы, говоритъ онъ, похожи на шапочки, зонтики или, вѣрнѣе сказать, на изящные и нѣжные грибы, у которыхъ стебелекъ замѣняется тонкимъ центральнымъ тѣломъ, глубоко раздѣленнымъ на извѣстныя и покрытыя бахромою, „лопасти“.

---

[1]) Такъ называемые питающіе полипы.

Края зонтиковъ бываютъ ровные и зубчатые, иногда съ разрѣзами, часто съ рѣсничками или же наконецъ снабженные длинными нитеобразными придатками, вертикально спускающимися въ воду. Животныя эти бываютъ или совершенно безцвѣтны и притомъ прозрачны, какъ кристаллъ, или нѣжно-голубаго или блѣдно-розоваго цвѣта, или же наконецъ матоваго блеска. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются самыми яркими цвѣтами, самыми блестящими оттѣнками. Медузы — животныя безъ консистенціи и сильно пропитаны водою; удивительно и почти непонятно, какимъ образомъ нѣжная, тонкая ткань ихъ можетъ сопротивляться ударамъ волнъ и силѣ теченій; волны качаютъ ихъ, не нанося имъ вреда, буря разсѣеваетъ, не умерщвляя ихъ; но за то вынутыя изъ воды и оставленныя на берегу, онѣ постепенно растаиваютъ, разлагаются и превращаются почти въ ничто. Особенно сильно и быстро ихъ разложеніе при солнечномъ жарѣ, и послѣ этихъ прелестныхъ и милыхъ (въ водѣ) животныхъ остается только небольшое пятно, какъ бы то мѣсто, гдѣ лежало животное, вымазано было клеемъ.

Въ 1819 году, на бомбейскомъ берегу, Тельферъ видѣлъ гигантскую медузу, вѣсившую, будто бы, нѣсколько тоннъ (тоннъ=60 пудамъ); черезъ три дня животное начало разлагаться и постепенно таять. Тельферъ поручилъ сосѣднимъ рыбакамъ слѣдить за этимъ разложеніемъ, чтобы собрать кости и хрящи этого животнаго, если только они у него есть; но медуза, къ его удивленію, черезъ девять мѣсяцевъ разстаяла совершенно вся, не оставивъ послѣ себя рѣшительно ничего.

Впрочемъ медузы французскихъ береговъ далеко не имѣютъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ и многія изъ нихъ могутъ даже назваться очень маленькими животными. Самая нѣжная изъ нихъ Turris neglesta, имѣющая форму колокольчика, пересѣченнаго четырьмя поперечными полосами и со столькимъ же числомъ бѣлыхъ придатковъ, расположенныхъ въ видѣ креста;

Turris neglesta имѣетъ прелестный розовый цвѣтъ, между тѣмъ какъ края самого колокольчика украшены чудною бѣлоснѣжною бахромою.

Медузы всегда соединяются въ значительныя общества, покрывая при этомъ океанъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что даже совершенно измѣняютъ цвѣтъ воды на значительномъ пространствѣ [1]).

Натуралисты долгое время презирали медузъ, считая ихъ за массы студня или за студенистую воду; они не знали, что это настоящія животныя, и только со времени Констана Дюмериля, которому первому пришло въ голову вспрыснуть молоко въ ихъ полости, причемъ оно распространилось по многочисленнымъ и чрезвычайно правильнымъ каналамъ, начали причислять ихъ къ животнымъ. Вскорѣ открыты были у нихъ органы пищеваренія и кровообращенія, а въ настоящее время наука открыла уже всѣ тайны ихъ внутренняго строенія.

Какъ бы то ни было, но живая студень, о которой мы говоримъ, всегда останется только очеркомъ жизни и, какъ совершенно справедливо выражаются нѣкоторые ученые, растаетъ мильоны разъ прежде, чѣмъ природа выработаетъ изъ ея вещества какую либо часть прочно построеннаго животнаго.

Медузы питаются мелкими морскими животными, преимущественно червями и моллюсками; ротъ ихъ находится посрединѣ центральнаго тѣла; но у нѣкоторыхъ субъектовъ бываетъ по два и даже болѣе рта. Эти странныя животныя очень прожорливы и глотаютъ добычу не жуя, даже цѣликомъ. Если добыча оказываетъ сопротивленіе, то медуза ждетъ, пока ея несчастная

---

[1]) Одинъ опытный морякъ, капитанъ, говоритъ Мори въ своемъ сочиненіи «Море въ своихъ физическихъ явленіяхъ, разсказывалъ, что разъ въ Гольфстромѣ, у береговъ Флориды, онъ попалъ въ толпу молодыхъ медузъ, покрывающихъ все видимое пространство. Капитанъ шелъ въ Англію и плылъ между ними пять или шесть дней. Спустя два мѣсяца, на возвратномъ пути, онъ встрѣтилъ почти такую же массу медузъ у западныхъ острововъ, и опять плылъ среди ихъ отъ трехъ до четырехъ дней.

жертва выбьется изъ силъ. Случается, что медуза не выпускаетъ схваченное животное даже и въ томъ случаѣ, если оно своими энергичными усиліями освободится отъ ея прожорливости, совершенно выворачиваетъ ея желудокъ наизнанку. Тѣло медузъ попеременно то сокращается, то расширяется, и это движеніе служитъ однимъ изъ главныхъ элементовъ ихъ поступательнаго движенія; его замѣтили уже древніе и сравнивали съ движеніемъ человѣческой груди во время дыханія, назвавъ вслѣдствіе этого медузъ — морскими легкими. Плавая, медузы направляютъ выпуклую сторону впередъ, и если во время ихъ прогулокъ по поверхности моря слегка прикоснуться къ нимъ, то онѣ свертываютъ свои щупальца, сокращаютъ грибокъ и скрываются въ нѣдрахъ океана.

При тщательномъ изслѣдованіи крайнихъ частей медузы, открыты были у нѣкоторыхъ видовъ зрительные и даже слуховые органы; Келликеръ доказалъ существованіе первыхъ у океаніи, а Гагенбауеръ нашелъ ихъ у корненожекъ и пелагій, причемъ замѣтилъ также у нихъ присутствіе слуховыхъ органовъ. Глаза, по ихъ описанію, состоятъ изъ маленькихъ, окрашенныхъ массъ, заключающихъ въ себѣ, скрытые до половины, крошечные шарики, между тѣмъ какъ другая половина ихъ совершенно обнажена; рядомъ съ этими органами Гегенбауеръ нашелъ и слуховые, состоящіе изъ миніатюрныхъ пузырьковъ, наполненные какою-то, еще неизвѣстною и неизслѣдованною, жидкостью.

Вообще все въ этихъ странныхъ животныхъ—чудесно; но размноженіе ихъ, вполнѣ изслѣдованное въ наше время, чудеснѣе всего. Оно совершается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ извѣстное время года на тѣлѣ медузъ появляются чрезвычайно крошечныя яички, самыхъ яркихъ и блестящихъ цвѣтовъ и висящія фестонами; развивающіяся изъ нихъ личинки нисколько не походятъ на свою мать: онѣ длинны, червеобразны и нѣсколько расширены на концахъ—точно микроско-

пическія піявки. Едва замѣтныя мерцательныя рѣснички двигающіяся чрезвычайно быстро, придаютъ этимъ миніатюрнымъ животнымъ эфектный видъ. По прошествіи опредѣленнаго времени, личинки эти превращаются въ полиповъ съ восемью щупальцами.

Это, такъ сказать, подготовительное животное обладаетъ способностью размножаться туберкулами или почками, появляющимися на поверхности его тѣла, а также посредствомъ особыхъ нитей.

Такимъ образомъ одна особь можетъ сдѣлаться родоначальникомъ многочисленнаго семейства. Полипъ этотъ подвергается самымъ замѣчательнымъ преобразованіямъ; строеніе его усложняется, тѣло становится членистымъ и какъ бы состоящимъ изъ дюжины кружковъ, лежащихъ одинъ на другомъ, подобно кружкамъ въ Больтовомъ столбѣ.

Верхній кружокъ, имѣющій выпуклую форму, послѣ конвульсивныхъ усилій отдѣляется отъ всей колоніи и становится свободнымъ; онъ состоитъ изъ чрезвычайно маленькой медузы, похожей на звѣздочку. Послѣ верхняго кружка начинаютъ отдѣляться другъ за другомъ и другіе кружки или особи.

Среднихъ особей, производящихъ индивидумовъ съ поломъ, называютъ, хотя и не очень удачно, кормилицами. Эти послѣдовательныя преобразованія одного и того же животнаго кажутся, съ перваго взгляда, очень необыкновенными; но между тѣмъ вокругъ насъ ежедневно совершаются подобныя же явленія, на которыя мы впрочемъ не обращаемъ ни малѣйшаго вниманія и то только, вѣроятно, потому, что они очень обыкновенны и мы къ нимъ привыкли. Такъ напримѣръ, красивыя и изящныя бабочки кладутъ неподвижныя круглыя яички, изъ которыхъ развиваются едва ползающія гусеницы, которыя, въ свою очередь, превращаются въ яйцевидную мумію-хризалиду, осужденную на летаргическій сонъ. И только хризалида уже превращается въ нарядную роскошную бабочку. Если бы эти насѣкомыя были

чрезвычайно рѣдки и жили въ нѣдрахъ океана, то сколько бы времени прошло, прежде чѣмъ узнали бы что яйцо, гусеница, хризалида и бабочка—одно и тоже животное! Если бы это насѣкомое имѣло менѣе сложную организацію, то могло бы случиться и то, что его личинка или хризалида, а можетъ быть и самое яйцо, могли бы размножаться посредствомъ почекъ или дѣленій, и мы имѣли бы тогда на глазахъ совершенно тѣ же явленія, какія видимъ въ превращеніи медузы.

Въ бабочкахъ особенно замѣчательна эта поочередность явной и скрытой жизни: яйцо неподвижно, личинка ползаетъ, хризалида въ летаргическомъ снѣ, а бабочка летаетъ, словомъ, каждому движенію предшествуетъ покой и безчувственность...

Шесть дней несся корветъ, подгоняемый попутнымъ пассатомъ; плаваніе было спокойное, веселое, разнообразное; на седьмой же день (4 марта), находясь въ широтѣ 0°36′ N, пассатъ совершенно стихъ и корветъ остановился, плавно покачиваясь на оставшейся зыби. Положеніе настало самое непріятное и невеселое; погода мгновенно измѣнилась; изъ освѣжающей она сдѣлалась удушливою, знойною, постоянно ясное небо стало уже изрѣдка покрываться густыми, грозящими облаками, со всѣхъ сторонъ начали налетать сильные шквалы, сопровождаемые ливнемъ и грозою. Послѣ шкваловъ наступала могильная тишина; жгучее, почти раскаленное, солнце дѣлало общее положеніе еще несноснѣе: нельзя было показаться на верхней палубѣ, нельзя было сидѣть и внизу: вездѣ была какая-то удушливая, давящая атмосфера... Кругомъ море, которому и конца нѣтъ, море безпредѣльное, утомленное, грустное, мучащее взоры своимъ мертвымъ однообразіемъ; хочешь прогуляться по палубѣ—нѣтъ физической возможности: ноги льнутъ къ растопленной смолѣ, вышедшей изъ пазовъ [1]) и капающей изъ такелажа, а сверху бьютъ

[1]) Пазами называются долевыя щели между соприкасающимися досками палубы. Пазы прежде всего законопачиваются, а потомъ заливаются растопленной смолой.

въ голову отвѣсные лучи экваторіальнаго солнца; хочешь уйти въ палубу, но и тамъ не находишь себѣ уютнаго уголка: кругомъ все пышетъ жаромъ... Всѣми овладѣло непобѣдимое изнеможеніе, у всѣхъ явилась какая-то сонливая вялость; пытались было нѣкоторые освѣжиться купаньемъ или окачиваньемъ, но ничего не помогало: вода была разгорячена чуть ли ни также, какъ и сама атмосфера...

Вообще наступило самое несносное, непріятное время; даже море уже не дарило насъ тѣмъ разнообразіемъ, которое встрѣчали мы въ тропическихъ водахъ. Океанъ въ штиль, особенно близь экватора, чрезвычайно однообразенъ, печаленъ и какъ-то спокоенъ; но въ этомъ спокойствіи чувствуется что-то ужасное, чувствуется измѣна, ни одна морщинка не рябитъ его гладкую зеркальную поверхность, а между тѣмъ онъ замышляетъ про себя что то недоброе, не хорошее. О, это наружное грозное спокойствіе всегда пугаетъ моряка, потому что онъ знаетъ, что окружающая тишина не предвѣщаетъ ничего хорошаго, скрываетъ въ себѣ страшныя бури и шквалы. Морякъ чувствуетъ измѣну и мужественно, смѣло готовится ее встрѣтить... Вотъ показался вдали и тотчасъ же исчезъ великанъ альбатросъ, предвѣстникъ худаго; вахтенный начальникъ подозрительно посматриваетъ на спокойный повидимому горизонтъ и посылаетъ доложить о своихъ подозрѣніяхъ капитану и старшему офицеру. Быстро выбѣжали они на верхъ и безпокойно оглядываютъ море и небо; они угадываютъ, что скоро нѣмая угроза океана обратится въ наказаніе, тишина и спокойствіе въ страшный хаосъ... Они ждутъ чего-то и готовятся къ борьбѣ со стихіями; вдали показалось облачко, быстро разрастается оно, быстро обхватываетъ все видимое пространство, затемняетъ солнце, и разражается страшнымъ шкваломъ: быстрѣе молніи летитъ вѣтеръ, бѣшено рветъ паруса, гнетъ мачты, свирѣпо хлопаетъ снастями; быстро забарабанили по палубѣ крупныя капли дождя, но вотъ онѣ чаще запрыгали по

корвету и наконецъ хлынули бѣшеннымъ потокомъ... Океанъ закипѣлъ, яростныя волны съ зловѣщимъ шумомъ бьютъ въ бортъ корвета, который послушно пригнулся подъ свирѣпымъ шкваломъ, и терпѣливо выноситъ страшные удары расходившихся, съ бѣлесоватыми вершинами валовъ... Стонетъ вѣтеръ и все ниже, ниже кладетъ послушное судно; но на немъ не дремлятъ: раздается спокойная, но громкая команда, ясно слышная среди рева шквала; отданы марсафалы, фокъ и гротъ взяты на гитовы и гордо, спокойно вздымается корветъ на разъярившіяся волны, какъ бы надсмѣхаясь надъ безполезными усиліями разбушевавшейся стихіи... Прошло нѣсколько минутъ и шквалъ пролетѣлъ, дальше неся бѣшенные потоки дождя, вздымая яростныя волны...

Я далъ вамъ описаніе нѣсколькихъ минутъ жизни и дѣятельности, наступившихъ послѣ многихъ часовъ, проведенныхъ въ какой-то дремотѣ, когда окружающая тишина точно приковала корветъ къ одному мѣсту...

Шкваловыя тучи чрезвычайно прихотливы и разнообразны: одна покрываетъ все небо и затмѣваетъ солнце; другая несется въ видѣ какого-то клубящагося одинокаго острова, плывущаго по безконечному пространству; одна разражается бѣшеннымъ ливнемъ на огромномъ пространствѣ; другая занята какимъ нибудь опредѣленнымъ и при томъ небольшимъ мѣстомъ. Случалось, что ливень барабанилъ на юту, между тѣмъ какъ шканцы коробились отъ знойнаго пылающаго солнца, случалось и то, что прихотливая тучка занималась только правою стороною корвета, какъ будто ей до лѣвой нѣтъ никакого дѣла...

Таковъ ужъ переходъ черезъ штилевую полосу!... Счастье наше, что мы пробыли въ такомъ скверномъ положеніи весьма не долго, благодаря тому, что сѣверо-восточный пассатъ довелъ насъ чуть ли не до экватора и позволилъ намъ, при его помощи, пройти большую часть такъ называемой „штилевой полосы“ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ.

Этотъ узкій поясъ постоянныхъ шкваловъ и штилей считается моряками самою непріятною мѣстностью Атлантическаго океана, особенно для парусныхъ судовъ, которыя ничѣмъ не могутъ во время штилей помочь своему горю; между тѣмъ какъ паровое судно нисколько этимъ не конфузится, убираетъ безцѣльно хлопающіе паруса, разводитъ пары и идетъ себѣ дальше, какъ бы ни въ чемъ не бывало, оставляя далеко позади себя всѣ парусные суда, безнадежно колыхающіяся на гладкой, какъ зеркало, поверхности океана. Въ этой экваторіальной области, затишья подготовляются бури для всей земли; здѣсь, гдѣ, подъ вліяніемъ отвѣстныхъ лучей раскаленнаго солнца, воздухъ безпрерывно течетъ кверху, нельзя себѣ представить образованіе вѣтра, по крайней мѣрѣ въ опредѣленномъ направленіи.

При испареніи соленой воды, паръ заключаетъ въ себѣ много положительнаго, а вода, напротивъ, много отрицательнаго электричества, вслѣдствіе чего и происходитъ сильное его напряженіе въ полосѣ штилей, которое разряжается замѣчательными грозами, неслыханными въ остальной части свѣта. Пассаты, насыщенные водяными парами, жадно поглощаемыми ими во все время пути отъ поворотныхъ круговъ, подойдя къ экваторьяльной области затишья, нагрѣваются высоко стоящимъ солнцемъ, расширяются и подымаются здѣсь въ верхніе слои воздуха, гдѣ, охлажденные болѣе низкою температурою, принуждены бываютъ отдать часть своей влажности Такимъ образомъ, образуется сначала густое облако; вертикальное воздушное теченіе, поднимающееся надъ полосою штилей, уноситъ его все выше и выше, отчего оно все больше и больше сгущается и наконецъ падаетъ въ видѣ дождя. Такъ какъ всѣ слои воздуха, начиная отъ дождевой тучи и кончая поверхностью океана, насыщены парами, то падающія капли, пронизывая всѣ эти слои атмосферы, постоянно увеличиваются, и, соединяясь наконецъ въ толстыя водяныя нити, образуютъ ливень, поражающій новичка массою падающей

воды и сопровождаемый, обыкновенно, сильными, электрическими разряженіями. Послѣ такой непогоды, какъ я уже говорилъ, наступаетъ могильная тишина, которая можетъ привести въ отчаяніе даже стоика; море въ это время не шелохнется и въ немъ ясно отражается какъ бы заснувшее судно. Но эта мертвая тишина, черезъ нѣсколько времени, разряжается новымъ ливнемъ, новымъ шкваломъ, налетающимъ можетъ быть съ совершенно противуположной стороны предъидущему шквалу. И это продолжается все время, пока судно не пройдетъ ужасную для моряковъ полосу штилей и шкваловъ, потому что, какъ только ливень прекратится, жгучіе солнечные лучи опять становятся чрезвычайно чувствительными, пассаты опять снабжаютъ вновь появившееся облако свѣжею пищею, которое черезъ нѣсколько часовъ разряжается новымъ, не менѣе ужаснымъ ливнемъ, сопровождаемымъ не менѣе сильною грозою... Шквалы, или внезапные и сильные порывы вѣтра, происходятъ въ полосѣ штилей отъ слѣдующей причины: такъ какъ эта полоса лежитъ не надъ экваторомъ, а нѣсколько сѣвернѣе его, то пассатъ южнаго полушарія (SO — юговосточный) доходитъ сюда или прямо отъ юга (S), или же отъ юго-юго-запада [1]) (SSW), и если при этомъ эта масса воздуха, прежде чѣмъ будетъ унесена въ верхніе слои атмосферы, встрѣтитъ пассатъ сѣвернаго полушарія (NO—сѣверо восточный), принимающей вблизи штилевой полосы болѣе сѣверное направленіе, то можетъ произойти внезапный вѣтеръ отъ всякаго направленія, смотря по силѣ того или другаго теченія...

Ширина штилевой полосы не остается во все время года одинаковою, но измѣняется, сообразно передвиженію солнца изъ южнаго полушарія въ сѣверный и обратно, потому что предѣлы пассатовъ перемѣщаются не съ одинаковою скоростью. Такъ напримѣръ, NO пас-

[1]) SO отходитъ къ S или SSW, при переходѣ черезъ экваторъ, вслѣдствіе вращенія земли около своей оси отъ запада къ востоку.

сатъ, отъ марта, когда онъ занимаетъ самое южное положеніе [1]) и до августа, когда онъ наиболѣе удаляется отъ экватора (южный предѣлъ NO пассата въ это время находится, по таблицѣ Горсбурга, въ 13° N широты), передвигается на 7°52′, тогда какъ передвиженіе экваторьяльнаго предѣла SO пассата не бываетъ болѣе 2½° [2]). Это явленіе объясняется во первыхъ тѣмъ, что термическія линіи въ сѣверномъ полушаріи имѣютъ большее годовое колебаніе, нежели въ южномъ полушаріи, вслѣдствіе вліянія материковъ, и во вторыхъ тѣмъ, что SO пассатъ, обладая большею, сравнительно съ NO пассатомъ, силою и занимая большее пространство, представляетъ годовому движенію солнца и большее сопротивленіе и не такъ легко подчиняется ему.

Вслѣдствіе неодинаковаго передвиженія экваторьяльныхъ предѣловъ пассатовъ, ширина штилевой полосы, какъ я уже говорилъ, измѣняется: лѣтомъ она бываетъ наибольшая, а зимою наименьшая, поэтому, очевидно, паруснымъ судамъ выгоднѣе пересѣкать ее зимою (въ августѣ ширина штилевой полосы около 10°, между тѣмъ какъ въ декабрѣ едва доходитъ до 2°).

Въ прежнее время, когда большинство купеческихъ и даже военныхъ судовъ были парусныя, полоса штилей была ужасомъ моряковъ, которые бѣдствовали здѣсь ужасно; случалось штилевать имъ по три и болѣе недѣли, не видя ни откуда помощи, не зная какъ, да и не имѣя средствъ выбраться изъ этого адскаго мѣста. И дѣйствительно, что можетъ быть ужаснѣе, что можетъ быть непріятнѣе—стоять по нѣскольку дней почти на одномъ мѣстѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая хотя бы самаго слабаго дуновенія вѣтерка; видѣть вокругъ себя

---

[1]) По таблицѣ Горсбурга, въ мартѣ мѣсяцѣ южный предѣлъ NO пассата лежитъ въ 5°5′ сѣверной широты, между тѣмъ какъ онъ насъ довелъ до 0°36′ сѣверной широты.

[2]) Въ мартѣ сѣверный предѣлъ SO пассата, по таблицѣ Горсбурга, 1°15′ сѣверной широты, а въ ноябрѣ онъ находится въ наибольшемъ удаленіи отъ экватора, т. е. въ 3°15′ сѣверной широты.

одно только безграничное море, море ужасающее путниковъ своимъ мрачнымъ спокойствіемъ, своимъ одуряющимъ однообразіемъ, изрѣдка только прерываемымъ налетающими со всѣхъ сторонъ шквалами съ грозою и съ ливнемъ, да съ такимъ еще, что, кажется, все небо разверзлось, будучи не въ силахъ удержать въ себѣ скопленную влагу. Мы подверглись подобнымъ непріятностямъ всего только около двухъ сутокъ, но и то долго будемъ помнить эту „адскую полосу“ (мнѣ кажется это названіе лучше подходитъ къ ней, нежели „штилевая“); что же, позвольте спросить, испытывали и испытываютъ въ настоящее время тѣ моряки, которые маялись и маются въ этой полосѣ по двадцати и болѣе сутокъ?... Вѣроятно не мало, если они вступали въ эту полосу „съ ужасомъ“ (что подтверждали многіе бывалые моряки); а моряка, испытавшаго самые сильные штормы, бури и ураганы, погибающаго, можетъ быть, по нѣскольку разъ въ жизни, но спасавшагося какимъ-то сверхъестественнымъ образомъ, натерпѣвшагося на своемъ вѣку, Богъ знаетъ какихъ страховъ, такого моряка, привести въ ужасъ трудно... И дѣйствительно, неизвѣстно, что ждетъ парусное судно въ этой адской полосѣ?... Можетъ быть оно промается въ ней долго, можетъ быть останется безъ крохи сухарей, безъ капли прѣсной воды; тутъ, какъ нарочно, ни одного встрѣчнаго или догоняющаго судна, которое могло бы снабдить бѣдствующаго всѣмъ необходимымъ [1]). Положимъ, отъ жажды не погибнутъ, потому что ливни могутъ доставить жаждующимъ такое количество прѣсной воды, что хоть купайся въ ней, но отъ голоду умереть очень легко. А

---

[1]) По международному морскому уставу всякое бѣдствующее судно имѣетъ полное право требовать помощи отъ всѣхъ встрѣчныхъ судовъ, купеческихъ или военныхъ, и брать подъ росписку все необходимое, какъ-то: съѣстные припасы, воду, лѣкарство, рангоутъ, такелажъ и т. д. Судно, къ которому обратились съ подобнымъ требованіемъ, обязано, по силѣ возможности, исполнить его; а въ случаѣ отказа бѣдствующее судно можетъ взять требуемое силою, за что передъ закономъ не отвѣчаетъ.

кто можетъ поручиться, что не разовьется въ экипажѣ отъ бездѣйствія, апатіи, недостаточнаго количества необходимой пищи, отъ причастной штилевой полосѣ сонливости и вялости—цынга, эта страшная морская болѣзнь, отъ которой умирали и умираютъ многія сотни безстрашныхъ моряковъ. Не ужасно ли положеніе такого судна въ штилевой полосѣ?...

Понедѣльникъ, 5-го марта, былъ для насъ днемъ знаменательнымъ; въ этоттъ день перевалились мы изъ сѣвернаго полушарія въ южный, просто сказать, перешли экваторъ, но перешли его какъ истые европейцы, безъ всякихъ смѣхотворныхъ и какихъ-то языческихъ празднествъ, устраивавшихся въ былыя времена на многихъ судахъ, пересѣкавшихъ экваторъ. Не было у насъ ни Нептуна съ его дражайшею половиною Амфитридою, не было и нимфъ, тритоновъ, русалокъ и тому подобныхъ миѳологическихъ существъ; не было и обливаній и купаній новичка, въ первый разъ вступающаго въ южное полушаріе, словомъ, все прошло безъ особенныхъ празднествъ, безъ особенной кутерьмы.

Только съ самаго утра этого знаменательнаго дня стали уже поговаривать о предстоящемъ переходѣ черезъ экваторъ, хотя, въ сущности, въ этомъ переходѣ ничего особеннаго нѣтъ. Больше всѣхъ суетились тѣ, которымъ въ первый разъ предстояло пересѣчь экваторъ и только потому, чтобы, не краснѣя, назваться уже „морякомъ", потому что „тотъ не морякъ, кто экватора не пересѣкалъ, аль въ полюсахъ не побывалъ"; говорили старые и бывалые матросы.

Около полудня всѣ закопошились и засуетились.

— Господа, сейчасъ экваторъ переходимъ, говоритъ, вбѣгая въ каютъ-компанію, старшій штурманскій офицеръ, и моментально несется опять на верхъ.

Повыскакали всѣ, взобрались, кто куда могъ повыше, и смотрятъ во всѣ стороны, какъ бы отыскивая и желая увидѣть что нибудь въ родѣ того экватора, который видѣли на глобусахъ и картахъ. Матросики тоже по-

высыпали на верхъ и съ неменьшимъ любопытствомъ поглядываютъ во всѣ стороны.

— Ишь господа баятъ, что эркванторъ спмипуть переходить будемъ, анъ ево еще и не видать, съ недоумѣніемъ проговорилъ извѣстный намъ, Архипъ, таращацій во всѣ стороны свои буркулы и не видя ничего, кромѣ спокойнаго, соннаго моря.

— И взаправду не видать еще, подтвердили нѣкокорые изъ его товарищей, съ неменьшимъ удивленіемъ поглядывая на окружающій горизонтъ.

Эхъ вы олухи вологодскіе, мужланы мѣднолобые, разсердился стоящій тутъ Козловъ-сказочникъ, а знаете ли вы, скажите на милость; что за штука „эркванторъ-то вашъ (вишь, даже выболтнуть-то не съумѣли, усмѣхнулся онъ), а по нашему экваторъ?

— Знамо знаемъ, какъ не знать, проговорили самодовольно нѣкоторые изъ „эрквантористовъ".

— Ну-съ, если „знамо знаете", передразнилъ ихъ Козловъ, то потрудитесь датъ мнѣ объ эфтой самой вещи должное понятіе, добавилъ онъ какимъ-то учительскимъ тономъ, то есть нѣсколько въ носъ и притомъ очень строго.

· Эркванторъ эфто такой кругъ, который раздѣляетъ нашу матушку-землю на двѣ какъ есть равныя части иль полушаріи: сѣверное и южное, быстро отвѣтилъ Архипъ, желая по видимому щегольнуть передъ товарищами своимъ знаніемъ.

— Ну-съ, хорошо-съ, кругъ, проговорилъ Козловъ, а позволь тебя спросить: какой эфто такой кругъ, деревянный ли, аль желѣзный, иль иной какой? добавилъ онъ лукаво, поглядывая на Архипа

— На глобысѣ видать—деревянный и не больно широкъ, а на землѣ-матушкѣ долженъ быть покрѣпче, да поширe, потому сама побольше, отвѣтилъ нисколько несмутившійся Архипъ.

— Ха, ха, ха! неудержимо залился Козловъ, а за нимъ и нѣкоторые понимающіе суть дѣла матросики,—

ншь какое колѣно выкинулъ... Небось скажешь: господа офицеры тебя эфтому научили?... Экій грѣхъ, экій грѣхъ, право: самой, что ни на есть простѣющей вещи понять не можетъ!...

Архипъ съ недоумѣніемъ поглядывалъ на хохотавшихъ товарищей и какъ-то сердито почесывалъ лѣвою рукою поясницу, между тѣмъ какъ правая глубокомысленно рылась въ затылкѣ. Пожалѣлъ Козловъ Архипку безмозлаго и началъ ему тутъ же растолковывать, да въ голову вбивать, что „экваторъ не есть кругъ какой изъ чего-нибудь сдѣланный, а кругъ вооброжаемый, лишь въ умѣ представляемый, и, чтобы больше убѣдить въ этомъ Архипа, прибавилъ, что „матерьяла бы на эфтотъ самый кругъ нехватило-бъ, еслибъ вздумали, чтобъ былъ онъ желѣзный, аль иной какой, да кромя того уворовали-бъ ево много, потому чтобы укараулить ево нужно часовыхъ поставить, и на океанахъ, и на земли, и на горахъ, словомъ, по всюду, гдѣ кругъ эфтотъ проходитъ, а наше начальство, добавилъ онъ, даромъ, денегъ бросать не любитъ". Слушалъ его Архипка, слушалъ, хлопалъ своими буркулами, хлопалъ, да такъ, кажется, ничего и не понялъ, хотя и божился Козлову чуть ли не всѣми святыми, что онъ „эфту самую штуку таперича маленько поразкусилъ и какъ въ деревню приду, то всенепримѣннѣйше своихъ односельцевъ глупыхъ эфтому самому научу". Слушали объясненіе Козлова и другіе, но поняли по видимому, больше Архипа; наконецъ урокъ кончился и доморощенный учитель не преминулъ спросить еще разъ своихъ учениковъ: „поняли"? — „Поняли, какъ не понять", отвѣтили тѣ, хотя по крайней мѣрѣ треть изъ нихъ ничего не поняли, что было видно по выраженію ихъ лицъ; но все-таки они были очень, по видимому, довольны, что „послушали такую мудреную вещь, што и въ голову даже нейдетъ", какъ высказался одинъ изъ подобныхъ слушателей. Не нужно удивляться подобному слушателю, потому что такихъ много и въ болѣе образованномъ обществѣ.

— Вона, господа баятъ, что экваторъ уже позади, значитъ тютю, весело проговорилъ прибѣжавшій съ юту Козловъ, а мы, значитъ, теперь уже въ южномъ полушаріи...

— Ишь ты, проговорили съ недоумѣніемъ нѣкоторые изъ только что прослушавшихъ лекцію Козлова „о экваторѣ", но ничего изъ нея не вынесшіе, „ужъ эркванторъ и позади", и при этомъ какъ-то недовѣрчиво поглядывали за корму, какъ бы удивляясь: „какъ же такъ кругъ-то энтотъ мы перескочили?...

И дѣйствительно, нужно сознаться, что есть на корветѣ матросики, недавно пришедшіе изъ деревни, которымъ хоть цѣлый мѣсяцъ тверди объ одномъ и томъ же, а они, хоть въ зубъ толкнуть, рѣшительно ничего не понимаютъ, хотя постоянно твердятъ: „понятно, ваше благородіе, какъ не понять"; а у самихъ при этомъ такія безсмысленныя выраженія лица, что такъ и видишь, что ничего не понимаютъ. Заставишь, бывало, ихъ повторить объясненіе и они повторятъ, какъ попугаи, но все-таки останутся при своихъ старыхъ знаніяхъ. Конечно, когда пооботрутся еще немного, отъ нихъ можно будетъ хоть что нибудь ожидать, но въ настоящее время рѣшительно ничего.

Въ противуположность этимъ несообразительнымъ, есть на корветѣ такіе понятливые матросы, что любо-дорого смотрѣть; они чуть ли не на лету схватываютъ даваемыя объясненія, при чемъ не преминутъ задавать вопросы, ясно показывающіе, что не только они толково все понимаютъ, но даже забѣгаютъ и впередъ.

Перейдя экваторъ въ долготѣ 26° W (отъ Гринвича), мы принуждены были, по случаю продолжавшихся штилей, убрать паруса и развести пары; шквалы не переставали налетать со всѣхъ сторонъ, но мы были имъ очень рады, потому что они хоть на короткое время освѣжали воздухъ и давали намъ возможность хоть нѣсколько минутъ послѣ долгихъ и скучныхъ часовъ провести время въ дѣятельности и весело. Развлеченій

пока не было: океанъ ихъ не доставлялъ, а мы и подавно ничѣмъ себя не развлекали, потому что удушливая жара не слишкомъ-то насъ къ этому побуждала; но, напротивъ, вслѣдствіе ея сильно одуряющаго вліянія, мы впадали въ бездѣйствіе и сонливость...

7 марта (въ широтѣ 5°34′S) кончились наши невзгоды; утромъ задулъ давно желанный вѣтерокъ и далъ намъ возможность поставить опять паруса; какъ бы по мановенію волшебнаго жезла все измѣнилось, все приняло оживляющій, веселый видъ. Всѣ обрадовались освѣжающему вѣтерку, все ему улыбнулось, все приняло новый, пріятный видъ: чистое ясное небо смотрѣло какъ-то привѣтливо; яркое, веселое солнце, солнце пріятное, радостное, но не раскаленное ядро, тихо играло и ласкалось въ спокойныхъ водахъ безмятежнаго океана, на поверхности котораго показались опять живыя существа, весело играя на теплыхъ лучахъ величественнаго свѣтила и нѣжно ласкаясь къ освѣжающему вѣтерку. Корветъ принялъ какой-то праздничный, необыкновенный видъ: толпа гуляющихъ сновала по палубѣ, любуясь окружающею жизнью и движеніемъ; никто уже не скрывался отъ раскаленныхъ лучей экваторіальнаго солнца, никто не впадалъ въ приличествующую штилевой полосѣ сонливость и аппатію... Словомъ, оживилось небо, оживилось море, оживились и люди!.. И это всеобщее оживленіе придало слабое дуновеніе вѣтерка; пока онъ спалъ — все спало кругомъ непробуднымъ, тяжелымъ сномъ, лишь только онъ встрепенулся — все кругомъ оживилось, проснулось и развеселилось...

Южное небо, усѣянное чудными созвѣздіями, доставляло намъ по ночамъ необъяснимое блаженство; не было силъ оторваться отъ блещущихъ яркимъ свѣтомъ звѣздъ, и бывало по нѣскольку часовъ сряду смотришь въ темное, глубокое небо. Южный Крестъ, это чудеснѣйшее созвѣздіе южнаго полушарія, возбуждалъ восторгъ своимъ дивнымъ видомъ; онъ горѣлъ яркимъ, дрожащимъ огнемъ, придававшимъ ему не-

обыкновенную прелесть; нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ этого дивнаго созвѣздія, лучшаго украшенія южнаго неба. Темный небосклонъ иногда прорѣзывался свѣтлою дугою, путемъ летящаго метеора, который или скрывался далеко на горизонтѣ, или какъ бы врѣзывался въ самую средину какого нибудь созвѣздія и на вѣки въ немъ пропадалъ; эти яркія дуги, прорѣзывающія небо въ разныхъ направленіяхъ, придавали общей картинѣ чрезвычайно эфектный, грозный видъ. Невольно взоръ слѣдитъ за быстрымъ полетомъ раскаленнаго тѣла, невольно является мысль: откуда несется оно и куда, въ какія страны, на какую звѣзду или планету направляетъ свой блестящій путь... Можетъ быть, оно и долетитъ до какой нибудь отдаленной планеты, можетъ быть ударится и въ землю, глубоко врѣзавшись въ рыхлую почву, а можетъ быть раньше, чѣмъ достигнетъ чего нибудь, оно разлетится на тысячи мельчайшихъ кусковъ, которые въ свое время превратятся въ пыль и прахъ... Все это невольно тѣснится въ голову и всѣми силами стараешься увидѣть, куда направила свой путь эта одинокая, въ сравненіи съ окружающими тѣлами, песчинка, и пытливо стараешься предугадать—откуда, изъ какихъ невѣдомыхъ странъ пустилась она въ свое плаваніе по безконечному пространству! Небо со всѣми своими украшеніями заставляетъ умъ работать, заставляетъ размышлять, и всѣ мысли, чувства, душа и сердце невольно несутся къ Премудрому Создателю, давшему жизнь и вѣчное движеніе безконечному и невѣдомому міру, невольно чувствуешь благоговѣніе и трепетъ передъ Его всемогуществомъ, силою и творчествомъ, невольно преклоняешься передъ Его дивными дѣлами, и сознаешь, что все существующее въ мірѣ ничтожно передъ Нимъ.

Море, не менѣе неба, доставляло намъ по ночамъ удовольствіе; почти каждую ночь любовались мы его неизъяснимо прелестнымъ мерцаніемъ, то такимъ сильнымъ, что, казалось, вся видимая поверхность океана

залита горящимъ фосфоромъ, то болѣе слабымъ, и казалось тогда, что все море покрыто какими-то чудными искрами, звѣздами, огненными шарами, переливающимися всевозможными, самыми мягкими, самыми прелестными цвѣтами. Въ такія ночи небо теряло свою красоту, теряло свою торжественность, блѣднѣло и только, какъ бы въ свѣтломъ туманѣ, блестѣли тогда вдали нѣкоторыя, самыя большія, звѣзды... Остальныя звѣзды дѣлались невидимыми глазу и, казалось, что онѣ всѣ слетѣли съ небосклона и играютъ, купаются въ не менѣе темныхъ водахъ океана... Да, мы видѣли два неба: одно высоко надъ нами, другое—подъ нашими ногами; оба эти неба, казалось, спорили о своей красотѣ, казалось хотѣли, наперерывъ, удивить, поразить людей своею дивною торжественностью, хотѣли выказать всѣ свои прелести, всѣ чудныя тайны... Которое изъ нихъ чуднѣе, великолѣпнѣе, торжественнѣе—съ перваго раза трудно рѣшить; когда горитъ все подъ ногами, то, кажется: нѣтъ ничего прекраснѣе, удивительнѣе, очаровательнѣе этого неба; когда же оно потухнетъ и весь небосклонъ, какъ бы ревнуя, что на него не обращали нѣкоторое время вниманія, загорится чудными созвѣздіями, мерцающими гордымъ, торжественнымъ свѣтомъ, то невольно забываешь все земное, обращаешь взоры къ небу и любуешься его дивными украшеніями; причемъ сравниваешь его съ гордою, спокойною и скромною красавицею, презирающею слишкомъ яркіе наряды, между тѣмъ какъ океанъ можно сравнить съ вертлявою, бойкою красоткою, которая хочетъ удивить зрителей, обратить ихъ взоры на себя своими яркими нарядами и украшеніями, своею жизнью и игрою...

При этомъ сравненіи невольно отдаешь предпочтеніе гордой, спокойной и скромной красавицѣ... Словомъ, весело стало на душѣ по выходѣ изъ непривѣтливой штилевой полосы; развлеченіямъ, даруемымъ намъ океаномъ, не было и конца: то любуешься игрою быстрыхъ

дельфиновъ, толпами гоняющихся за корветомъ, то стройнымъ полетомъ летучихъ рыбъ, стаями носящихся по всѣмъ направленіямъ, то разноцвѣтными медузами, поражающими глазъ своею красотою, то, наконецъ, алчною акулою, плывущею за кормою и какъ бы выжидающую себѣ подачки...

Дни шли за днями весело, незамѣтно; однажды наше вниманіе было привлечено огромною акулою, слѣдовавшею за корветомъ, что называется по пятамъ. Видъ чудовища былъ отвратителенъ; хитрые, злые и какіе-то зловѣщіе глаза ея свирѣпо поглядывали на любопытныхъ, наклонявшихся черезъ бортъ, матросиковъ, при чемъ страшная пасть ея, усѣянная нѣсколькими рядами острыхъ, всеразрушающихъ зубовъ, открывалась и закрывалась съ какимъ-то непріятнымъ и бросающимъ въ дрожь стукомъ. Видно было, хотѣлось акулѣ попробовать человѣческаго мяса, до котораго, какъ извѣстно, животныя эти очень лакомы; нѣсколько разъ высоко подымала она изъ воды свою свирѣпую голову и какъ бы хотѣла схватить кого нибудь изъ толпы трунившихъ надъ нею матросиковъ.

— Ишь ее, пасть-то какъ разѣваетъ, ухмылялся смотрѣвшій тутъ же Архипъ, подикось, сунь ей хоша бы и пушку, такъ-таки и перекуситъ, шельма!... Ишь зубища-то какіе, не нашимъ чета...

— И не говори, просто страсти, да и только проговорилъ неразлучный другъ его Михайло, а вона товарищи баятъ, такъ того еще хуже — людей, шельма, жретъ...

— Людей?! удивился Архипъ, неужто такъ-таки и жретъ?

— Потонешь и тебя сожретъ, добавилъ ухмыляясь Михайло.

— Меня?! испугался Архипъ, ишь куды хватилъ... Значитъ отъ энтой самой рыбины и спасенья нѣту, добавилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Спасаться, дружище, будешь у нея въ брюхѣ,

проговорилъ усмѣхаясь стоявшій по близости Архипычъ, а утроба-то у эфтой акулы-рыбы, что твоя изба: и прилечь, и походить въ ней можно...

— Штобъ лопнула у нее энта самая утроба! со злостью проворчалъ Архипъ, и отошелъ въ сторону, искоса поглядывая на плывущее за кормою чудовище.

— А, что, братцы, не поймать ли намъ звѣря этого, предложилъ Яковъ Матвѣичъ.

— Отчего не поймать, поймаемъ, дружно согласились собравшіеся матросики.

Сію же минуту доложено было по начальству, что „молъ акула за кормою бѣжитъ, такъ не благоугодно ли будетъ, вашему высокоблагородію, позволить ее схапать“?

Позволеніе вышло; живо забѣгали бывалые матросики, засуетились и стали готовиться къ интересному лову: одинъ принесъ нѣсколько кусковъ сала, другой добылъ изъ шхиперской здоровенный гакъ (по береговому крюкъ), третій притащилъ не менѣе здоровую и надлежащей длины веревку и цѣпь; не забыли приготовить также топоръ и ганшпугъ, какъ самыя необходимѣйшія вещи при ловлѣ такого чудовища, какъ акула. Изъ принесеннаго матерьяла живо изготовлена была чудовищная удочка: къ гаку прикрѣпили цѣпь, къ цѣпи веревку, за веревку ухватилось нѣсколько человѣкъ здоровенныхъ матросовъ — и дѣло въ шляпѣ все было готово, чтобы „схапать“ акулу-рыбу.

Для приманки и возбужденія ея аппетита, брошено было сперва два куска сала, которыхъ моментально какъ бы не бывало: съ такою жадностью бросилась на нихъ акула и проглотила.

Третій кусокъ сала былъ надѣтъ на приготовленный гакъ, а чтобы не сорвало его ходомъ корвета, прихватили еще, для безопасности, къ гаку каболкою [1]); наконецъ все было готово и приманка брошена за корму...

Быстро взмахнула акула сильнымъ хвостомъ и бро-

силась за убѣгающимъ кускомъ сала; подплывъ къ нему, она съ какою-то осторожностью понюхала его и нѣсколько секундъ какъ бы не рѣшалась схватить предлагаемое угощеніе; но жадность превозмогла опасеніе и инстинктъ, и страшное животное, повернувшись нѣсколько на бокъ, съ алчностью схватило приманку и проглотило...

— Тащи, тащи, раздалась команда Якова Матвѣича, и матросики дружно потащили веревку.

Напрасно чудовище рвалось, напрасно било объ воду своимъ страшнымъ хвостомъ, напрасно старалось перекусить крѣпкую цѣпь—его подтаскивали все ближе и ближе...

Вода окрасилась кровью судорожно бьющагося чудовища; прошло еще нѣсколько минутъ—и акула была уже на палубѣ. Первымъ дѣломъ засунули ей въ пасть крѣпкій гандшпугъ, который затрещалъ подъ страшными зубами чудовища, силившагося освободиться отъ непріятной закуски. Прошло десять минутъ—и акула лежала уже безъ хвоста, отхваченнаго нѣсколькими ударами топора, лежала безсильная, но все еще яростная въ своемъ гнѣвѣ; наконецъ ее угомонили, и только судорожный трепетъ тѣла и яростно смотрящіе глаза показывали, что она еще жива и чувствуетъ; сильный хвостъ ея, однимъ ударомъ котораго она могла бы, пожалуй, проломить палубу или убить быка, лежалъ въ сторонѣ безсильный, недѣйствительный, и никто уже не боялся этого страшнаго оружія чудовища акулы.

Вмѣстѣ съ акулою подняты были на палубу двѣ небольшія рыбки, темносиняго цвѣта, которыя такъ сильно пристали къ чудовищу, что насилу можно было ихъ оторвать. Оказалось, что это были вѣчные спутники акулъ — прилипалы, имѣющія на верхней части

---

[1]) Каболкою называется толстая крѣпкая нитка (½ дюйма въ окружности), свитая изъ пеньки; изъ каболокъ въ свое время вьется разной толщины тросъ, смотря по числу ихъ, взятыхъ для свивки, хлопокъ.

головы особый органъ, овальной формы, помощью котораго онѣ могутъ присасываться, по желанію, къ любому предмету и даже рыбѣ.

Неизвѣстно, почему эти небольшія рыбки постоянно сопутствуютъ акуламъ, къ которымъ присасываются, большею частью, около жабръ и въ такомъ положеніи совершаютъ съ чудовищами всевозможные переходы, не прилагая къ тому никакого труда и даже пользуясь остатками съ господскаго стола; такимъ образомъ эти рыбки представляютъ изъ себя какихъ-то паразитовъ, не могущихъ существовать безъ помощи болѣе сильнаго, который ими, повидимому, нисколько не безпокоится и не трогаетъ.

Объ этихъ прилипалахъ древніе имѣли слишкомъ преувеличенное понятіе и полагали, что одно подобное существо въ состояніи, присосавшись къ подводной части корабля, остановить его на полномъ ходу и помѣшать дальнѣйшему плаванію... Конечно, подобныя сказки можно отнести именно только къ древнимъ временамъ, когда видѣли, да и желали видѣть все происходящее въ свѣтѣ, въ самомъ преувеличенномъ, страшномъ и фантастическомъ видѣ, когда только и жили одними чудесами, сказками и фантазіями... Въ настоящее же время, почти каждому извѣстно, что рыбки эти однѣ изъ слабѣйшихъ существъ и нетолько не могутъ нанести какой нибудь вредъ, но даже сами, сознавая свою слабость, вступаютъ подъ покровительство сильныхъ воднаго міра.

Кромѣ прилипалъ, у акулъ есть еще и другіе спутники, такъ называемые, лоцмана, которые, по видимому, приносятъ имъ гораздо больше пользы, а если не пользы, то ужъ непремѣнно меньше безпокойства, такъ какъ они не обращаютъ своего господина въ какой-то даровой экипажъ, какъ дѣлаютъ то лѣнивыя прилипалы.

Лоцмана, это тоже небольшія рыбки, очень красивыя, при томъ чрезвычайно проворныя и ловкія; онѣ то и дѣло, что снуютъ около акулы по всѣмъ направ-

леніямъ, бросаются взадъ и впередъ, какъ бы отыскивая что-то въ окрестностяхъ. Вообще въ нихъ замѣтенъ чрезвычайно живой характеръ и, по всему видно, онѣ всѣми силами стараются разодолжить чѣмъ-то своего грознаго повелителя, который, нельзя не удивляться, при всей своей прожорливости, никогда ихъ не трогаетъ. Чего хлопочутъ эти красивыя рыбки, что онѣ такъ тщательно высматриваютъ и ищутъ — трудно догадаться. Но, нужно сознаться, есть между чудовищемъ и этими граціозными паразитами какая-то странная и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто неразрывная связь, потому что трудно себѣ представить безъ особенной и притомъ чрезвычайно важной причины подобную благосклонность, какую оказываютъ акулы своимъ ловкимъ, быстрымъ спутникамъ. Акула — это такое хищное и кровожадное чудовище, что даже не щадитъ свою братію, а тутъ вдругъ оказываетъ свое высокое благорасположеніе какой-то небольшой рыбкѣ... Говорятъ, что, будто-бы эти рыбки служатъ развѣдчиками своихъ могучихъ властелиновъ и даже отыскиваютъ имъ пищу:— можетъ быть, не даромъ же, вѣроятно прозвали ихъ лоцманами...

Черезъ нѣсколько времени пойманная акула была распластана: съѣдомыя части — развѣшаны на бакѣ, а негодныя—брошены за бортъ, отрубленная же голова ея долгое время служила забавою матросовъ, которые толпами приходили смотрѣть на нее, какъ она то открывала пасть, то судорожно сжимала, все еще торчащій изъ ея горла, гашпугъ, какъ она поводила глазами и вообще выказывала всѣ признаки жизни... И дѣйствительно, живучесть этихъ чудовищъ поразительна и служитъ даже источникомъ самыхъ интересныхъ и странныхъ анекдотовъ и разсказовъ...

Сильно радовались матросики своей добычѣ, но больше всѣхъ доволенъ былъ пойманною акулою Архипъ, который съ удовольствіемъ поглядывалъ на развѣшанные ея куски и еще живущую голову.

— Ну, ужъ, шельма, не съѣшь таперича, говорилъ онъ самодовольно, смѣло тыкая пальцемъ въ лежащую передъ нимъ голову; „таперича я отъ тебя въ сохранности нахожусь, а брюхо-то твое вишь гдѣ“... при этомъ онъ указалъ пальцемъ сперва за бортъ, а потомъ на бакъ, какъ бы думая, что голова понимаетъ его росказни и пантомимы.

Ты таперича лежи, издыхай, шельма, продолжалъ Архипъ свою рѣчь, не поймали-бъ тебя, поликось сколько народу пережрала... знаемъ васъ... баятъ, вы больно ужъ обжорливы...

— Архипка, укуситъ, крикнулъ кто-то надъ самымъ ухомъ нашего оратора.

— Ой-ли, испугался Архипъ, и блѣдный, отскочилъ отъ головы въ сторону, неужто и взаправду укуситъ?!..

Раздался дружный хохотъ, вызванный уморительнымъ испугомъ краснорѣчиваго оратора. Архипка, сообразивъ, что надъ нимъ только смѣются, немного оправился отъ испуга и подошелъ опять къ головѣ, но съ какою-то осторожностью и опаскою. Но теперь уже жестокая судьба хотѣла, по видимому, посмѣяться надъ храбрымъ Архипомъ: только что онъ подошелъ къ головѣ, какъ она въ этотъ моментъ, будто-бы нарочно, широко раскрыла свою пасть и судорожно сжала опять безпокоившій ее ганшпугъ.

Архипка сильно испугался, поблѣднѣлъ какъ полотно и стремительно бросился въ сторону.

— И взаправду укуситъ, закричалъ онъ какимъ-то задушаемымъ голосомъ: ой, братцы, укуситъ! — Матросики разразились веселымъ смѣхомъ, потѣшаясь надъ страхомъ Архипки, который, между тѣмъ, забрался уже на бакъ и началъ разсказывать сидящему тамъ Михайлѣ, какъ его „чуть-чуточки акула-рыба обжорливая не проглотила“.

Вскорѣ голова, на радость Архипки, была выброшена за бортъ и съ этой минуты онъ сталъ вдругъ съ

чего-то сильно бохвалиться своею храбростью и говорилъ, что „хоть-бы десятокъ такихъ рыбинъ, я ихъ всѣхъ руками-бъ перевязалъ".

Конечно, въ появившуюся вдругъ храбрость его никто не вѣрилъ, и это обстоятельство ужасно раздосадовало Архипку.

– Какъ же эфто такъ, хорохорился онъ, я что ни на есть тигру лютую не боюсь...

— А головы за то мертвой испужался, добавилъ усмѣхаясь Михайло.

— Не замай, Мишка, право не замай, обозлился Архипъ, бросая на своего друга свирѣпые взгляды, я теѣ говорю—не замай, а то всеѣ потроха твои выпущу...

Однако все прошло благополучно: потроховъ Архипка Мишкѣ не выпустилъ, драки тоже не было, и нашъ храбрецъ окончательно успокоился, получивъ добрый подзатыльникъ отъ проходившаго мимо и недовольнаго чѣмъ-то въ то время Якова Матвѣича...

Быстро подвигались мы впередъ, съ нетерпѣніемъ ожидая появленія берега... И дѣйствительно, пробывъ въ океанѣ мѣсяцъ, не видя береговъ, земля кажется какъ-то особенно заманчивою; конечно, если бы мы пользовались въ морѣ тѣми же удобствами, какія могли бы имѣть на берегу, ну, тогда, можетъ быть, мы ждали его не съ такимъ нетерпѣніемъ и не стали бы съ такою жадностью поглядывать на впереди растилающійся горизонтъ, изъ за котораго ожидали появленія земли...

Наконецъ, наши пылкія желанія начали осуществляться: 28 марта открылся входной сѣверный мысъ въ Ла-Плату... Войдя въ устье рѣки, мы съ любопытствомъ замѣчали, какъ замѣтно смѣшивались мутныя и окрашенныя ея воды съ волнами океана; вода Ла-Платы, будучи легче морской, текла сверхъ ея, что болѣе всего было замѣтно въ струѣ, оставляемой корветомъ, гдѣ чистая, прозрачная морская вода красивыми водоворотами смѣшивалась съ мутною водою рѣки.

Не доходя пятидесяти миль до Монтевидео, благопріятный намъ вѣтеръ стихъ и наступила совершеннѣйшая тишина, напомнившая намъ о времени, проведенномъ въ штилевой полосѣ; тогда здѣсь уже не было той духоты которую пришлось намъ испытать тамъ: погода стояла самая прекрасная, ясная, освѣжающая; да развѣ и можно было ожидать подобной духоты въ 34° южной широты: вѣдь это уже не въ тропикахъ и не подъ экваторомъ. Прошли уже тѣ печальныя времена, когда не находили мы себѣ мѣста, а въ настоящее время наступили другія, болѣе блаженныя и пріятныя; но, разумѣется, нельзя уже, вслѣдствіе этого, сказать, что прежнее не повторится еще, можетъ быть, десятки разъ, потому что не разъ придется еще пересѣчь экваторъ, не разъ придется промаяться въ штилевой полосѣ, безъ которой не обошелся и Великій океанъ...

Да, жизнь моряка чрезвычайно разнообразна; сегодня не знаетъ куда скрыться отъ знойнаго солнца, удушливой жары и невыносимо тяжелой атмосферы, а черезъ три дня онъ уже весело разгуливаетъ по палубѣ, освѣжаемый прохладнымъ вѣтеркомъ, любуется окружающею жизнью и красотою, забываетъ прошедшія невзгоды, живетъ настоящимъ и замѣнилъ уже свою тропическую одежду, состоящую изъ рубахи, брюкъ и башмаковъ, чѣмъ нибудь болѣе положительнымъ. Прошло еще нѣсколько дней, онъ уже кутается въ пальто, одѣваетъ шарфы, фуфайки, калоши, словомъ бумагу замѣняетъ шерстью, легкіе воздушные башмаки—тяжелыми, здоровыми сапожищами и калошами; холодный вѣтеръ пронизываетъ его до самыхъ костей и рветъ съ него плотно обтянутое пальто, надоѣдливый осенній дождь бьетъ въ лицо и всѣми силами старается попасть ему за воротникъ и затѣмъ разлиться по всей спинѣ непріятными и бросающими въ дрожь ручейками...

Не успѣлъ морякъ еще привыкнуть къ этой погодѣ,

какъ уже наступаетъ настоящая зима: снѣгъ, висящія на снастяхъ и борту сосульки, морозъ—все это краснорѣчиво доказываетъ, что онъ уже далеко отъ тѣхъ блаженныхъ мѣстъ, гдѣ онъ не зналъ даже, что такое сюртукъ и сапоги, гдѣ онъ ходилъ чуть ли не въ одеждѣ праотца, и тяжело вздыхаетъ онъ о тѣхъ счастливыхъ временахъ, глубоко сожалѣетъ, что они уже прошли, хотя, можетъ быть, въ то время онъ проклиналъ ихъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ болѣе прохладной погоды, даже желалъ, можетъ быть, въ то время лучше зимы, чѣмъ удушливый зной... Какъ, право, непостояненъ человѣкъ: ему кажется лучше тамъ, гдѣ его нѣтъ, лучше то, чего у него нѣтъ! Морякъ, впрочемъ, можетъ быть непостояненъ, потому что онъ не привыкъ къ постоянству и однообразію: не успѣлъ онъ еще хорошенько выругать наступающія холодныя и худыя погоды, какъ уже пользуется яснымъ небомъ, пріятнымъ воздухомъ, какъ будто попалъ изъ Россіи въ Италію или Крымъ, а тамъ вдругъ наступаетъ невыносимый зной, духота, точно изъ Италіи перенесенъ онъ какою нибудь злою феею въ степь Сахару, затѣмъ — опять хорошая погода, опять холодъ и т. д. И это продолжается всю его жизнь, если только онъ не привыкъ плавать въ какихъ нибудь лужахъ, но привыкъ полосовать океаны во всѣхъ ихъ направленіяхъ: съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ, отъ одного полюса къ другому, отъ материка къ материку, проходить въ какіе нибудь двадцать-тридцать дней тысячи миль, десятки градусовъ...

Какъ я уже говорилъ, не доходя до Монтевидео, мы заштилѣли что, впрочемъ, насъ нисколько не смутило: черезъ два часа пары уже были готовы и корветъ, убравъ паруса, отправился дальше. Во время перехода до Монтевидео, мы были поражены странными звуками, исходящими изъ воды, и которые, какъ я впослѣдствіи узналъ, производили никто другой, какъ рыбы, эти безгласныя, по мнѣнію многихъ, существа.

То слышался одинъ голосъ, то вдругъ раздавалось ихъ сразу нѣсколько, причемъ голоса этихъ рыбъ-музыкантовъ сливались въ какую-то трескотню, похожую на перекаты барабана; то слышалось что-то въ родѣ звона, то голоса походили на непріятное кваканье лягушекъ... Эти звуки, издаваемые рыбами, производятъ съ перваго раза какое-то странное впечатлѣніе, и невольно начинаешь сомнѣваться въ вѣрности того мнѣнія, что ихъ производятъ дѣйствительно рыбы, потому что съ самаго малолѣтства пріучаешься считать ихъ самыми безгласными существами.

Впрочемъ фактовъ, доказывающихъ существованіе рыбъ-музыкантовъ, очень много, и знаменитый Линней ошибался, называя рыбъ „глухими и нѣмыми". Въ настоящее время оказалось, что всѣ рыбы имѣютъ слухъ и есть, кромѣ того, не мало и такихъ, которыя издаютъ довольно разнообразные звуки. Уже Эліанъ говорилъ, что „кто обрекаетъ молчанію всѣхъ рыбъ и называетъ нѣмыми, тотъ мало знаетъ ихъ природу, потому что нѣкоторыя изъ нихъ свищутъ, шумятъ и даже ворчатъ". По Аристотелю: „ворчатъ лира, хромида и аперъ; свищетъ — фаберъ, а морская кукушка имѣетъ голосъ, похожій на свойственный ея тескѣ — птицѣ". Впослѣдствіи, наблюденія надъ издающими звуки рыбами умножились, и уже въ 1817 году естествоиспытатель И. Мюллеръ говорилъ о нѣсколькихъ подобныхъ рыбахъ, и такимъ образомъ подтвердилъ наблюденія древнихъ естествоиспытателей; при этомъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на иглотѣла, который, если его схватить, ворчитъ, и на орлинаго умбреца, который ворчитъ такъ ясно, что голосъ его слышенъ даже на глубинѣ двадцати футъ.

Наконецъ, недавно, Прегеръ и де-Толоно сообщили даже о существованіи музыкальныхъ рыбъ. „Въ апрѣлѣ 1860 года, разсказываетъ первый, мы находились на Понтіанакѣ, величественной рѣкѣ западнаго Борнео; тутъ мы услышали, во время прилива, совершенно ясно

музыкальные звуки, то высокіе, то низкіе, то несущіеся издалека, какъ эхо, то раздающіеся такъ близко, какъ будто музыканты-рыбы плавали у самаго уха... Они неслись изъ глубины, то какъ сладкое пѣніе страстныхъ сиренъ, то какъ полные звуки органа, то какъ тихіе переливы Эоловой арфы... Когда я погружалъ голову въ воду, то звуки стали слышаться сильнѣе: легко можно было различить многіе, одновременно звучащіе тоны. Эту музыку, какъ говорили туземцы и какъ подтвердили самыя добросовѣстныя наблюденія, производятъ рыбы".

М. де-Толонъ говоритъ о подобномъ же явленіи въ заливѣ Пайлонъ, на сѣверѣ, провинціи Эсмеральды, въ Экуадорѣ.

Такимъ образомъ музыкальныя способности рыбъ достаточно подтверждаются многими фактами, заслуживающими полнаго довѣрія, и въ настоящее время уже нелѣпо употребленіе общепринятой избитой фразы: „буду нѣмъ, какъ рыба".

29 марта, утромъ, возставши отъ сна, мы были пріятно поражены показавшимся вдали берегомъ; на корветѣ быстро стали приводить все въ порядокъ, чтобы не показаться въ чужомъ городѣ „свиньей", какъ выражаются въ этомъ случаѣ матросики...

Показавшійся берегъ сталъ постепенно выясняться все больше и больше: уже видна была, покрывающая его, растительность, вдали забѣлѣлись уже дома Монтевидео, столицы Уругвайской республики... Высыпали всѣ посмотрѣть на новый городъ и съ замираніемъ сердца подумывали о предстоящихъ удовольствіяхъ: всѣмъ, кажется, сильно надоѣлъ тридцатидневный переходъ. Глаза всѣхъ были устремлены на приближающагося лоцмана, и всѣ ждали его, повидимому, съ сильнымъ нетерпѣніемъ; и дѣйствительно, отъ него отъ перваго мы должны были услышать всѣ новости, касающіяся Монтевидео и даже всей страны. Но вотъ лоцманъ ловко подошелъ къ борту и, привязавъ къ

своему небольшому суденушку поданный съ корвета конецъ, живо взбѣжалъ на палубу, и всѣ разомъ рѣшили, почему-то, что это непремѣнно французъ; почему большинство причислило лоцмана къ французской, а не къ какой нибудь другой націи — не знаю... Дѣйствительно, на видъ-то онъ немного и смахивалъ какъ будто на француза, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было не сознаться, если хотите, на португальца и даже немножко на мулата или метиса, словомъ, — въ нашемъ лоцманѣ оказалось смѣшеніе чуть ли не пяти народовъ... Смуглый цвѣтъ лица, полныя губы заставляли думать, что онъ мулатъ; изящная наполеоновская бородка, воинственные усы и римскій носъ располагали считать его за француза; черные, живые, проницательные и страстные глаза обличали въ немъ испанца; затѣмъ у него были прямые, толстые волоса индѣйца; куртка, шляпа и башмаки — португальскаго матроса, словомъ, будущій проводникъ нашъ былъ престранная личность... Только что онъ взошелъ на палубу, какъ всѣ окружили его съ разспросами на довольно разнообразныхъ языкахъ, потому что никто еще не зналъ, на какомъ нарѣчіи изволитъ онъ объясняться; съ перваго разу лоцманъ какъ будто смѣшался и не могъ никакъ сразу удовлетворить ихъ любопытству, да и не мудрено: понялъ ли онъ хоть сотую долю изъ массы брошенныхъ ему вопросовъ, вопросовъ самыхъ разнообразныхъ, подчасъ даже очень невѣжливыхъ и неприличныхъ... Черезъ нѣсколько времени всѣ задающіе вопросы успокоили понемногу свои порывы и видя, что лоцманъ не думаетъ имъ отвѣчать, рѣшились терпѣливо ждать, пока онъ самъ пожелаетъ что нибудь имъ разсказать. Представившись капитану, нашъ будущій проводникъ объяснилъ ему на французскомъ языкѣ, что въ Монтевидео, въ этомъ желанномъ городѣ, при видѣ котораго многіе изъ насъ уже переселились въ область фантазій, свирѣпствуетъ сильная желтая лихорадка; что люди мрутъ, какъ мухи; что сосѣдніе порта

всѣ закрыты и что, наконецъ, суда, вышедшія изъ Монтевидео, подвергаются мѣсячному карантину, словомъ, принесъ намъ самыя непріятныя, самыя худыя вѣсти, поразившія всѣхъ хуже штилевой полосы. Особенно вытянулись физіономіи у тѣхъ, кто впалъ въ область фантазій и заранѣе предвкушалъ всѣ прелести береговой прогулки...

Дѣйствительно, что можетъ быть непріятнѣе неожиданности! Шли тридцать дней къ цѣли, тридцать дней жили ожиданіемъ и надеждою, и вдругъ, въ самый послѣдній моментъ узнаемъ, что все это напрасно, безслѣдно пропащіе долгіе дни; вамъ вдругъ говорятъ: „можете отправляться, молъ въ дальнѣйшій путь"; а тутъ, какъ на зло, ни угля, ни провизіи, ни воды, словомъ—вездѣ и все пусто... Да, невольно задумаешься надъ подобнымъ случаемъ, а на что рѣшиться — не знаешь: войти въ Монтевидео опасно, потому что эпидемія можетъ разразиться и надъ корветомъ; кромѣ того нужно потомъ выдержать цѣлый мѣсяцъ карантинъ, а хуже этого, кажется, ничего нѣтъ. Идти дальше, не имѣя ни пуда угля, ни ведра воды, ни достаточнаго количества провизіи—тоже непріятно, даже безразсудно. Не долго, впрочемъ, ломало начальство голову, чтобы выйдти изъ бѣды, и рѣшило, по предложенію лоцмана, пробраться въ Буеносъ-Айресъ, пробраться въ столицу Аргентинской республики, въ которой съ роду не бывало ни одно русское военное судно. Всѣ обрадовались этому рѣшенію, всѣ были довольны, что прогулка по берегу отложена на очень короткое время, всего только на переходъ отъ Монтевидео до Буеносъ-Айреса.

Корветъ прошелъ мимо Монтевидео и сталъ подыматься по Ріо-де-Ла-Платѣ, которая похожа скорѣе на какой-нибудь очень широкій (въ миль 150) проливъ, но ужъ ни какъ не на рѣку... Издали только пришлось намъ полюбоваться столицею Уругвая, которая, судя по наружному виду, вѣроятно очень красива. Го-

родъ расположенъ на одномъ изъ двухъ прекрасныхъ холмовъ, лежащихъ при входѣ въ прелестную лунообразную бухту; другой холмъ, лѣвый, занятъ маякомъ, построеннымъ на его вершинѣ, между тѣмъ какъ у его основанія раскинута небольшая деревушка, утопающая въ чудныхъ, роскошныхъ садахъ. Собственно этотъ холмъ и носитъ названіе Монтевидео, которое передается также и городу, расположенному напротивъ.

Монтевидео (городъ) или, какъ его еще называютъ, Санъ-Феличе, имѣетъ чрезвычайно эфектный наружный видъ; онъ построенъ амфитеатромъ; зданія громоздятся другъ надъ другомъ и достигаютъ до самой вершины холма, на которой, господствуя надъ всѣмъ окружающимъ, гордо красуется прекрасный соборъ съ высеребреннымъ куполомъ и двумя величественными колокольнями. Бѣлые дома города, освѣщаемые яркими лучами полуденнаго солнца безъ крышъ и трубъ, сливаются въ одну общую массу, и кажется, что весь Монтевидео высѣченъ изъ гигантскаго цѣльнаго камня: правильными кубами возвышается одинъ домъ надъ другимъ, образуя при этомъ какъ бы величественную лѣстницу, подымающуюся до самаго собора и опять спускающуюся по его другую сторону.

Но вотъ Монтевидео остался далеко позади; корветъ, пыхтя и шумя, бѣжалъ отъ него, какъ отъ чумы, гордо разсѣкая желтыя воды Ріо-де-Ла-Платы; онъ, какъ будто бы, гордился тѣмъ, что первымъ изъ русскихъ военныхъ судовъ шелъ въ Буеносъ-Айресъ. До полночи мы пользовались благопріятною погодою, но въ полночь, на 30 марта, заревѣлъ такой страшный памперосъ [1]), что мы принуждены были тотчасъ же,

[1]) Памперосъ—называются на берегахъ Ла-Платы сильные юго-западные (SW) вѣтры, дующіе ужасными порывами, иногда съ громомъ и молніею. Признакомъ этихъ вѣтровъ служитъ пониженіе барометра, рѣзко очерченныя кучевыя облака, которыя быстро охватываютъ все небо. Затѣмъ наступаетъ мокрая, туманная погода и задуваетъ сперва тихій сѣверо-восточный (NO) вѣтерокъ (такъ на-

гдѣ онъ засталъ, стать на якорь. Кругомъ насъ разлилась страшная мрачность, такъ что съ правой стороны судна нельзя было разсмотрѣть, что дѣлается на лѣвой, отъ гротъ мачты не видна была фокъ-мачта. При такой погодкѣ нельзя было двинуться и шагу впередъ: Ріо-де-Ла-Плата забурлила, закипѣла; волны съ шумомъ и ревомъ лѣзли на корветъ, какъ бы желая поглотить непрошеннаго гостя, яростно били онѣ въ борта, корму, носъ, словомъ, какъ грозная армія наступала отовсюду... Это уже не было правильное волненіе, встрѣчаемое нами въ океанѣ; нѣтъ, оно было похоже на сильное кипѣніе въ чудовищномъ котлѣ. Кругомъ слышался шумъ, похожій на сильный всплескъ волнъ, какъ будто бы наступающая армія раздѣлилась на двѣ враждующія партіи, яростно сталкивающіяся въ страшномъ бою... Завыванье вѣтра, всплески волнъ, хлопанье снастей, скрипъ корветскихъ членовъ—составили какой-то ужасающій концертъ разбушевавшейся стихіи; эта дикая музыка не раздражала слухъ, но въ ней слышалось что-то величественное, грозное, проникающее въ душу и сердце моряка... Окружающая мрачность придавала всей картинѣ, таинственный видъ...

Черезъ два часа памперосъ стихъ, но мы, за пасмурностью, не рѣшались еще сняться съ якоря и ждали разсвѣта; при этомъ интересно замѣтить, что мы простояли ночь на глубинѣ всего только двадцати футъ [1]), слѣдовательно, казалось бы, что корветъ долженъ былъ сидѣть на мели, но ни чуть не бывало: утромъ сня-

---

зываемый сильный памперосъ), съ дождемъ; но затѣмъ вѣтеръ отходитъ отъ NO, черезъ N, NW, W, къ SW (черезъ сѣверъ, сѣверо-западъ, западъ, къ юго-западу), послѣ чего на юго-западѣ (SW) небо очищается и начинаетъ дуть жестокій SW съ ясною погодою; послѣ того онъ отходитъ къ S, SO и обращается наконецъ въ OSO муссонъ (къ югу, югу-востоку и въ востоко-юго-восточный муссонъ). Принося своими сильными порывами большой вредъ судамъ, памперосъ въ то же время приноситъ и нѣкоторую пользу, а именно — очищаетъ атмосферу отъ накопившихся міазмовъ, неизбѣжныхъ при неизменномъ положеніи страны.

[1]) Кормой корветъ сидитъ тоже двадцать футъ.

лись съ якоря также спокойно, какъ будто глубина подъ нимъ была сто сажень. Съ перваго раза покажется это очень страннымъ, но, въ сущности, страннаго ничего не было, потому что грунтъ подъ корветомъ былъ такъ мягокъ лучше сказать, жидокъ, что опущенная баластина (чугунный параллелопипедъ, вѣсомъ въ два или четыре пуда—употребляется для баласта) погружалась въ него на нѣсколько футъ, послѣ чего ее съ трудомъ можно было вытащить изъ воды.

Съ разсвѣтомъ мы снялись съ якоря и уже подъ парусами, чтобы не засорить кингстоновъ, пошли дальше; вдали виднѣлся южный берегъ Ріо-де-Ла-Платы, низменный, въ видѣ обширнаго зеленѣющаго луга; вскорѣ показалась масса стоящихъ на якорѣ большихъ судовъ, разнообразной конструкціи и парусности, но города еще не было видно. Мы съ нетерпѣніемъ ждали его появленія и съ жадностью разсматривали разстилающійся передъ нами низменный берегъ, на которомъ разбросано было нѣсколько невзрачныхъ домовъ, составлявшихъ какъ будто бы что-то въ родѣ небольшаго мѣстечка. Напрасно всматривались мы въ даль, напрасно напрягали свое зрѣніе, оглядывая окружающую насъ мѣстность: кругомъ не видно было ничего, что нибудь похожее на столицу Аргентинской республики. Вдругъ нашъ лоцманъ торжественно объявляетъ, что дальше идти нельзя и нужно здѣсь стать на якорь.

— Гдѣ?! спрашиваемъ мы съ удивленіемъ и разочарованіемъ, неужели здѣсь, гдѣ же Буеносъ-Айресъ?!

Лоцманъ съ какимъ-то насмѣшливымъ видомъ посмотрѣлъ на насъ, какъ бы удивляясь нашимъ вопросамъ, и повторилъ, что дальше идти нельзя, мелко, а нужно стать на якорь здѣсь, на „внѣшнемъ" Буеносъ-Айресскомъ рейдѣ или въ такъ называемой бухтѣ Барраганъ.

— Хорошо, говоримъ мы съ нетерпѣніемъ, да гдѣ же Буеносъ-Айресъ, скажите намъ, пожалуйста, гдѣ онъ, гдѣ онъ? сыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Буеносъ-Айресъ? переспросилъ насъ лоцманъ, какъ бы нехотя и въ то же время удивляясь нашему невѣдѣнію: —о, далеко, далеко отсюда, болѣе десяти миль будетъ!

Вотъ такъ опять нежданный сюрпризъ: въ Монтевидео желтая лихорадка, а тутъ такъ и къ Буеносъ-Айресу не подойти, жалко; но, что-жъ дѣлать, не назадъ же ворочаться, станемъ и здѣсь. Вскорѣ узнали впрочемъ (что насъ немножко успокоило), что не мы одни здѣсь должны стоять, но всѣ большія суда, которыя не могутъ подойти къ Буеносъ-Айресу ближе.

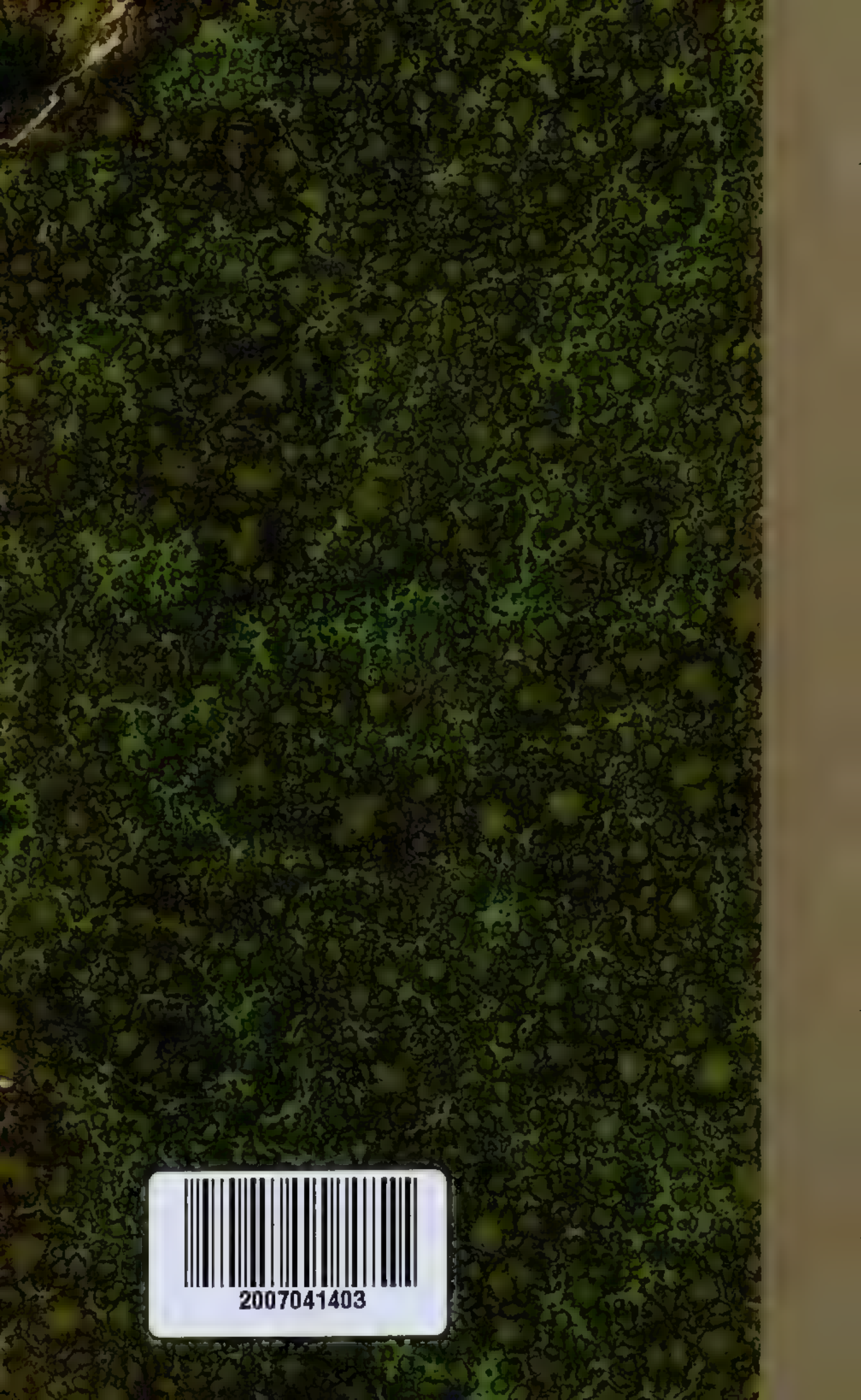
Внѣшній буеносъ-айресскій рейдъ крайне неудобенъ; онъ совершенно открытъ юго-восточному вѣтру, который разводитъ здѣсь большое, неправильное волненіе; глубина его измѣняется отъ 30 (при SO) до 18 футовъ, но стоящія суда этимъ нисколько не смущаются: бываютъ случаи, что нѣкоторыя изъ нихъ сидятъ въ илу футъ, два и даже больше, а между тѣмъ могутъ легко и свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто и дѣйствовать рулемъ, потому что грунтъ здѣсь также жидокъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Ріо-де-Ла-Платы.

Сообщеніе съ городомъ очень затруднительно и это обстоятельство имѣетъ сильное вліяніе на успѣхъ внѣшней торговли, которая, хотя въ настоящее время чрезвычайно обширна, при лучшихъ обстоятельствахъ и условіяхъ была бы, можно сказать, колоссальною. Болѣе тысячи судовъ стоятъ на рейдахъ почти постоянно; но недостатокъ рукъ удерживаетъ ихъ въ Буеносъ-Айресѣ по два и даже по три мѣсяца; выгруженіе привозимыхъ товаровъ и нагрузка мѣстныхъ на суда чрезвычайно затруднительна, потому что ни одна шаланда не можетъ подойти къ пристани, хотя она выведена на полмили отъ берега, и приходится весь товаръ перегружать съ нихъ въ особыя телѣги, на высокихъ колесахъ, которыя для того въѣзжаютъ далеко въ воду...

Вообще, какъ портъ, Буеносъ-Айресъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія и только одна крайняя не-

обходимость можетъ заставить сюда зайти; но за то, какъ политическій центръ Ла-Платскихъ республикъ, онъ заслуживаетъ подробнаго описанія, какъ историческаго, такъ и художественнаго... Кромѣ того, я желаю познакомить читателей съ политическимъ и историческимъ бытомъ Ла-Платскихъ республикъ, но въ особенности Аргентинской; потому что знакомство съ ихъ политическими переворотами, братоубійственной, во вѣки не прекращающейся, войною, измѣнами, рѣзнею, интригами отлично охарактеризуетъ все населеніе этихъ обширныхъ и богатыхъ республикъ, бѣднѣющихъ отъ вѣчной междоусобицы, вѣчной ненависти и вражды, какъ бы передающейся изъ потомства въ потомство, отъ брата къ брату, отъ отца къ сыну, даже отъ матери къ дочери, потому что здѣсь всѣ, мужчины, женщины и дѣти, участвуютъ въ политическихъ переворотахъ своей страны, причемъ нерѣдко отецъ придерживается одной партіи, сынъ другой, братъ—третьей и разгорается у нихъ семейная, братоубійственная война: отецъ не жалѣетъ сына, губитъ его, даже убиваетъ, если нужно; сынъ возстаетъ противъ отца, брата, рѣжетъ ихъ, отравляетъ и задушаетъ или собственными руками или руками наемныхъ убійцъ... Да, эта страна постоянныхъ ужасовъ, безпорядковъ, страна убійствъ и подлостей! Все это легко выведетъ всякій здравомыслящій читатель изъ слѣдующаго политическаго и историческаго очерка республикъ, особенно когда буду описывать двадцатилѣтнее тиранство изверга Розаса, диктатора Аргентинской Республики...

Конецъ первой части.

2007041403